Министерство образования и науки Российской Федерации
Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики

Подольский Д.А.

**Исследование формирования
социально-моральной
компетентности подростков**
монография

*Монография подготовлена в результате проведения исследования
(№ 16-01-0117) в рамках Программы «Научный фонд Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ)» в 2016-2017 гг. и в рамках государственной поддержки
ведущих университетов Российской Федерации «5-100»*

ISBN 978-5-4480-0105-5

9 785448 001055

Тамбов
2017

ukonf.com/mon

Подольский Д.А.

Исследование формирования социально-моральной компетентности подростков: монография. М-во образования и науки РФ, НИУ ВШЭ. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2017. 120 с.

ISBN 978-5-4480-0105-5

DOI: 10.17117/mon.2017.03.02

<https://ukonf.com/doc/mon.2017.03.02.pdf>

РИНЦ: <http://elibrary.ru/item.asp?id=29071528>

Рецензенты:

Иванова Н.Л., д.психолог.н., проф., НИУ ВШЭ, г. Москва

Шебураков И.Б., к.психолог.н., РАНХиГС, г. Москва

Информация об авторе:

Подольский Дмитрий Андреевич, кандидат психологических наук, доцент, НИУ "Высшая школа экономики", г. Москва

Монография подготовлена в результате проведения исследования (№ 16-01-0117) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016-2017 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100»

В монографии приводятся результаты исследования процесса и факторов формирования социально-моральной компетентности подростков. Описываются современные психологические модели изучения таких особенностей личности подростка как ценности, моральная мотивация, моральные эмоции.

Монография предназначена для студентов гуманитарных специальностей и будет интересна всем тем, кто интересуется вопросами изучения движущих сил нравственного поведения человека.

Информация об издании предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – **РИНЦ** по договору № 856-08/2013К

Электронная версия опубликована в **Электронной библиотеке** (свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-57716) и находится в свободном доступе на сайте: **ukonf.com/mon**

Монография. Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 7,50. Тираж 500 экз.

Издательство ООО «Консалтинговая компания Юком»

Адрес редакции: Россия, 392000, г. Тамбов, а/я 44

E-mail: mon@ukonf.com

© 2017, Подольский Д.А.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1. Ориентировка подростков в ситуации морального выбора	6
2. Философское понимание морали как основа для описания специфики предметного содержания ориентировки в ситуациях нравственного конфликта.....	10
3. Изучение морального развития подростков в европейской психологии	15
4. Отечественные исследования морального поведения	24
5. Особенности морального развития в подростковом возрасте	28
6. Исследование особенностей ориентировки подростков в ситуации морального выбора	32
7. Исследование альтруистической позиции подростков	42
8. Проблема альтруизма в контексте морального развития в подростковом возрасте	47
9. Эмпирическое выделение и описание различных типов альтруистической позиции в подростковом возрасте	71
10. Содержательная интерпретация выделенных кластеров	74
11. Исследование связи типа альтруистической позиции и социометрического статуса подростка	78
12. Результаты, полученные с помощью методики исследования морального сознания	83
13. Уровень развития моральных суждений: гендерные различия	85
14. Результаты исследования уровня развития морального поведения: решение моральных дилемм	87
15. Результаты исследования эмоциональных особенностей подростков	91
16. Обсуждение результатов исследования	93
ВЫВОДЫ	103
ПРИЛОЖЕНИЯ	107
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ	111

ВВЕДЕНИЕ

Задачей этой книги является описание подхода к исследованию формирования морального сознания, альтруистических ценностей и установок подростков, обобщенно – социально-моральной компетентности. В книге описывается исследование ориентировки подростков в ситуации морального выбора. Также приводятся различные трактовки морали в философии, результаты психологических исследований морального развития. Основная часть первой главы посвящена анализу эмпирического исследования, целью которого является изучение особенностей ориентировки подростков в моральном содержании различных ситуаций. Далее приводится анализ результатов эмпирического исследования особенностей альтруистической позиции подростков. Приводятся результаты психологических исследований альтруизма в российской и зарубежной психологии, отдельный параграф посвящен определению альтруизма, эмоциональной регуляции альтруистического поведения. В приложении приводятся оригинальные методики, разработанные в рамках данного исследовательского проекта.

Такие понятия как нравственность, мораль, альтруизм все чаще употребляются при описании тенденций развития общества, формирования мировоззрения подрастающего поколения. Как происходит процесс нравственного становления человека? Какие факторы определяют его направленность и динамику? К сожалению, исследования, посвященные анализу морального сознания подростков, их нравственного развития далеко не всегда позволяют ответить на поставленные вопросы. В данной книге приводится анализ двух эмпирических исследований, посвященных изучению морального развития и альтруистических установок подростков. Актуальность подобного рода исследований определяется социально-экономическими изменениями, происходящими в настоящее время в мире. Современное общество, в котором на первый план выходят принципы успешности, личных достижений, неизбежно ставит перед развивающейся личностью вопрос о выборе между общественными и собственными интересами. Подобная дилемма между личным и общественным, между выгодой для себя и благом другого человека становится очень острой. Как указывают многие авторы, подобные противоречия являются причиной всевозможных конфликтов, происходящих в современном обществе как на общественном, так

и на индивидуальном уровне. К нравственным основам поведения зачастую относят чувство долга, гуманность, доброжелательность, любовь, дружбу, сочувствие и т.д. В рамках традиции психологических исследований нравственность рассматривается через призму морального сознания. Регуляция поведения человека на основе морального сознания может рассматриваться как поведение состоит из действий-поступков. В центре рассмотрения такого действия оказывается не факт или способ его совершения, а его моральное качество. Поступок по своей сути представляет собой действие, имеющее ценностное значение, а значит результат морального поведения может выражаться в категориях одобрения или осуждения. Основным критерием оценки поступка является его результат. Что касается объективности результата, то некоторые исследователи разводят понятия результата предметного и результата морального. Последний представляет собой моральную ценность поступка в целом.

Для нас имеет значение тот факт, что как моральный так и альтруистический результат поступка еще не говорит о мотиве субъекта, его совершившего. Так, внешне моральное или альтруистическое действие может побуждаться эгоистическими мотивами. С нашей точки зрения подобное выделение скрытого мотива является важной задачей в отношении исследования морального поведения.

Субъект может руководствоваться в своем поведении неморальными целями, интересами, помыслами и критериями оценки: выгодой, правоммерностью, модой, здравомыслием и т.д. А может быть, "деятельности, мотивированной исключительно моральными представлениями, нормами, чувствами" вообще не бывает в природе? Функционирование норм в моральной деятельности обеспечивается двумя типами моральной мотивации.

1. Ориентировка подростков в ситуации морального выбора

Большой вклад в исследование морального развития внесли работы Л. Кольберга (Kohlberg, 1971), предложившего, периодизацию развития морального развития личности. В основе модели Л. Кольберга лежат происходящие на протяжении онтогенеза стадияльные изменения представлений о справедливости и ответственности субъекта за свои действия, которые соответствующим образом отражаются в суждениях по поводу моральных дилемм. К настоящему времени подход Л. Кольберга является наиболее распространенным, хотя, как неоднократно отмечалось в литературе, так рационалистически понимаемое моральное развитие оставляет нерешенным большое количество проблем, в частности, проблему соотношения морального, интеллектуального и эмоционального развития (Субботский, 1975).

Многообразие накопленных данных о факторах морального развития (воспитание, интеллектуальный уровень, стадия морального развития, личностные качества и т.д.), гетерогенность механизмов, включенных в порождение и осуществление морального действия остро ставит проблему их объяснения с позиции единой психологической концепции (Якобсон, 1984). Современные авторы все чаще обращают внимание на поиск путей к комплексному, психологически более объемному пониманию морального развития (Krebs, 2000; Rest, 1986).

В этой связи особую значимость приобретает замечание С.Г. Якобсон о первостепенном значении вопроса, связанного с выделением «психологического содержания морального развития» (Якобсон, 1985, стр. 19). Ясно, что эта задача может быть решена лишь на основе принятия некоторой общеметодологической позиции, определяющей психологическое содержание человеческой деятельности и ее развития и дифференцирующей его от непсихологического содержания.

С нашей точки зрения продуктивным подходом к моральной проблематике является концепция П.Я. Гальперина, понимавшего психологическое как закономерности развития и функционирование ориентировочной деятельности. Концепция поэтапного формирования доказала свою эффективность применительно к умственным действиям и понятиям. При этом не следует забывать, что большинство исследований проводилось на материале чисто интеллектуальных действий, в которых, в отличие от выбора в ситуации моральной дилеммы, сама личность испытуемого не является важнейшим условием решения задачи (Гальперин, 2002). Ясно, что это обстоятельство предполагает проведение предварительного теоретического исследования, показавшего бы специфику ситуаций, предполагающих совершение морального выбора. Объектом формирования моральной компетент-

ности в психологических исследованиях выступали дошкольники или младшие школьники. При этом подчеркивалось важное значение ориентировки испытуемых, однако, последняя была скорее условием, нежели собственно предметом исследования, в силу чего ее содержание большей частью оставалась за рамками специального анализа. Таким образом, с нашей точки зрения, ориентировка в себе, как субъекте морального выбора и в самой ситуации играет ведущую роль при принятии решения в ситуации морального выбора.

Как в отечественной (Божович, 1995, Якобсон, 1984), так и зарубежной (Suter, 1986) психологии морального развития считается общепринятым указание на процесс присвоения ребенком социальных норм. Несмотря на то, что этому вопросу посвящено большое количество исследований, до сих пор в психологии нет единого теоретического подхода к рассмотрению проблемы присвоения моральной компетентности. Отметим некоторые значимые в этой связи аспекты, обозначенные С.Г. Якобсон (1984). Во-первых, можно ли процесс морального развития рассматривать в контексте развития личности или это два взаимосвязанных, однако относительно самостоятельных процесса? Отсюда второй аспект – несоответствие представления о моральном развитии как стороне целостного психического развития человека и относительной изолированности его экспериментального исследования. Третья проблема связана с определением специфики собственно моральной мотивации, возникающей в ситуации морального конфликта. Классическим примером последнего является ситуация противоречия между действием ради собственной выгоды, нарушающим моральную норму, и поступком в соответствии с нормой, но идущим вразрез с собственными интересами. С.Г. Якобсон описывает подобную ситуацию как столкновение двух систем мотивации – эгоистической и альтруистической. «Каждый из альтернативных поступков побуждается определенной системой мотивов» (Якобсон, 1984, стр. 10). Автор указывает, что в качестве факторов, влияющих на моральное поведение, в разных теоретических концепциях рассматриваются воспитание, интеллект, индивидуальные особенности и др. «Так как в самой модели факторы, определяющие сравнительную силу этих двух систем мотивации, отсутствуют, они могут быть заданы только извне, в том числе и путем наложения на данную (ту или иную) модель других теоретических схем» (там же, стр. 11).

Если вслед за П.Я. Гальпериным рассматривать психологическое содержание действия как активную ориентировку субъекта в условиях осуществления этого действия, то в исследовании любого психического феномена можно выделить некоторые базовые компоненты или этапы (Гальперин, 2002). Условно, первый этап – этап выявления предметного содержания ориентировки, условий, обеспечивающих построение данного действия, возрастно-психологических особенностей субъекта. После того как выделены эти условия, становится возможным построение обобщенной схемы поэтапного формирования исследуемого действия, представления или понятия на основе предварительной психологической модели, раскрывающей условия осуществления ориентировки и механизмы становления ориентировочных структур. Ее состоятельность проверяется путем воспроизведения заранее

заданных свойств формируемого действия или фрагмента деятельности; подобное воспроизведение является объективным критерием достижения или не достижения запланированного результата.

Описанные выше предпосылки выдвигают ряд шагов, которые предполагает подобного рода экспериментальное исследование: 1) выделение ориентировочной основы действия, стоящего за исследуемым феноменом, и условий его выполнения с заданными показателями; 2) построение системы условий перенесения действия в умственный план; 3) построение системы условий, обеспечивающих приобретение формируемым действием заданных характеристик (Гальперин, 2000).

Объективную сторону морального конфликта можно охарактеризовать следующим образом: существует необходимость выбора между несколькими взаимоисключающими альтернативами, в основе которых лежат разные моральные ценности или моральные оценки. С субъективной стороны, моральная дилемма выступает для человека как значимая проблема, требующая решения, в которой субъект различает возможные альтернативы действий и их моральные оценки. Мы считаем, что квалификация проблемной ситуации как моральной правомерна лишь при наличии обеих вышеуказанных сторон, а психологическое исследование подобной ситуации с необходимостью предполагает их учет.

По П.Я. Гальперину (2002) ключевая особенность подобного рода ситуаций заключается в том, что вопросом первого порядка является нахождение и принятие субъектом решения, а вот его реализация – это уже как бы вопрос второго порядка. Так, с моральной точки зрения в ситуации, когда тонет человек, броситься в воду – бесспорно моральное, общественно одобряемое решение. Сам процесс спасения – это уже вопрос знаний и умений спасающего, хотя он и может перерасти в отдельную этическую проблему.

Разработанный П.Я. Гальпериным подход к пониманию воли как особой формы ориентировочной деятельности позволяет нам подойти к анализу специфики ориентировки в ситуации морального выбора. Разрешением конфликта в моральной ситуации служит выбор мотива поведения, понимаемого не просто как побуждение к действию или чувство, но как основание для осуществления действия, за которое человек несет ответственность (Гальперин, 2002). «Мотивы всегда имеют не технический, а нравственный характер. Это не вопрос о том, есть ли технические средства для достижения данной цели... Речь идет о моральной оценке известного рода объектов и поведения с этими объектами» (Гальперин, 2002, стр. 384).

Важно подчеркнуть, что такое понимание мотива не является общепринятым. Так, А.Н. Леонтьев понимал мотив как «то объективное, что отвечает потребности, побуждает и направляет деятельность» (Леонтьев, 2000). П.Я. Гальперин напротив, разделял побуждение и мотив: «Мотив – то, за что человек несет ответственность, а за побуждение – нет. А за то, что он принял это побуждение как основание для своего поведения, он несет ответственность. Он согласился на это... Побуждения толкают на определенное поведение... Мотив – специфически общественное, человеческое образование» (П.Я. Гальперин, 2002, стр. 383-384). Проблема мотива – одна из сложнейших

нерешенных проблем психологии. Только сложная структура мотива как соотношение общественного и личностного позволяет не только подойти к его исследованию объективно, но и создает условия для его формирования, а соответственно – для формирования нравственного действия, для возможности применить и к этой сфере «магистральный путь исследования психических явлений» (Гальперин, 1998, стр. 398). Каким образом сложная структура мотива создает условия для его формирования? Сформировать по П.Я. Гальперину означает создать условия, детерминирующие воспроизведение интересующего нас явления с заданными свойствами. Мы считаем, что на данном этапе развития психологической науки осуществить такое формирование применительно к человеческому мотиву представляется проблематичным. Не следует пренебрегать и этическими вопросами возможности такого формирования. Тем самым, мы определяем основную цель нашей работы как попытку описать ориентировку подростка в ситуации морального выбора. Подобное описание, при условии своей адекватности, впоследствии сможет лечь в основу разработки процедур целенаправленного формирования применительно к сфере морального развития подростка.

Важнейшей особенностью ситуации морального выбора является нравственная природа содержащегося в задаче противоречия. В каких отношениях необходимо сориентироваться субъекту, столкнувшегося с задачей морального выбора? Первое. Он должен сориентироваться в результате намечаемого действия, точнее в его моральной оценке, соответствующей норме или ценности. При этом важно различать два измерения в последствиях действия: ценностное и полезное (Гальперин, 2002, стр. 393). Второе. Субъекту необходима ориентировка в мере и степени своей ответственности за поступок, что тоже по своей природе есть исключительно общественное явление. Третье. Объектом ориентировки в подобной ситуации является сам субъект с его потребностями, эмоциями, особенностями, а также представление субъектом своего места в обществе, что собственно, обуславливает проявление в мотиве того или иного личностного содержания, т.е. значимость для субъекта общественного как такового, в котором необходимо сориентироваться. Это обстоятельство П.Я. Гальперин характеризует следующим образом: в каждой моральной дилемме «... есть некое ключевое звено, которое очень часто вовсе не принадлежит к составу вещественных условий задачи... Например, какое-то представление о престиже, о самом себе, о своем достоинстве, о том, как я выгляжу для другого...» (Гальперин, 2002, стр. 378).

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно предположить, что при рассмотрении ориентировки субъекта в ситуации морального выбора необходимо учитывать следующее: 1) возможность и специфику осуществления субъектом моральной оценки последствий выбора и ответственности за него; 2) возрастно-психологические особенности субъекта; 3) актуальные потребности субъекта, в частности, выделяемая П.Я. Гальпериним в качестве важнейшей потребность в общественном положении.

Исследование ориентировки субъекта предполагает поиск ответов на вопросы: перед кем стоит задача ориентировки, в чем специфика предметного содержания ориентировки, на что необходимо сориентироваться и как осуществляется эта ориентировка.

2. Философское понимание морали как основа для описания специфики предметного содержания ориентировки в ситуациях нравственного конфликта

Под предметным содержанием ориентировки в первую очередь понимают то специфическое в задачи, ситуации, отношениях, в чем необходимо сориентироваться субъекту, чтобы найти и реализовать адекватное решение. Проблемы определения специфики морали и как формы общественного сознания, и в ее отношении к другим формам регуляции человеческого поведения, разрабатывались в рамках философии с античных времен и до сих пор остаются в поле внимания исследователей. Поэтому мы сочли целесообразным обратиться к изучению философских традиций к пониманию морали.

На фоне разнообразных взглядов на эту проблему выделяются две основные линии в развитии моральной философии: нормативная этика и метаэтика. В рамках нормативной этики основное внимание исследователей занимали вопросы поиска общего «этического кодекса», обоснования норм и правил морального поведения. В рамках метаэтики в качестве объекта исследования постулировалась сама природа морального знания, значения этических терминов.

В работе будет использована данная А.А. Гусейновым (1996) трактовка соотношения понятий «этика», «мораль» и «нравственность». А.А. Гусейнов подчеркивает, что эти понятия однотипны по своему этимологическому содержанию, придавая понятиям морали и нравственности синонимическое значение. Тем не менее дифференциация понятий «мораль» и «нравственность» требует дальнейшего глубокого исследования.

В широком смысле, под моралью понимается сфера ценностей и мотивов индивидуального поведения (Апресян, 1995). Дробницкий дает подробную характеристику морали как неинституциональной регуляции, в процессе которой осуществляются действенно-регулятивная, мировоззренческая, идеал-полагающая, духовно-критическая функции морали (а), в ней обнаруживается особая роль сознания и субъективного мотива (б), в частности, используются идеальные по характеру санкции и актуализируются мотивы «незаинтересованности» (в), в требованиях морали отражен разлад между сущим и должным (г). Мораль по Дробницкому – это система ценностей и императивов, ориентирующих людей на духовно-возвышенный идеал человеческого единения, выражающийся в примиренности, солидарности и братской (милосердной) любви (Дробницкий, 1971).

Многие исследователи ставили вопрос о двойственном понимании “моральности” как сферы морали – с одной стороны, и как нормы морали – с другой. John Wilson (1998), например, выделял два аспекта морали в соответствии

с той функцией, которую она играет в общественной жизни. Первый аспект – это обеспечение правильности и безопасности жизни людей в обществе посредством учета норм и взаимных ограничений. Отсюда моральный мотив по сути неморален (но не аморален). Второй аспект – мораль как необходимое условие существования таких сфер человеческой жизни, как дружба, любовь. Мотив "поступать морально" с этой точки зрения самоценен, обусловлен желанием человека идентифицировать себя (to share) с другими людьми. По Wilson это и есть истинная моральность. Теряя свое "моральное" значение, она приобретает личностный моральный смысл.

В европейской философской традиции этика во многом была ориентирована на практические задачи, выработку наставлений и предписаний о том, что человеку должно делать, как поступать, как относиться к окружающему (отсюда ее нормативность). Античные этики исходили из существования универсальных законов Вселенной; этики средневековья утверждали божественное происхождение морали. Переход от нормативной этики к метаэтике совершается под влиянием современной аналитической традиции в философии, одним из тезисов которой можно считать высказывание Айера: "Глупо и самонадеянно для философа ... выступать в роли проповедника добродетели" (цит. по Дробницкий, 2002, стр. 385). В центре внимания метаэтики становится изучение морального языка.

Таким образом, основной вопрос нормативной этики состоит в поиске и обосновании нравственных ценностей, функция которых регулировать поведение человека. Значимая роль при этом отводится обоснованию критериев моральности. В метаэтике главным моментом становится анализ моральной аргументации, языка морали. Соответственно, ключевым вопросом становится выявление особенностей морального суждения по сравнению с суждениями иного рода. В этой связи необходимо определить специфику самих ситуаций предъявления человеку моральных требований, то есть специфику собственно морального содержания нравственных противоречий.

Принцип свободы воли положен и в основу этики Гегеля. Основываясь на принципе диалектического единства субъективного и объективного основания морали, Гегель выделил комплексный критерий моральной оценки: иметь понимание добра, сделать его своим намерением и осуществлять его в своей деятельности. Он ввел разделение на мораль и нравственность. Мораль относится к индивиду, субъективна, это его моральное сознание; нравственность – объективна, относится к его поступкам.

Проблемы метаэтики стали центральными для аналитического направления современной философии, спецификой которого стало обращение к языку морали, моральным терминам и суждениям. Интересно, что изучение моральных суждений стало главным направлением в исследовании морального сознания и в психологии при изучении соотношения морального суждения и морального сознания.

Аналитическая традиция в философии включает в себя такие направления как интуитивизм, эмотивизм, и прескриптивизм. Интуитивистская теория Д. Э. Мура (Рожин, 1991) исходит из непознаваемости моральных понятий, недоступности их для объективного анализа иначе как посредством

моральной интуиции. Это не означает лишение моральных понятий их объективного содержания; основным понятием считается понятие добра. «Добро есть нечто существующее, но недоступное определению интеллектуальными средствами» (там же, стр. 33). Следствием такого понимания является 1) допущение различного понимания добра разными людьми, 2) интуитивность усвоения того или иного морального содержания понятий.

Следствием интуитивистского подхода является концепция Айера, считавшего, что «фундаментальные понятия этики не поддаются анализу, представляя собой псевдопонятия» (там же, стр. 48). Суждение «Вы поступили плохо, украв деньги» приравнивается им к суждению «Вы украли деньги», объясняя это тем, что Ваш оппонент живет в тех же условиях, что и Вы, а значит имеет те же убеждения относительно норм морали.

Таким образом, данный подход не может объяснить приобретение знаний морали, они не определяемы, не познаваемы ни для кого, кроме самого индивида. Выделим три особенности морального рассуждения, выделяемых в интуитивистских теориях морали, а именно: 1) моральные рассуждения уподобляются математическим выкладкам, на них распространяются логические законы; 2) не расшифровывается их специфика по отношению к другим суждениям; 3) предполагая особый метод их познания – моральную интуицию, интуитивисты делают моральное суждение непознаваемым объективно, тем самым не получает развития проблема морального развития и обучения, а также проблема соотношения морального сознания и морального поведения.

Можно выделить три особенности морального суждения: 1) выражение согласия или несогласия с чем-либо (т.е. выражение позиции); 2) тенденция к действию на основе выбранной позиции; 3) наличие не только дескриптивного (описательного) значения, но и невыразимого в словах эмоционального (вызывающие определенные психологические состояния) значения.

В качестве резюме важно отметить, что анализ моральности остается на уровне языка, значений и употребления слов, нет сущностного критерия моральности, «моральное» по сути содержится только в эмоциональном компоненте высказывания; предполагается, что высказать моральное суждение, означает занять высказываемую позицию, что часто оказывается неверным; субъективный критерий моральности и отсутствие ее объективного качества или свойства (Рожин, 1991).

Разработка морального содержания в рамках теории прескриптивизма оставляет открытыми некоторые вопросы, в частности, 1) то или иное предписание, содержащееся в моральном суждении может не отражать реальное моральное сознание; 2) логический вывод в моральном суждении не отражает всю сложность перехода от одних моральных принципов к другим; 3) универсализируемость как характерная черта морального довода оставляет открытым вопросы о влиянии общего морального принципа на поведение человека. В то же время нельзя не подчеркнуть и прогрессивные стороны этого подхода: 1) моральное содержание понятие соотносится с культурным

контекстом, а не детерминируется только субъективными тенденциями. 2) есть попытка связать моральное суждение с моральным поведением.

R. Suter в своей монографии (1986) приводит свое видение морального суждения, определяя его как «фактическое утверждение, заключающее в себе высшую для человека ценность и выражающее позитивную готовность действовать из побуждений о доброте, заботе о других, справедливости, честности, уважении к другим и т.д.» (Suter, 1986, стр. 56). Автор не ставит своей целью дать исчерпывающее и всеобъемлющее определение. По его словам, оно направлено на качественное различение моральных и вне-моральных суждений, но не претендует на то, чтобы «сделать непонятное – понятным», что в частности касается таких понятий как доброта, забота или справедливость, общепринятых определений, дать которые философия еще не в состоянии (если это вообще возможно).

С проблемой выделения специфики содержания моральных суждений тесно связана и проблема морального конфликта, то есть выделения его специфического предметного содержания. Эта проблема находится на стыке философского и психологического анализа. Следующим объектом нашего рассмотрения станет моральная дилемма, а именно, существенные признаки моральной дилеммы в отличие от другого рода проблемных ситуаций.

Первый вопрос заключается в определении специфики моральных ситуаций от ситуаций другого рода (напр. правовых). В общем виде моральная ситуация предполагает: а) отсутствие институционально закрепленных норм поведения; б) отсутствие внешней санкции; в) свободу выбора; г) моральные ценности, нормы.

В исследовании морального развития как в зарубежной (преимущественно – когнитивной), так и отечественной психологии моральное содержание фиксируется именно в форме дилемм или ситуаций морального выбора. Их использование было впервые предложено Ж. Пиаже для провоцирования моральных суждений детей.

В рамках когнитивной психологии вопрос ставился прежде всего в отношении содержания или контекста и уровня абстрактности моральных дилемм (Wark & Krebs, 2000). С.Г. Якобсон охарактеризовала ситуацию морального выбора как возможность выбора между альтернативными вариантами поведения (Якобсон, 1984). По мнению автора, выбор характеризуется наличием трех плоскостей, необходимость учета которых и делает его моральным: значения поступка для самого субъекта выбора; интересов и последствий для других людей; морального значения каждой из альтернатив. Противоречие собственных интересов и их моральной ценности и составляет «проблему морального выбора» (там же, стр. 81). С.Г. Якобсон отмечает, что данная схема описывает только основные случаи морального выбора или «моральной саморегуляции».

Saltzstein (1994) различает моральный конфликт как противоречие между морально должным и неморальным мотивом и моральную дилемму, т.е. противоречие между несколькими моральными ценностями или нормами.

R. Suter (1984) конкретизирует это определение, выделяя следующие признаки моральной дилеммы:

- 1) нечто выступает для человека как проблема;
- 2) возникновение определенного переживания, по поводу проблемы;
- 3) выборы (решения) исключают друг друга;
- 4) хотя бы одна из альтернатив выбора должна быть моральной т.е. иметь моральное обоснование, довод (см. выше);
- 5) внутренний конфликт;
- 6) при любом решении человек идет против себя, свое ценности;
- 7) наличие переживания при любом решении дилеммы, поскольку любое решение идет вразрез с одной из ценностей.

Harding (1985) акцентирует внимание на неразрешимости моральной дилеммы (это отмечали и другие авторы), которая заключается в том, что какое бы действие ни выбрал субъект, он нарушит ту или иную моральную норму. Lind (1986) выделил важные аспекты психологического анализа моральной дилеммы, связанные с построением на их основе метода изучения морального развития:

1. Ценностная природа морального противоречия;
2. Содержание моральной дилеммы может различным образом интерпретироваться разными людьми, что ставит проблему выделения объективных существенных характеристик моральной дилеммы.
3. Существенным условием решения моральной дилеммы является способность субъекта поставить себя на место героя, что ставит проблему адекватности и «жизненности» контекста моральной дилеммы.

Л. Кольберг в этой связи указывал, что: 1) моральная дилемма может считаться таковой только в случае, если она удовлетворяет этическому философскому критерию (некоторые из них приведены выше); 2) существует одиннадцать категорий, которые могут быть предметным содержанием моральной дилеммы: наказание, частная собственность, чувства, власть, право, жизнь, свобода, равенство, правда, сексуальность, сознательность (по Lind & Wakenhut, 1985).

Таким образом, мы можем выделить три типа ситуаций в отношении применения к ним моральной регуляции: 1) ситуации, содержащие конвенциональные или вне-моральные противоречия (например, правовое регулирование); 2) ситуации, содержащие противоречия моральных ценностей и собственных интересов; 3) моральные дилеммы, содержащие в себе противопоставление двух или более моральных ценностей. К первым мы будем относить ситуации, в которых к субъекту применяются конвенциональные, правовые, экономические или иные требования. Ко вторым мы будем относить ситуации, основное противоречие которых связано с несовместимостью собственных интересов поведения и его моральной оценки. Наконец, к третьим мы будем относить ситуации, в которых субъекту необходимо совершить выбор между двумя равновозможными альтернативами поведения, причем каждая из альтернатив имеет моральное обоснование, а субъекту предоставляется свобода в совершении того или иного действия.

3. Изучение морального развития подростков в европейской психологии

Анализ классической и современной литературы по проблеме морального развития позволяет выделить следующие вопросы, являющиеся для нее ключевыми:

1. Что понимается под моральным развитием ребенка, в чем состоит отличие морального развития от развития других сфер личности?
2. Какие требования должны предъявляться к планированию и построению исследования морального развития?
3. Какие условия являются существенными, играющими ключевую роль в моральном развитии ребенка и либо способствующими, либо препятствующими этому развитию?
4. Как можно объяснить различия в моральном поведении одного и того же человека, проявляющимися в различных ситуациях?
5. Что лежит в основе межиндивидуальных различий в показателях морального развития?

На сегодняшний день в качестве основного индикатора морального развития на ранних стадиях онтогенеза авторы рассматривают чувствительность ребенка к переживаниям другого человека, показатели его эмпатии. Как показывают многочисленные исследования, подобные предпосылки морального развития могут наблюдаться уже у младенцев (Lamb, 1996). В возрасте двух лет дети становятся чувствительны к проявлениям беспокойства и тревоги со стороны другого человека. Дети при этом демонстрируют различные формы успокаивающего поведения, выражают знаки сочувствия. Это наблюдается по отношению и к взрослым, и к сверстникам. Эти данные позволили исследователям говорить о ранних проявлениях эмпатии, как одной из составляющих морального поведения.

При этом важным аспектом изучения в этой связи являются индивидуальные различия в проявлении эмпатии. Было показано, что значимые различия между мальчиками и девочками в возрасте двух лет в проявлении эмпатийного поведения в ответ на провоцирующее поведение взрослого не наблюдаются. Однако отмечалось, что девочки чаще, чем мальчики демонстрируют так называемый «заботливый взгляд» как реакцию на беспокойство со стороны другого. Авторы объясняют это проявлением биологической предрасположенностью девочек к будущей заботе о потомстве (Zahn-Waxler, 1993). В других исследованиях ставится под сомнение факт проявления эмпатии в столь раннем возрасте.

В этой связи не стоит преуменьшать и роль различного отношения родителей к мальчикам и девочкам. Показано, что с девочками родители проявляют больше эмоций и больше говорят об эмоциях, чем с мальчиками. При

этом, существуют и различия в интерпретациях поведения взрослыми детского поведения, например, плач мальчика чаще расценивается родителями как проявление агрессии, в то время как плач девочки понимается как проявление страха. Различные ожидания родителей, различные стили воспитания по отношению к мальчикам и девочкам в конечном итоге оказывает существенное влияние на моральную социализацию ребенка.

Влияние темперамента на моральное поведение детей исследовалось в работах Г. Kochanska. Было показано, что беспокойные и тревожные дети в меньшей степени склонны оказывать помощь сверстнику, если тот находится в состоянии стресса. Так, дети с так называемым «легким» характером склонны давать больше просоциальных ответов, нежели их сверстники со сложным темпераментом (Kochanska, 1991).

Интересные данные получены исследователями, изучающими проявление эмпатии у детей с различной степенью выраженности агрессивного поведения. Эти исследования показывают, что асоциальные и агрессивные дети в целом склонны менее проявлять эмпатийное поведение как по отношению к взрослым, так и к сверстникам. Причем говорить о наличии причинно-следственной связи между этими психологическими переменными пока рано. В другом исследовании дети с различной степенью проявления агрессивного поведения изучались на предмет развития эмпатии в возрасте 4-5 и позже в возрасте 6-7 лет. Результаты показали, что в 4-5 лет в отношении проявления детьми эмпатийного поведения результаты экспериментальной и контрольной группы не отличались. При этом, в рамках указанного возрастного периода наблюдалась интересная закономерность: чем выше уровень агрессивного поведения, тем более просоциальными и эмпатийными были ответные реакции ребенка на проявления беспокойства со стороны взрослого и ответы по поводу детской истории. Интересно, что эта закономерность была характерна только для девочек. Подобные результаты связываются авторами с различиями в воспитательных воздействиях по отношению к мальчикам и девочкам в семье. В исследовании также выявлена положительная зависимость между проявлением эмпатийного поведения и склонностью девочек к внутреннему проявлению переживаний как реакции на проблемную ситуацию, например склонность к депрессии.

Однако в возрасте 6 лет наблюдаются значимые различия между детьми с выраженным агрессивным поведением и детьми из контрольной группы. Последние значимо чаще проявляют эмпатийное и просоциальное поведение как на вербальном, так и на поведенческом уровне.

Следующей переменной, изучающейся в контексте морального развития ребенка, является характеристика контекста ситуации, в которой ребенок демонстрирует либо не демонстрирует моральное поведение. Так, показано, что дети по разному ведут себя по отношению к расстроенному поведению взрослого в случае, если таковое было вызвано реальной проблемой или просто плохим настроением (Smetana, 1984). Также выявлено, что при прочих равных условиях дети чаще проявляют эмпатийное поведение к друзьям, чем к сверстникам или незнакомым людям. При этом дети, чьи матери более чувствительны к их потребностям, проявляют больший процент

просоциального поведения. Среди других факторов различного проявления морального поведения указываются неуступчивость, упрямство ребенка, что часто ведет к проявлению агрессивного поведения, депрессивность родителей, ранняя склонность ребенка к деструктивным действиям.

Изучалось влияние различных вариантов атмосферы в семье на формирование эмпатии у детей. Показано, что теплое отношение матери к ребенку, чувствительность к его проблемам способствует развитию эмпатии у ребенка, в то время как частые конфликты в семье снижают вероятность развития эмпатии. К стимулирующим факторам развития эмпатии можно отнести такие формы поведения матери как уважение к ребенку, способность понимать его состояние, участвовать в его игре, организуя пространство игры и поощряя взаимодействие детей в игре.

М. Хоффман (Hoffman, 1990) предложил следующие этапы развития эмпатии: глобальная эмпатия – 1 год – неразделенное чувство себя и других. Примером может являться так называемый феномен заражения – дети с первых дней жизни откликаются на крик других детей. Эгоцентрическая эмпатия – 2 год – физическое разделение себя и других, но ощущения смешаны. Чувственная эмпатия – способность чувствовать и отвечать на потребности другого. Генерализованная эмпатия – ребенок способен выделять общие абстрактные причины поведения и чувств другого человека.

Сложность интерпретации данных подобных исследований часто заключается в отсутствии критериев морального или эмпатийного поведения в столь раннем возрасте. Формы поведения, рассматриваемые в одном случае как нейтральные, в другом могут иметь нравственное значение. Подобные исследования представляют для нас интерес с точки зрения того, какие психологические переменные подготавливают моральное развитие ребенка на протяжении младшего школьного возраста, какие формы поведения изучаются исследователями в связи с изучением морального развития.

J. Goodnow считает, что причиной многих проблем в исследовании морального развития является неверный выбор предмета исследования.

Проанализировав многочисленные исследования, J. Goodnow пришла к выводу, что в фокусе внимания исследователей находятся достаточно редко встречаемые в реальной жизни ситуации. Так, достаточно редко мы сталкиваемся с такими ситуациями как «дилемма Хайнца», описанная Л. Кольбергом. При этом многие ситуации, которые имеют отношение к морали, остаются за бортом исследований. По мнению J. Goodnow необходимо изучать отношения и обязательства между людьми. Например, то, как дети видят взаимоотношения с родителями, когда те станут пожилыми людьми, какие обязательства существуют между друзьями и т.д. При этом предметом изучения станут так называемые когнитивные аспекты поведения, такие как интерпретация ситуации, выделение смысла и значения ситуации. Изучение подобных отношений и обязательств или, если сказать иначе, позиций, позволит рассматривать когнитивные аспекты в их связи с реальным поведением. Таким образом, чтобы лучше понимать моральное развитие ребенка, необходимо сконцентрироваться на изучении более реальных аспектов его поведения, связанных с ситуациями, регулярно происходящих в его жизни.

Примером экспериментальной ситуации, в которой возможно изучение указанных аспектов морального развития детей, может стать ситуация, в которой ребенку предлагается устранить ошибки, допущенные его сверстником.

Многие представления, обязательства начинают формироваться уже в младшем школьном возрасте, что является основанием для изучения морального развития на этом этапе возрастного развития. Часто как источник морального действия рассматривается ситуация нарушения нормы. Но возможно, считает J. Goodnow, увидеть моральное сознание и в ситуациях, на первый взгляд, не требующих особой моральной рефлексии. Это относится к соблюдению различных безусловных требований и норм, таких как необходимость здороваться при встрече, вытирать ноги и снимать головной убор, входя в помещение и др.

J. Goodnow предложила описание процесса формирования моральной позиции ребенком. Принятие определенной моральной позиции описывается ею через следующую последовательность шагов. Исходной точкой является выражение позицией взрослым либо на словах, либо на деле. Далее ребенок определенным образом декодирует сигнал, интерпретирует позицию взрослого. Здесь важно заметить, что ребенок на этом этапе может понять ее как правильно, так и не правильно. Далее ребенок либо принимает данную позицию, либо отвергает ее. На последнем шаге ребенок либо принимает позицию, и она становится его собственным достоянием, психологическим новообразованием, либо новая позиция останется внешней по отношению к ребенку, он будет ориентироваться на нее в своем поведении, но не соглашаться с ней внутренне.

На протекание указанных шагов могут оказывать влияние различные процессы, такие как отношение родителей и других детей, близость, демократичность, теплота, доверие, привязанность.

В ребенке обычно не существует отдельно моральной и аморальной стороны или, скажем, только моральной. В связи с этим важным направлением исследования является объяснение того, как уживаются эти формы поведения в одном ребенке. Почему в одной ситуации он или она ведет себя одним образом, а в другой иногда кардинально другим? На наш взгляд, выявления одних лишь условий морального поведения для ответа на этот вопрос явно недостаточно, здесь мы должны переходить к исследованию собственно механизмов морального поведения.

Моральное развитие – это не только развитие морального знания, это и развитие эмоций, чувств, таких как стыд, вина, эмпатия, которые не менее когнитивных процессов определяют наши решения. При этом в современной психологии морального развития часто можно встретить подходы, изолирующие когнитивные и эмоциональные аспекты морального поведения друг от друга. Возможны ли варианты их интеграции? Этот вопрос приобретает особое значение, когда речь идет о методах морального воспитания. Как научить ребенка быть моральным? Для этого нужно просто воспитать в нем необходимые социально одобряемые действия, добиться их понимания, или сформировать необходимую мотивацию ребенка следовать воспитываемым правилам? Возрастно-психологические особенности младших

школьников создают условия для подобного обучения, на основе формирующейся произвольности и рефлексии. При этом важно, что мы хотим получить в итоге морального воспитания: беспрекословное подчинение норме или же активную позицию ребенка по отношению к норме, возможность оспаривать ее. Обычно развитию последнего в традиционном нравственном воспитании уделяется достаточно мало внимания. Примером здесь может служить отношение общества к ситуации, когда общественно одобряемое моральное поведение реализуется на базе неправильной с общественной точки зрения мотивации.

Родители часто дают ребенку двусмысленные указания, которые точно не определяют действие, а только намекают на него. При этом, особенно в случаях наказания, ребенок не всегда понимает благих намерений взрослых, не знает, что это делается для его же пользы. Поэтому основой морального обучения является формирование позитивного отношения, способность к позитивной интерпретации наших действий (Wren, 1999).

Некоторые авторы (Hoffman, 1990) утверждают, что и когнитивные, и эмоциональные компоненты являются разными сторонами некой общей структуры. Тогда возникает вопрос, что это за структура, каковы ее механизмы, факторы и причины. Насколько механизм их взаимодействия определяет моральное поведение человека? Т.е. являются ли механизмы взаимодействия когнитивной и эмоциональных процессов одновременно и механизмом поведения?

В раннем возрасте дети приписывают негативные переживания (грусть) жертве, а позитивные – агрессору. Соответственно, одним из механизмов морального поведения может стать способность дифференциации эмоций в зависимости от поведения человека, социальных взаимодействий. Другим важным основанием морального поведения является принятие ответственности не только за себя, но и за других членов общества, семьи.

Таким образом, мы можем поставить следующие вопросы: 1) Каковы условия и механизмы развития морального поведения в младшем школьном возрасте, 2) Какие психологические переменные будут избраны нами в качестве предмета нашего анализа, 3) какие методы можно использовать для изучения механизмов морального развития в младшем школьном возрасте.

Проблема морального развития разрабатывалась в русле различных подходов: психоаналитическом, бихевиоральном, когнитивном. Последний на данный момент доминирует в европейской и американской психологии морального развития. В рамках данной работы мы не станем рассматривать упомянутые подходы, это было сделано в многочисленных обзорах и статьях. Свою задачу мы видим в том, чтобы рассмотреть вопрос о механизмах морального поведения, подробнее остановившись при этом на современных исследованиях когнитивных и эмоциональных аспектов морального поведения.

Приведем основные положения наиболее цитируемых концепций, проливающих свет на механизмы морального поведения, к таковым мы относим концепции М. Хоффмана, J. Harding, J. Rest, K. Helkama, J. Haidt. Положения теории Ж. Пиаже и Л. Кольберга будут рассмотрены отдельно. Основой

морального развития в рамках концепции М. Хоффмана является усвоение моральных норм. Под усвоением или скорее присвоением моральной нормы подразумевается чувство обязанности, которое побуждает человека следовать норме и в ситуации, когда за ее нарушение не последует наказания или других негативных последствий для субъекта. Только в таком случае единственной мотивацией может быть следование самой норме. При этом наличия мотивации для совершения морального действия недостаточно, поскольку необходимо, чтобы моральный мотив перевесил в данной ситуации эгоистический, наличие которого часто игнорировалось исследователями. В конкуренции этих двух мотивов и состоит нравственный конфликт. Поэтому моральное поведение важно рассматривать не как исключительно результат морального мотива, но скорее как результирующий вектор сложения сил моральной и эгоистической мотивации, своего рода компромисс между ними. Это положение показывает, что не учет других конкурирующих мотивов поведения в данной ситуации может вылиться в односторонний анализ механизмов морального поведения. Результатом нарушения моральной нормы часто выступает чувство вины, которое также может служить причиной морального поведения.

Выбор поведения помимо эмоциональной стороны определяются и рядом когнитивных компонентов. В первую очередь это представление субъекта о последствиях своего поведения, знание регулирующих ту или иную ситуацию правил и моральные суждения о должном, определяющие ценностные установки личности.

Таким образом мы видим, что следование или не следование моральной норме определяется сложной системой взаимодействий между мотивационными, эмоциональными и когнитивными компонентами. Вопрос может заключаться в следующем: как в процессе социализации ребенка складываются упомянутые компоненты морального выбора. М. Хоффман предполагает, что источником являются воспитательные воздействия родителей, а точнее дисциплинарные воздействия, систему поведения, которую родители требуют от детей. Если проследить динамику дисциплинарных воздействий на ребенка со стороны родителей, то мы можем получить примерно следующую картину: на первом году жизни подобных воздействий практически не наблюдается, на протяжении 2ого года – более половины воздействий родителей на ребенка имели целью изменить его поведение в более желательную форму, при этом больший процент детей в этом возрасте подчинился влиянию взрослого. Отсюда вытекает и основной вопрос исследования: как ребенок переходит от внешней регуляции на основании требований родителей ко внутренней регуляции на основании следования норме. Подобных исследований в младшем школьном возрасте совсем не много.

Интересные модели принятия решения в моральной ситуации сформулированы S. Harding и J. Rest. S. Harding различает два процесса, которые обуславливают моральный выбор: развитие намерения действовать и интерпретацию моральной ситуации. Намерение действовать проходит в своем развитии четыре этапа: 1) возникновение цели действия, 2) формирование

плана действия, 3) оценка выработанного плана, 4) сила воли для его реализации. Таким образом автор указывает наличие сложных взаимосвязей между эмоциональными и когнитивными структурами в процессе принятия морального решения.

По J. Rest (1986) психологическая основа морального поведения раскрывается через четыре основных компонента: 1) восприятие ситуации и интерпретация альтернатив выбора с точки зрения другого (восприятие ситуации как требующей морального выбора; 2) оценка морального содержания 3) моральные ценности должны превалировать над индивидуальными, 4) «Сила Я» для реализации морального поведения.

Основой изучения морального поведения в рамках когнитивного направления является использование моральных ситуаций или дилемм, в которых герой сталкивается с моральной коллизией. Krebs указывает значимость выбора адекватных ситуаций для выявления механизмов морального поведения: 1) абстрактные моральные дилеммы могут не являться индикатором реального уровня морального сознания индивида, 2) роль экспериментатора часто оставалась за пределами анализа, тем самым мотивы самого рассуждения испытуемого в той или иной ситуации оставались невыясненными, 3) различия в индивидуальных особенностях, а также в содержании, которое разные люди вкладывают в одно и то же понятие, могут влиять на показатели морального развития.

K. Helkama предложил рассматривать понятие ответственности как условие осуществления собственно морального действия. Он утверждает, что развитие понятия ответственности основано на развитии двух его аспектов – долга и свободы. Исходная стадия развития включает дифференциацию личной и внешней каузальности как основу развития атрибуции ответственности, конечная стадия атрибуции ответственности характеризуется усложнением использования понятия долга, повышением моральной автономии, отсоединением ответственности от вины и наказания.

Необходимое условие развития ответственности – смена социальной перспективы (в смысле “членства в общественных институтах”, но необязательно реальное функционирование в качестве определенной социальной роли). K. Helkama делает вывод, что новые структуры мышления формируются в реальных действиях и соответственно и новые уровни морального сознания.

J. Haidt (2001) высказал гипотезу, согласно которой, моральное поведение (вернее вербальное моральное поведение), которое мы оцениваем с помощью метода дилемм, в большей степени определяется моральной интуицией, а не моральным сознанием. Моральная рефлексия чаще всего следует уже за вынесенным моральным суждением. Эта концепция опирается на экспериментальные данные, полученные в разных областях психологии. В частности, 1) на эксперименты J. Bargh & T. Chartrand (1999), в которых обнаружилось, что процесс социального познания действует автоматически и без колебаний; 2) эксперименты, которые выявили, что моральное мышление требует определенных усилий и включается в тот момент, когда субъект ищет аргументы в пользу уже сделанного морального суждения (Haidt, 2001);

3) эксперименты, обнаружившие данные, которые утверждают, что моральное мышление подключается в тот момент, когда необходимо убеждать других людей в правильности своего суждения, при этом часто такое убеждения нагружено аффективным зарядом (там же); 4) эксперименты, свидетельствующие о том, что люди склонны давать суждения, характерные для большинства представителей их социальной группы, не включая при этом самостоятельное рассуждение по поставленной проблеме (там же); 5) эксперименты, выявляющие низкую степень связи между моральным суждением и моральным действием. Моральное действие чаще определяется эмоциональными факторами и саморегуляцией (Haidt, 2001).

Данные приведенных исследований позволяют нам сделать несколько предположений: 1) при исследовании морального поведения в младшем школьном возрасте необходимо дифференцировать условия и механизмы возникновения морального действия, 2) модель исследования собственно механизмов морального поведения должна учитывать как когнитивные, так и эмоциональные компоненты, а также сложные взаимосвязи между ними.

Теория развития морального сознания была создана Ж. Пиаже в 1932 году и явилась основой для многочисленных работ когнитивно-генетического подхода (Ж.Пиаже, Л.Кольберг, Д.Кребс, Н.Айзенберг). В основе теории Ж. Пиаже лежит представление о том, что уровень развития мышления определяет уровень развития моральных суждений ребенка. Пиаже исследовал моральные суждения детей, используя метод клинической беседы, предлагая испытуемому решить дилемму и обосновать свое решение.

Также исследовались представления детей о справедливости, о наказании за различные проступки. Эта проблема у Ж. Пиаже получила название проблема карающей справедливости. Различаются два класса наказаний: 1) искупительные, т.е., где тяжесть наказания пропорциональна вине, 2) наказания путем обратного воздействия, т.е. наказание логически связано с проступком, также используется прямое разъяснение ребенку последствий его проступка. Пиаже установил, что младшие дети более склонны верить, по сравнению со старшими в имманентную справедливость, т.е. вера в то, что природа сама накажет за проступок. Более высоким уровнем представлений о справедливости является уровень ретрибутивной справедливости (7-12 лет), когда ребенок проявляет себя как активный сторонник требований равноправия, стремления относиться ко всем одинаково без учета обстоятельств. Высшим уровнем справедливого распределения является уровень дистрибутивной справедливости (после 12 лет), когда ребенок смягчает требование равенства и учитывает обстоятельства проступка (Флейвелл, 1967).

Ж. Пиаже на основании результатов своих исследований выделил ряд стадий морального развития, соответствующих стадиям интеллектуального развития ребенка. Дооперациональной стадии развития интеллекта (2-7 лет) соответствует стадия морального реализма с некритичным отношением к нормам и требованиям, что проявляется в убеждении, что все требования взрослых неприкосновенны и неизменны. По Ж. Пиаже это уровень нравственного эгоцентризма, характеризующейся подчинением власти, моралью авторитарности и одностороннего подчинения ребенка взрослому.

Стадии конкретных операций (7-12 лет) соответствует признание равенства и взаимного уважения, где правила рассматриваются как моральное соглашение. На данном уровне морального развития моральные нормы носят обобщенный характер. Внутренние мотивы и побуждения субъекта морального поведения уже учитываются ребенком.

На стадии формальных операций моральные чувства превращаются в социальные чувства и моральная действительность выделяется как совокупность универсальных законов.

Основными факторами, влияющими на процесс развития морального сознания, Ж.Пиаже считает отношения ребенка в обществе. Он выделяет два типа отношений. Первый тип отношений – отношения принуждения, подчинения, характерны для отношений ребенка и взрослого, так называемая мораль принуждения. Незрелая форма морали не позволяет ребенку оценить желания и мотивы других людей. Восприятие внешнего физического мира приводит к тому, что ребенок считает моральные правила частью физического мира. Он соблюдает нравственные нормы не потому что убежден в их правильности, а из-за чувства привязанности, доверия или из-за запрета, наложенного взрослым, страха наказания.

Другой тип отношений ребенка с окружающими его людьми – отношения кооперации. Необходимость строить свои отношения на основе общих правил, умение понимать свои и чужие мотивы и желания приводит к тому, что нравственность воспринимается не как воля авторитета, а как система изменяемых правил. В основе формирования новой морали равенства и уважения лежит преодоление эгоцентрической позиции ребенка, вследствие деления его мнения сначала с мнением ему равных, т.е. других детей, а затем по мере взросления, и взрослых. Ребенок становится самостоятельным в принятии некоторых моральных решений. В этом случае при наказании акцент переносится на индивидуальную ответственность.

По мере развития морального мышления ребенка, как считает Пиаже, происходит и развитие понятия ответственности. Пиаже выделяет две основных формы развития ответственности: это объективная и субъективная ответственность. При объективной ответственности, которая свойственна суждениям маленьких детей, поступки оцениваются не в соответствии с намерениями, а в их объективном значении последствий действий с предметами. Примером такого морального суждения, за которым стоит объективная ответственность, является утверждение ребенка 3-5 лет о том, что разбить нечаянно дорогую вазу гораздо хуже (т.е. наказание должно быть более строгим), чем намеренно разбить невзрачную чашку. Такая форма ответственности характерна для гетерономной морали маленьких детей. В связи с развитием морального мышления ребенка изменяется и его понимание ответственности. В суждениях о поступках других людей начинают учитываться и внутренние факторы (намерения, мотивы, интересы других индивидов). Эта модифицированная форма ответственности получила название субъективной ответственности (Якобсон С.Г., 1984).

Однако, несмотря на утверждение Ж.Пиаже о том, что уровень морального развития соответствует уровню когнитивного развития ребенка, в

экспериментах было показано наличие феномена временного запаздывания морального развития ребенка по сравнению с развитием мышления. Теоретические и экспериментальные исследования Ж.Пиаже показали, что моральные суждения детей развиваются. Схема периодизации морального развития человека в онтогенезе, разработанная в трудах Пиаже, получила свое дальнейшее развитие в исследованиях Л.Кольберга, наиболее известного последователя Ж.Пиаже.

4. Отечественные исследования морального поведения

В отечественной психологии моральное развитие ребенка рассматривается как присвоение им моральных норм и правил поведения (Божович, 1995; Якобсон, 1984). Изначально данные в форме внешних требований для ребенка, моральные нормы приобретают регулятивную функцию, становясь мотивами его поведения. Переход к саморегуляции на основе принятых моральных норм предполагает наличие когнитивных (знание нормы, умение оценить следование норме) и личностных (собственной заинтересованности в соблюдении нормы) предпосылок, позволяющих следовать моральным нормам при отсутствии внешних требований (Якобсон, 1984). “Рассматривая нравственное развитие как развитие саморегуляции в сфере нравственных отношений, мы обращаемся к ... психическим образованиям, которые ... характерны для личности в целом. Лишь в сочетании со специфическим содержанием нравственности они приобретают свой особый смысл” (Карпова, Лысюк, 1986, стр. 15).

Первичные этические представления возникают уже при переходе от раннего возраста к дошкольному (Д.Б. Эльконин, Л.И. Божович). Дети начинают использовать нравственные нормы для регулирования совместного поведения в игре, которая становится основным контекстом усвоения норм в дошкольном возрасте (Карпова, Лысюк, 1986). При этом образцом нравственного поведения для ребенка является взрослый. Следование образцам является одним из основных механизмов интериоризации моральных норм в подростковом возрасте (Эльконин, Драгунова, 1967). В отличие от предыдущих стадий развития, в подростковом возрасте большое значение приобретают нравственные идеалы как образцы для подражания, ориентирующие поведение, деятельность и отношения подростков (Эльконин, Драгунова, 1967; Божович, 1995). В нравственном развитии подростка все большую роль начинают играть сверстники, предоставляющие значимые образцы морального поведения.

Е.В. Субботский (1983) выделяет три основных плана исследования в сфере морального развития: выявление связи вербального и реального поведения; изучения возрастной динамики и механизмов морального поведения; рассмотрение культурно-исторического контекста морального развития ребенка.

Интенсивную экспериментальную разработку получила проблема соотношения вербального и реального поведения (Карпова, Лысюк, Якобсон, Субботский). Е.В. Субботский отмечает, что при совершении нравственного поведения, как вербального, так и реального, ведущую роль может играть как собственно нравственный так и прагматический мотив. Это ставило проблему поиска факторов, определяющих формирование собственно морального, то есть совершаемого бескорыстно действия, в основе которого лежит моральный мотив.

В исследовании Карповой и Лысюк (1986), были выделены следующие факторы формирования морального поведения: 1) наличие образца морального поведения; 2) способность выделять нравственную сторону взаимоотношений; 3) моральный мотив.

Формированию моральных мотивов у дошкольников посвящено, в частности, и исследование Е.В. Субботского (1981). Он выделяет роль такого фактора как изменение социальной позиции дошкольника, ставя его в ситуацию проводника и защитника норм, для формирования морального поведения.

С.Г. Якобсон, рассматривая проблему морального мотива в контексте общей проблемы моральной саморегуляции, выделяет следующие условия ее осуществления: 1) понимание детьми различных альтернатив выбора; 2) адекватная моральная оценка этих альтернатив; 3) критическое отношение к себе в ситуации нарушения нормы.

Савченко Е.А. выделяла роль моральной оценки подростков в выборе ими морального поведения. (1997). Она выявила три компонента моральной оценки: мотивационно-ценностный, операционально-содержательный и эмоционально-волевой. Савченко выделяет в качестве важнейшего элемента моральной оценки знания-убеждения, однако, ключевым компонентом осуществления действия остается волевой компонент.

В диссертационном исследовании Соломатиной (1991) в качестве основного психологического механизма морального поведения личности рассматривается способность к децентрации, то есть умение отнестись к самим нормам, оценить их с точки зрения интересов конкретных людей. Автором анализируются смысловые и интеллектуальные аспекты нравственной децентрации.

В диссертационном исследовании Плотниковой (1998) выделяется десять компонентов ориентировочной основы морального действия на примере действия оказания помощи: 1) осознание проблемы 2) оценка способности нуждающегося справиться самому, 3) оценка собственных затрат, 4) оценка отношений между участниками ситуации, 5) оценка реакции других людей, 6) оценка своего состояния, 7) изменение самооценки в результате действия, 8) наличие навыков, 9) умение спланировать последовательность операций, 10) осуществление действий или отказ от них.

В зарубежной психологии проблема морального развития разрабатывалась в рамках нескольких психологических направлений (психоанализ, бихевиоризм, когнитивное направление).

Психоаналитическая концепция (З. Фрейд, А. Фрейд, М. Клейн) рассматривает моральное развитие как процесс адаптации к нормам и требованиям общества. Необходимость самой адаптации вызвана, в первую очередь, противоречием между инстинктивными влечениями человека и требованиями социальных институтов, направленных на упорядочивание отношений людей друг с другом. Основные силы, определяющие конфликт человека и общества находятся в самом человеке. Фрейд обозначил их через гипотетические конструкты личности Ид, Эго и Суперэго. Именно последний компонент служит носителем моральных норм устанавливает и поддерживает морально-нравственные стандарты, желаемые цели и идеалы (Тайсон, Тайсон, 1998). Ключевую роль для формирования Суперэго играет разрешение Эдипова комплекса.

По мнению Гринэйкр (Тайсон, Тайсон, 1998), Суперэго проходит в своем развитии четыре этапа: основа закладывается в первые два года жизни, опыт плохого и хорошего формируется в годы формирования привычек, борьба за Эдипов отказ примерно в пятилетнем возрасте, процесс социализации в латентный период. Реорганизация Суперэго в подростковом возрасте связана с необходимостью обретения независимости от родителей, поиском новых идеалов, в частности, в группе сверстников.

Поведенческий компонент морального развития рассматривается в рамках бихевиористского направления и понимается как социализованное поведение, соответствующее социальным представлениям. Так Berkowitz (1998) определяет моральность как оценку поведения "верное – не верное" со стороны общества. М. Hoffman (2000) утверждает, что моральное поведение понимается как действия или их избегание, обусловленные воздействием в качестве поощрения или наказания. Стимулирование морального поведения есть поощрение положительных и наказание отрицательных с общественной точки зрения действий. Поведение в новых ситуациях есть результат генерализации прошлого опыта. Научение может происходить в результате подражания, моделирования или идентификации. Основные детерминанты морального развития – факторы окружения. Жизненный цикл рассматривался как надстройка новых навыков над старыми.

Когнитивный подход к моральному развитию, связанный прежде всего с именами Ж. Пиаже и Л. Кольберга, делает акцент на развитии морального сознания, рассматриваемое как смена определенных стадий в течении всей жизни. Содержанием морального развития по Л. Кольбергу является «интериоризация культурных правил социального действия» (Якобсон), в результате которого формируется моральная компетентность человека т.е. способность принимать и обосновывать моральные решения, основываясь на внутренних принципах и действовать в соответствии с ними (Lind, 1985). Важно отметить, что Л. Кольберг выделил моральные отношения из социальных, связывая первые с ценностью человеческой жизни, подчинением социальным правилам и законам (Якобсон). Критерий моральности определяется при этом через норму выполнения обязательств, справедливости и ответственности как универсальных моральных принципов. Сформулированные Л. Кольбергом шесть стадий морального развития легли в основу

большинства современных европейских исследований. Тем не менее, следующие постулаты, лежащие в основе стадияльной модели Л. Кольберга, вызвали большое число критических отзывов (К. Helkama).

1. Последовательность стадий инвариантна, одинакова для всех людей. Однако развитие в каждом отдельном случае может проходить по-разному, в зависимости от конкретных жизненных условий и обстоятельств.

2. Стадии – структурное целое, что означает реорганизацию и изменение мыслительной деятельности в целом, качественно перестраивая понимание индивидом моральной дилеммы.

3. Стадии формируют определенную иерархию, в которой каждая последующая стадия включает в себя предыдущую.

4. Стадии универсальны для всех культур

Последующие исследования обнаружили более сложную картину развития. Так, Hubermans (1985) выделил следующие проблемы, не решаемые с помощью стадияльной модели: практически нет экспериментальных доказательств для существования шестой стадии и существования экспериментальных доказательств регрессии на предыдущую стадию. В рамках выделенных стадий невозможно описать некоторые варианты развития, что приводит к необходимости выделения промежуточных стадий (5-ая дополнительная или 4,5). Ряд авторов подчеркивали межситуационное непостоянство поведения человека (Frazer, 1997, Krebs et al, 1997); отмечалось также существенное культурное влияние на ход развития морального сознания (Battistich, 1990, Hoffman, 1981).

Предполагая, что человек воспринимает моральную ситуацию через призму той стадии морального развития, на которой он находится, Л. Кольберг считает моральное суждение основным отражением морального мышления. Отсюда и использованный им метод – метод беседы по поводу моральной дилеммы, позволяющий по определенным критериям определить уровень развития морального сознания человека. При этом значимым является не сам выбор, но то или иное его обоснование. Для этого Л. Кольбергом были специально разработаны несколько моральных ситуаций, содержащих себе моральное противоречие, наиболее известной из которых является дилемма Хайнца (см. приложение).

Подход Кольберга вызвал и ряд других критических замечаний (Krebs et al., 1997): 1. Абстрактные моральные дилеммы могут не являться индикатором реального уровня морального сознания индивида. 2. Ситуация взаимодействия испытуемого и экспериментатора оставалась за пределами анализа, тем самым мотивы самого рассуждения испытуемого в той или иной ситуации оставались невыясненными. 3. Индивидуальные особенности в рассуждении, а также содержание, которое разные люди вкладывают в одно и то же понятие, могут влиять на показатели морального развития (Gouinlock, 1993).

Оппонентом Кольберга выступила К. Гиллиган, предположив, что мужчины и женщины различаются в способах интерпретации моральной ситуации. Если мужчинам больше свойственно рассматривать моральную дилемму со стороны справедливости, то женщинам больше свойственна

забота. По этой проблеме существуют противоречивые сведения, однако некоторые данные свидетельствуют, что употребление того или иного принципа в большей мере зависит от содержания дилеммы, чем от пола (Wark & Krebs, 2000).

Примером экспериментального изучения морального поведения может служить исследование поведения семинаристов (Rest, 1986), которым после обсуждения библейской истории о добром самаритянине предъявлялась схожая ситуация, в которой человеку требовалась помощь. Результат показал, что в ситуации недостатка времени (семинаристы должны были быстро перейти в другое здание) помогали реже, чем в случаях, когда времени было достаточно. Можно сделать вывод, что реализация морального поведения зависит от доминирующей в этот момент потребности, определяющей чувствительность к ситуациям, предполагающим моральное поведение.

Тем самым подчеркивается, что моральное поведение представляет собой сложный феномен, включающий в себя различные психологические процессы, взаимодействующие между собой, в противовес представлению о независимости аффекта, интеллекта и поведения.

В объяснении перехода знания в поведение (ценность – поведение) авторы исходят из существования изначальной потребности в позитивных взаимоотношениях с другими, наряду с индивидуалистическими стремлениями. Сходную модель предложил Т. Lickona (1990), выделив условия становления моральной компетентности в классе: совместное выполнение заданий и принятие решений, моральная рефлексия, высокая самооценка ребенка, создание открытого коллектива на основе взаимного уважения детей друг к другу. Автор исходит из положения, о том, что проявления морального или асоциального мотива зависит от условий, в которых воспитывается ребенок. Моральное поведение есть как результат специального обучения, так и продукт собственного опыта ребенка. Это ставит задачу организовать этот опыт с той точки зрения, чтобы он привел к появлению высокого уровня морального поведения.

5. Особенности морального развития в подростковом возрасте

Необходимость учета возрастнo-психологических особенностей при анализе структуры и содержания ориентировки отмечается многими авторами. Большинство исследований морального развития, проведенных в русле теории поэтапного формирования, были посвящены дошкольному и младшему школьному возрасту (Мурзинова, 1988; Карпова, Лысюк, 1986; Плотникова, 1998). Интерес к подростковому возрасту в этом отношении появился достаточно недавно (исследования, выполненные под руководством А.И. Подольского и О.А. Карабановой в рамках проекта MAMOS 1999 -2001,

диссертационное исследование А.В. Садовой). При этом моральное развитие в подростковом возрасте было и остается предметом многочисленных психологических исследований.

Переход от младшего школьного к подростковому возрасту характеризуется значительными изменениями в личности ребенка. В отечественной психологии, вслед за Л.С. Выготским, принято рассматривать происходящие изменения в контексте понятия возраста как целостного периода развития, с учетом всей совокупности взаимоотношений ребенка, строения его деятельности, качественного своеобразия его психической жизни. Ключевое положение здесь занимает понятие социальной ситуации развития (Караба-нова, 2002).

современной европейской психологии выделяют биологические, социальные и интеллектуальные аспекты подросткового возраста (A. Slater & G. Bremner, 2003). К биологическим аспектам относят изменения параметров тела подростка и наступление полового созревания. Изменения в социальной сфере связаны с перестройкой отношений подростков с родителями и сверстниками. Интеллектуальное развитие (по Ж. Пиаже) характеризуется достижением подростками стадии формальных операций, открывающей возможности гипотетико-дедуктивного рассуждения. Перемены в жизни подростков ставят перед ними новые задачи развития, от успешности решения которых будет зависеть его развитие в следующие периоды жизни (Э. Эриксон, Р. Хэвигхерст, П. Хейманс).

Основное развивающее противоречие подросткового возраста в концепции Э.Эриксона описывается им как поиск идентичности и опасность смешения ролей. В связи с интенсивным ростом, половым созреванием многие «тождества и непрерывности, на которые эго полагалось до этого, снова подвергаются сомнению» (Эриксон, 1996, стр. 249). С поиском идентичности Э. Эриксон связывал понятие моратория, как отсрочки принятия подростком общественных обязательств (Обухова, 1995). Внешним условием развития идентичности становится расширение радиуса значимых отношений, повышение значимости оценки и мнения группы для подростка (Цукерман, 1995).

Важность задач развития отмечал Р. Хэвигхерст (1995). По его мнению, эти задачи специфичны для каждого периода жизни. Их успешное решение означает эмоциональное благополучие (счастье) индивида и основу для успешного решения задач в будущем, неуспех же ведет к разочарованию (несчастью) и сложностям в решении дальнейших задач развития. Среди основных задач развития в подростковом возрасте Р. Хэвигхерст выделял принятие социальной ответственности за свое поведение и достижение определенной этической и моральной компетентности.

Оставаясь на позициях отечественной психологии, мы будем рассматривать подростковый возраст через призму специфики социальной ситуации развития, ведущей деятельности и основных новообразований этого возраста (Выготский, 1983). В отечественной психологии подростковый возраст принято условно определять в границах между 10-11 и 15-16 годами (Эльконин, 1967). В социальной ситуации развития подростка можно

выделить три базовых контекста взаимодействия: Подросток – Сверстники, Подросток – Родители, Подросток – Учитель (Социальный взрослый). Перестройка этих систем отношений, учитывая социальный контекст подросткового возраста, заключающийся в отсутствии у подростка средств влияния на социальную действительность, определяют нормативный контекст развития в данном возрасте.

Основным новообразованием, специфическим для подросткового периода, является новый уровень самосознания (Выготский, 1983, Божович, 1995). В самосознании отражаются представления подростка о себе, своем положении в системе социальных отношений (Венгер, 2002). Л.И.Божович отмечает важную сторону развития самосознания в подростковый период – формирование жизненной позиции, как «своеобразного интегратора потребностей личности, как причины основных психологических сдвигов в развитии» (Божович, 1995, стр.59). Тем самым, важной психологической задачей для подростка является задача самоопределения. Это подчеркивал В. Штерн, определяя подростковый возраст как возраст самонаблюдения, самооценки, самооформления и самоизображения (Обухова, 1995).

Восприятие подростком себя во многом определяется другим ведущим новообразованием подросткового возраста, выделенным Д. Б. Элькониным, а именно чувством взрослости, отношением подростка к самому себе как к взрослому (Эльконин, 1967). В оформлении образцов взрослости, представлений о нормах, правилах и особенностях взрослой жизни критическая роль принадлежит семье. Одной из сфер взрослой жизни являются и сознательные нравственные представления. Такие факторы семейного воспитания как эмоционально-теплые отношения, частое общение с детьми, значимость роли ребенка в структуре и жизни семьи, демократичное отношение к подростку со стороны родителей во многом определяют формирование его моральных убеждений (Райс, 2000).

В исследовании Н. Bertram (1985) показана взаимосвязь между различными семейными факторами (семейные ценности, структура семьи) и моральным развитием ребенка. В частности, показан интересный факт влияния степени автономности на рабочем месте отца на уровень развития морального суждения подростка. Что родители оказывают большое влияние на моральное развитие ребенка, при этом существенно отличающееся от влияния отношений со сверстниками, было показано и в других исследованиях (Walker et al., 2000). Исследуя характер влияния семейных отношений и отношений со сверстниками, L.Walker было установлено, что быстрый темп морального развития связан с использованием родителями определенных стратегий морального рассуждения. Рефлексия подростком своего состояния, своих возможностей и личностных качеств приобретает на этом этапе развития качественное своеобразие. Каким я хочу быть? Какие критерии оценки для меня значимы? Как реализовать в себе желаемые качества, добиться признания? Как соотнести все эти аспекты, интегрировать их, определить поведение в данной конкретной ситуации? Значение этих вопросов, которые сознательно или неосознанно встают перед каждым подростком, отмечали многие авторы (Фельдштейн, 2000).

Поиск ответов на многие подобные вопросы тесно связан с ведущей деятельностью подростка – интимно-личностным общением со сверстниками (Эльконин, 1967). От референтной группы во многом будут зависеть формирование тех или иных представлений подростка, социальных и моральных принципов, отношения к окружающим; в группе «происходит усвоение моральных норм, осваивается система моральных ценностей» (Обухова, 1995, с.292).

Формирование моральных норм в группе детей в процессе взаимодействия исследовал Ж. Пиаже (1996). Л. Кольберг показал значимость и роль группы в становлении высокого уровня моральной компетентности подростков на примере построения «Справедливого сообщества» (Just Community).

Возможности нормативной регуляции подростком своего поведения по сравнению с предыдущими периодами существенно обновляются: повышается значимость норм товарищества, начинать играть роль "кодекс чести", и т.д. В этой связи Л.И. Божович отмечает роль запретов, которые накладывает или может накладывать подросток на самого себя. Большая часть подобных запретов связана с моральными и нравственными нормами. Разрешение основного конфликта подросткового возраста между желаемым и разрешаемым, как отмечает К.Н. Поливанова, сопровождается переосмыслением подростком общественных ценностей и норм, формированием собственных ценностных ориентаций.

Исследование ценностного аспекта морального сознания подростков посвящены кросскультурные исследования (Helkama 2002; Молчанов, 2002). Российские и эстонские подростки придают большое значение ценности успеха и достижений, в отличие от финских подростков. Показано, что для восточно- европейских подростков ценности власти, благополучия и т.д. значимо превосходят по степени важности для западноевропейских подростков. Для американских старшеклассников в значительно большей степени, чем для их российских сверстников, свойственна ориентация на ценность справедливости, в то время как у российских подростков доминирует ориентация на ценность заботы. Современные сравнительные исследования российских и германских подростков показывают значительные сходства в ценностных ориентациях. Выбор тех или иных моральных ценностей, накладывающих на подростка определенные обязательства и запреты, во многом определяет моральное развитие в этот возрастной период.

Основной особенностью развития интеллектуальной сферы в подростковом возрасте является переход на стадию формальных операций. В отличие от предыдущих стадий, ограничивающих мышление ребенка ситуацией «здесь и сейчас» и возможностью оперировать конкретными свойствами объектов, подросток рассматривает реально существующее как частный случай потенциально возможного (Флейвелл, 1976). Это предполагает следующие особенности мышления подростка: его гипотетико-дедуктивный характер, мышление предложениями, ориентировка на различные варианты решения задачи, в том числе на возможные, непосредственно не представленные, способность к комбинированию и метамышлению. Ж. Пиаже

(1997) определил, что дошкольники в большинстве находятся на стадии нравственного реализма, которая сменяется у более старших детей стадией нравственного релятивизма.

На основании теоретических исследований Л.С.Выготского, Ж.Пиаже, Э.Эриксона, Д.Б.Эльконина, Дж. Марсиа, Р. Селмана, Г.А. Цукерман и др. можно выделить следующие возрастно-психологические особенности, значимые для морального развития подростков: в когнитивной сфере – формирование рефлексии, возникновение временной перспективы, развитие формально-логического мышления, увеличение личностного компонента в мышлении; в ценностно-смысловой сфере – регуляция своего поведения поднимается на качественно иной уровень функционирования, определяющую роль в развитии нравственного сознания начинают играть значимые ценности; подросток сталкивается с проблемой пересмотра смысла того, что еще недавно было для него близко и значимо, вопросы смысла занимают одно из ведущих мест в жизни подростка; способность к осознанию подростком своих эмоций и настроений позволяет ему делать выводы о своих истинных мотивах; развивается способность к сочувствию, сопереживанию;

в мотивационно-потребностной и личностной сфере – качественные преобразования в самосознании, формирование эго-идентичности; способность к сознательному руководству собственным поведением; принятие личной ответственности за свои поступки; изменения в эгоцентрической позиции личности.

Имеющиеся в современной науке знания о возрастно-психологических особенностях подростка позволяют наметить те сферы, учет которых необходим при исследовании ориентировки подростка в ситуации морального выбора.

6. Исследование особенностей ориентировки подростков в ситуации морального выбора

Описание исследования

Делая акцент на изучении ориентировки подростка в ситуации морального выбора, нам необходимо получить данные: 1) о характеристиках такой ориентировки; 2) ее соотношении с параметрами, фигурирующими в уже утвержденных и проверенных положениях психологии морального развития. В качестве таковых мы рассматриваем положения стадийальной концепции морального развития Л. Кольберга и, соответственно, параметры решения подростком моральных дилемм. Свою задачу мы видим в том, что бы показать соотношение уровня морального сознания по Кольбергу и ориентировки подростка в ситуациях нравственного противоречия.

Кратко отметим существенные для нашего эмпирического исследования положения:

1. Исходя из результатов анализа предметного содержания ориентировки мы будем рассматривать три типа ситуаций, в зависимости от наличия и особенностей морального конфликта:

а) ситуации неморального выбора

б) ситуации морального выбора между моральным и прагматическим мотивом поведения

в) ситуация моральной дилеммы, то есть столкновение двух моральных ценностей

Для каждого типа нами была подобрана особая ситуация, причем были выбраны ситуации, оцененные подростками как наиболее сложные и проблемные. Экспериментальная ситуация ("Жан"), представляющая собой моральную дилемму была заимствована из работы Ж. П.Сартра (1967); ситуация выбора между моральным и прагматическим мотивом поведения ("Диего") – оригинальная ситуация Л. Кольберга, ситуация неморального выбора ("Марсель") разработана нами специально для данного исследования (разработанные нами методики можно найти в приложении).

2. Учитывая возрастно-психологические особенности подростка, мы выделяем следующие направления нашего исследования:

а) личностные особенности субъекта выбора, его интеллектуальное развитие и эмоциональный статус;

б) ценностно-смысловую сферу личности;

в) особенности ориентировки подростка в ситуации морального выбора.

Мы использовали следующие методики:

Эмоционально-личностные предпосылки ориентировки: Депрископ (П.Хейманс), 14-ти факторный тест Кеттелла (юношеский вариант), субтесты методики ШТУР (аналогия и классификация).

Ценностно-смысловая сфера: опросник моральных суждений (М. Аль-Шейх), методика ценностных ориентаций М. Рокича.

Исследование ориентировки проводилось с помощью модифицированного опросника моральных дилемм.

Для изучения уровня развития морального сознания по Л. Кольбергу мы использовали методику "Моральные дилеммы" (Подольский, Карабанова, 2000).

3. Принимая во внимание представленные в литературе исследования морального развития, выделим следующие параметры ориентировки подростка в ситуации морального выбора:

а) учет отношений с другими участниками ситуации при выборе своего поведения;

б) учет последствий своих действий;

в) учет моральной оценки возможных альтернатив своего поведения;

г) учет собственных личностных качеств при выборе поведения.

Рассматривая ориентировку в качестве предмета нашего исследования, мы исходим из следующей гипотезы:

1. Теоретически выделенные параметры ориентировки существенны для понимания процесса разрешения подростком ситуации морального выбора.

2. Существует связь между параметрами ориентировки подростка в ситуации морального выбора и уровнем развития его морального сознания по Л. Кольбергу.

Приводим более подробную характеристику использованных нами методик:

Многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла (юношеский вариант)

Это одна из наиболее известных методик, созданных в рамках объективного экспериментального подхода к исследованию личности (в юношеском варианте 14 факторов). В рамках данного подхода наиболее распространенной является "теория личностных черт", согласно которой личность описывается как совокупность устойчивых, взаимосвязанных элементов (основных первичных свойств личности), определяющих ее внутреннюю сущность и поведение. Опросник содержит 156 (142 – для юношеского возраста) вопросов и предназначен для тестирования лиц от 16 лет и старше (для юношеского возраста это 12-16 лет). Несмотря на то, что опросник достаточно длинный подростки с удовольствием заполняют его. Однако часто возникают вопросы, связанные с тем, что невозможно выбрать один из полярных вариантов ответа. Предварительное вступление к данному тесту, ориентирующее подростков на выбор наиболее приемлемого из представленных вариантов, подчеркивая, что упомянутые варианты не являются исчерпывающими, позволит нивелировать многие подобные вопросы.

Методика "Ценностные ориентации" М. Рокича

Система ценностных ориентации определяет содержательную сторону направленности личности и составляет основу ее отношений к окружающему миру, к другим людям, к себе самой, основу мировоззрения и жизненной концепции.

Наиболее распространенной в настоящее время является методика изучения ценностных ориентации М. Рокича, основанная на прямом ранжировании списка ценностей. Из изначально большого числа ценностей, М. Рокичем были выделены 36 наиболее репрезентативных.

М. Рокич различает два класса ценностей:

1. терминальные – убеждения в том, что конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться;
2. инструментальные – убеждения в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации.

Это деление соответствует традиционному делению на ценности-цели и ценности-средства. Внутри каждого блока М. Рокич не объединял ценности в типы, оставляя за каждой из них свое уникальное содержание.

Респонденту предъявляются два списка ценностей (по 18 в каждом). Испытуемый присваивает каждой ценности ранговый номер или раскладывает

карточки с ценностями по порядку значимости. Считается, что последняя форма подачи материала дает более надежные результаты. Вначале предъявляется набор терминальных, а затем набор инструментальных ценностей.

Опросник моральных суждений

Опросник был разработан М. Аль-Шейхом в рамках диссертационного исследования, выполненного под руководством А.И. Подольского. Опросник направлен на выявление взаимосвязи между компонентами нравственного сознания подростка, выражающимися в суждениях, и образом поведения в ситуациях, требующих от человека ориентировки в собственных нравственных основаниях. Опросник имеет 13 шкал, каждая из которых представлена как моральными установками субъекта, так и образом его поведения в ситуации морального конфликта.

«Моральные дилеммы»

Для оценки уровня развития морального мышления, особенностей решения моральных противоречий в разных контекстах взаимодействия, особенностей ориентации на партнера при осуществлении морального выбора, уровня развития моральных суждений и вербального морального поведения была использована методика «Моральные дилеммы». Данная методика была разработана в международном проекте «MAMOS» (Подольский А.И., Карабанова О.А., 2000).

Испытуемому предлагаются две ситуации, приближенные к реальной жизни подростков и вопросы к ним, касающиеся оценки поведения одного из героев ситуации, который оказался в ситуации конфликта моральных норм. Анализ данных производится по многоступенчатой схеме, включая анализ таких параметров, как контекст взаимодействия, ориентация на нормы, стадия морального сознания по Л. Кольбергу. К обязательным вопросам нами были добавлены вопросы, касающиеся восприятия подростком моральной дилеммы.

Депрископ

Опросник разработан проф. Питером Хеймансом (Нидерланды) на основе двух современных западных обзоров по подростковой депрессивности. Опросник был адаптирован для российской выборки и апробирован во время проведения международного проекта "Социальное и моральное развитие российских подростков" (Heymans, Podolskij, Karabanova, et al., 1996). Методика направлена на выявление эмоционального статуса испытуемых за последние три месяца. Опросник включает в себя 31 утверждение, характеризующие негативные эмоциональные состояния. Подростку предлагается оценить присутствие этих состояний в течение последних 99 дней, отмечая примерное количество дней, в течение которых он испытывал то или иное состояние. Анализ ответов производится на основе нескольких показателей, в частности влияния депрессивности на эмоциональный статус подростка.

Модифицированный опросник моральных дилемм.

В целях исследования ориентировки подростка в ситуации морального выбора нами был модифицирован опросник "моральные дилеммы". В качестве параметров ориентировки, намеченных для изучения, нами были выделены: а) последствия ситуации, б) отношения с людьми, в) моральная оценка, г) оценка личностных качеств субъекта выбора.

Опросник направлен на измерение косвенным методом следующих характеристик:

1. Ориентировки подростка в условиях моральной ситуации
2. Степени реализации параметров ориентировки в поведении
3. Выделения подростком морального содержания дилеммы.

В рамках изучения первой характеристики испытуемому предлагается оценить по пятибальной шкале различные факты, относящиеся к каждой из исследуемых областей. Факты составлены таким образом, чтобы направлять подростка на одно из двух возможных решений ситуации. Вторая характеристика оценивалась по выборам субъектом того или иного альтернативного варианта поведения. О третьей характеристике мы судили по даваемому подростком обоснованию своего выбора.

В соответствии с замыслом методики, мы фиксировали выбор подростка при наличии каждого описанного условия и значение, которое придает подросток также каждому описанному условию.

Таблицы предлагались испытуемому отдельно, так что он не мог воспользоваться данными предыдущей таблицы.

Субтесты «Аналогии» и «Классификации» методики ШТУР

В качестве методики, измеряющей интеллектуальное развитие наших испытуемых, мы выбрали субтесты методики ШТУР «Аналогии» и «Классификации». Это было сделано по причине простота в использовании данных субтестов и удобства обработки и анализа результатов.

Основные результаты эмпирического исследования ориентировки подростков в ситуации морального выбора

Исследование ценностной ориентации подростков

Основными параметрами оценки ценностных предпочтений для нас служили ранговые места терминальных и инструментальных ценностей. Данные показывают большое разнообразие ценностных выборов подростков (табл.1). Ранговые места большинства терминальных ценностей варьируют от 1 до 14 и более.

Тем не менее, можно выделить наиболее и наименее предпочитаемые ценности. К разряду предпочитаемых можно отнести такие терминальные ценности, как активная деятельная жизнь, свобода, счастливая семейная жизнь, интересная работа, счастье других. К разряду наименее предпочитаемых – творчество, продуктивная жизнь, здоровье.

Нами не было обнаружено возрастных или половых различий в ценностных ориентации подростков (как в терминальных, так и в инструментальных ценностях).

Как отмечает П.М. Якобсон (1975), ценностные ориентации подростка не обязательно проявляются в его поведении, однако на основе ценностных представлений подростков можно говорить о некоторой тенденции к действию.

**Таблица 1. Ценностные ориентации подростков
(терминальные ценности)**

Номер	Терминальные ценности			
	Ср. ранг	Ст. откл	Мин	Макс
1. Активная деятельная жизнь	5.3	3.8	1	13
2. Жизненная мудрость	8.2	4.3	1	14
3. Здоровье	9.0	4.4	1	15
4. Интересная работа	7.2	4.2	1	15
5. Красота природы и искусства	7.0	4.0	1	15
6. Любовь	9.6	4.9	1	17
7. Материально обеспеченная жизнь	9.0	4.8	1	17
8. Наличие хороших и верных друзей	8.0	4.9	1	16
9. Общественное признание	9.1	4.6	1	17
10. Счастье других	6.7	3.8	1	14
11. Творчество	10.0	5.0	1	18
12. Уверенность в себе	9.2	5.0	1	17
13. Познание	7.3	4.9	1	16
14. Продуктивная жизнь	10.0	3.9	1	16
15. Развитие	8.4	3.7	1	14
16. Развлечения	8.5	3.7	1	14
17. Свобода	7.0	3.3	1	13
18. Счастливая семейная жизнь	7.1	3.7	1	14

Исследование моральных представлений подростков

С помощью методики моральных суждений (М. Аль-Шейх) мы изучали представления подростков о правилах и нормах морали и образе своего поведения в ситуациях морального выбора.

Нами были выделены следующие параметры анализа:

1. Оценка подростками моральных норм и правил поведения в обществе
2. Оценка подростками образа своего поведения в ситуации морального выбора
3. Различия в представлениях о моральных нормах и их реализации в образе поведения

Возрастная динамика прослеживается только в первом параметре – оценке подростками моральных норм и правил поведения в обществе, проявившаяся в значимом увеличении этого показателя у десятиклассников по сравнению с восьмиклассниками. Этот результат может говорить как о большей моральной сознательности десятиклассников, так и их подверженности тенденции к выражению социально желательного мнения. В целом, мы получили следующие результаты по данной методике:

**Таблица 2. Моральные суждения и образ
морального поведения подростков**

	N	Мин	Макс	среднее	Ст. откл
Моральные суждения	74	57	108	81.9	11.4
Образ морального поведения	74	54	107	76.3	9.8

Основным показателям моральных представлений подростков мы считаем степень различия в моральных суждениях и образе собственного поведения подростков (СП). Этот показатель определялся как среднее по всей выборке разницы значений моральных суждений и образа поведения. Можно говорить о тенденции к его уменьшению от восьмиклассников к десятиклассникам, что можно объяснить складыванием к более старшему возрасту определенной моральной позиции. Расхождение между представлениями о нормах и их реализации в поведении у подростков напротив может говорить о некоторой несформированности моральной позиции.

Расхождение между моральными суждениями и образом морального поведения может объясняться различной ориентировкой подростка в ценностном содержании суждения и ценностном содержании основанного на суждении образа поведения.

Исследование решения подростками моральных дилемм

Мы использовали методику "Моральные дилеммы" для исследования уровня морального развития суждений подростков в ситуации гипотетических дилемм "Катя" и "Андрей". Основными параметрами анализа методики для нас были:

1. Уровень развития морального сознания подростка по Л. Кольбергу
2. Уровень развития моральных суждений при оценке поведения героя
3. Уровень развития моральных суждений при оценке подростком собственного поведения

4. Предполагаемый подростком способ поведения в данной ситуации

Моральные суждения оценивались в соответствии с предложенными Л. Кольбергом критериями стадий развития морального сознания.

1. Данные свидетельствуют о различном уровне развития морального сознания, проявляющегося в суждениях, оценивающих поведение героя в гипотетической моральной дилемме и суждениях о собственном предполагаемом поведении в этой ситуации. Так в суждениях о поведении героя ситуации подростки руководствуются принципами, соответствующими более высокой стадии развития морального сознания по Л. Кольбергу, чем при оценке собственного поведения. В целом (рис. 1.), мы получили следующее распределение стадий морального сознания в каждой из ситуаций в зависимости от того, чье поведение оценивалось (поведение героя или собственное):

Рис. 1. Стадии морального развития по результатам решения подростками моральных дилемм

2. Данные свидетельствуют о значимости половых различий в суждениях о поведении героя и собственном поведении в ситуации "Катя". Девушки показывают более высокий уровень моральных суждений, чем юноши. Подобная тенденция проявляется и для ситуации "Андрей".

Исследование ориентировки подростка в ситуации морального выбора

Мы исследовали ориентировку подростка с помощью модифицированной методики моральных дилемм. Основными параметрами анализа выступили следующие:

1. Оценка подростком значимости различных условий ситуации:

- а) отношений с другими людьми,
- б) последствий собственного поведения,
- в) моральной оценки того или иного действия,
- г) оценка личностных качеств самого субъекта выбора.

2. Вербальное поведение подростков в зависимости от тех или иных условий ситуации.

Подросткам предлагалось оценить значимость тех или иных условий на выбор поведения в ситуации и непосредственно выбрать способ поведения в зависимости от изменения условий ситуации.

Наблюдаются значительные различия между оценкой подростком тех или иных условий. Так, одни условия оказывают больше влияние на поведение, другие – меньшее. Так, наибольшее влияние на поведение подростков в ситуации моральной дилеммы оказывает оценка ими личностно-моральных качеств субъекта выбора. Т.е. качества субъекта определяют поведение в ситуации морального выбора. Далее следует оценка конфликтующих в данной ситуации ценностей. Далее идет оценка последствий поступка и

наконец наименьшее влияние на поведение в ситуации морального выбора оказывают отношения субъекта с другими участвующими в ситуации людьми.

Можно выделить две группы условий, оцениваемых подростками сходным образом: 1) отношения с другими и последствия собственного поведения, и 2) моральная оценка ситуации и оценка личностных качеств героя. При этом вторая группа условий оценивается подростками как более значимая при выборе поведения в ситуации морального выбора.

Важным аспектом нашего изучения являлась проблема соотношения параметров ориентировки в ситуации морального выбора и вербальным поведением. Корреляционный анализ полученных данных показал, что выбор поведения в ситуации моральной дилеммы связаны в первую очередь с учетом отношений с другими героями ситуации и последствиями своего поведения. Таким образом, в вербальном поведении подростков наблюдается тенденция, обратная той, что мы увидели в случае оценки подростками условий ситуации. В вербальном поведении подросток учитывает более прагматичные условия ситуации (отношения с другими и последствия), ориентируясь на моральные ценности лишь в ситуации оценки своего или чужого поведения.

Параметры ориентировки подростка в ситуации морального конфликта и показатели, вытекающие из стадияльной модели развития морального сознания по Л. Кольбергу: связи и расхождения

На материале всех задач, а также для каждой задачи в отдельности не было получено корреляций между параметрами ориентировки и стадиями морального сознания по Л. Кольбергу. Это дает нам основание для выдвижения предположения о разной природе исследуемых реальностей. Интересным для нас стало рассмотрение вербального поведения подростка в трех видах ситуаций с точки зрения стадияльной модели Л. Кольберга и параметров ориентировки подростка, а также соотнесение полученных данных.

Интересны результаты связи различных параметров ориентировки и содержания морального конфликта ситуации. Так оценка отношений с другими людьми примерно одинаково важна как в ситуации моральной дилеммы, так и в ситуации конфликта интересов. Оценка последствий более значима для подростков в вне-моральной ситуации и ситуации конфликта интересов. Личностные качества субъекта играют большую роль в ситуации моральной дилеммы. Оценка моральных принципов является основой принятия решения как ситуации конфликта интересов, так и в ситуации моральной дилеммы. Мы можем сделать предположение, что подростки не выделяют собственно моральное содержание проблемы, не выделяя специфику моральной дилеммы и ситуации конфликта интересов.

Исследование степени дифференциации подростками морального содержания ситуации от неморального

С помощью модифицированной методики "Моральные дилеммы" мы получили следующие распределения суждений подростков по каждой из

предлагаемых ситуаций (рис. 2.). Нами выделялись "не-ценностные" суждения по следующим критериям: ориентация на прагматические последствия, ссылка на факты, перефразирование самой ситуации. Ценностные суждения выделялись по следующим критериям: ориентация на ценность, но недифференцированность морального содержания от неморального. Моральные суждения выделялись нами по следующим критериям: наличие моральной ценности, выделение морального содержания ситуации, указание на значимую моральную норму, моральные чувства или переживания. На графиках цифрами обозначены: 1 – не-ценностные суждения, 2 – ценностные суждения, 3 – собственно моральные суждения

Рис. 2. Распределение суждений в зависимости от контекста ситуации

Можно привести несколько примеров суждений подростков:

1. Не-ценностные: "мне все равно кататься не интересно", "покататься он может в другой раз", "отец вернет ему деньги позже", "На фронте важен каждый солдат, чем больше, тем лучше", "Идти на верную гибель – бессмысленно", "Потому, что их отец просит", "Если состояние мамы очень тяжелое, лучше нанять сиделку"

2. Ценностные: "Учеба – важнее, чем развлечения", "Самое главное – семья", "Защищать родину – долг каждого человека", "Если отец разбил чужое имущество необходимо возместить убытки".

3. Моральные: "Отношения с отцом не измеряются деньгами".

Мы получили значимые различия между распределениями ответов во всех перечисленных ситуациях.

Таким образом, мы можем говорить о различии в характере моральной ориентировки подростков в ситуациях, с различным моральным содержанием (неморальная ситуация ("Марсель"), ситуация конфликта морального и вне-морального мотива ("Диего") и ситуация моральной дилеммы ("Жан"). Собственно моральных суждений по отношению к ситуациям

"Диего" и "Жан" мы получили значительно меньше, чем прагматических (не ценностных) или ценностных. На основе полученных данных мы можем выдвинуть предположение о том, что моральное содержание ситуации оставалось для подростка скрытым. Возможные причины такого положения могут заключаться как в особенностях восприятия подростками ситуаций, так и самой неспособности подростка отдифференцировать моральное содержание от неморального.

Мы получили любопытные данные о соотношении уровня моральных суждений и параметров ориентировки подростка в ситуации морального выбора в сфере ценностных ориентацией подростков. Для стадий развития морального сознания по Л. Кольбергу мы обнаружили следующие соотношения «стадия – доминирующая ценность».

Стадия 1: активная деятельная жизнь

Стадия 2: активная деятельная жизнь, красота природы и искусства, познание

Стадия 3: активная деятельная жизнь, счастье других, свобода, счастливая семейная жизнь

Стадия 4: счастье других, продуктивная жизнь, развлечения

При сопоставлении уровня развития морального сознания подростков с различными личностными факторами по Кеттеллу мы получили следующие данные:

Стадия развития морального сознания позитивно связана с фактором эмоциональной открытости, жизнерадостности, что позволяет предположить более высокую стадию морального развития у психологически благополучных подростков. С другой стороны, данные не позволяют говорить о связи показателя эмоционального статуса с уровнем развития морального сознания. Эта проблема, широко обсуждающаяся в последнее время, требует более обстоятельного изучения.

Сопоставляя уровень морального развития с результатами оценки интеллектуального развития, мы получили, как и ожидалось, значимую корреляцию между ними. Эти данные подтверждают тесную связь между стадией развития морального сознания и уровнем интеллектуального развития подростков, то есть базовую предпосылку, на которой построена теория Л. Кольберга.

7. Исследование альтруистической позиции подростков

В фокусе внимания исследователей находятся вопросы мотивов альтруистического поведения, факторов, влияющих на его возникновение и реализацию. Альтруизм часто описывают лишь в терминах поведения, как поступок, направленный на благо другого человека (D.L. Krebs, J.P. Rushton).

При этом различные исследователи конкретизируют и дополняют это определение, указывая на затраченные при этом субъектом поступка усилия, специфику ситуации, заключающуюся в том, что субъект имеет возможность в это же время сделать что-то выгодное и для себя, результат поступка, заключающийся в его бескорыстности (J. Aronfreed). Исследователями были предложены различные основания осуществления альтруистического поведения, среди которых: убеждения, позиция, принципы, ценности, эмпатия, моральные нормы. Однако эти конструкты рассматривались исследователями независимо друг от друга в рамках когнитивного, атрибуционного, бихевиористического, эмоционального подходов. Тем самым важнейшая задача – раскрыть механизмы альтруистического поведения, определить возможность его осуществления тем или иным человеком в зависимости от его индивидуальных особенностей, остается нерешенной. По мнению ряда авторов для этого необходим интегративный подход к проблеме (D. L. Krebs, J. Rest). Дополнительную сложность в исследовании альтруизма вносит и то, что зачастую мотив альтруистического поведения может быть понят только после альтруистического поступка. При этом интерпретация субъектом своего поведения *a posteriori* в ряде случаев им же и искажается. Также препятствием на пути к объективному изучению альтруизма является высокая степень социальной желательности альтруистического поступка.

Обращает на себя внимание, что к настоящему времени при наличии ряда исследований, посвященных дошкольному и младшему школьному возрасту (Е.В. Субботский, J. Goodnow, Е. Massoby, J. Martin), проблема развития альтруизма в подростковом возрасте является практически неизученной. А ведь именно в этом возрасте происходит формирование базовых ценностей, социальных установок, норм поведения.

Большинство исследований фокусировались на зависимости альтруистического поведения подростков от их социального статуса, уровня агрессивности, Я-концепции (B. Hunsberger, M. W. Pratt.). При этом оценивалось именно поведение, а собственно позиции подростка, его представления об альтруизме посвящено незначительное количество работ. Учитывая важную роль подросткового возраста в формировании личности, формировании мировоззрения и собственных взглядов человека на основные жизненные проблемы, нам кажется важным рассмотреть особенности позиции подростков по отношению к альтруизму, условия формирования этой позиции. С нашей точки зрения подобная позиция характеризуется следующими параметрами:

1. Отношением к противоречию между нравственной ценностью и индивидуальной полезностью альтруистического поступка (П.Я.Гальперин)
2. Принятием определенных оснований для реализации того или иного типа поведения.
3. Готовностью (вербальной или реальной) к осуществлению альтруистического поведения.

Нам представляется, что альтруистическая позиция может быть рассмотрена как одна из базальных оперативных схем (П.Я. Гальперин), определяющих отношение человека к миру людей и его место в этом мире.

Объектом нашего исследования является развитие ценностно-моральной сферы личности в подростковом возрасте, а именно – особенности альтруистической позиции в подростковом возрасте.

В работе впервые систематическому изучению подвергнуты особенности альтруистической позиции в подростковом возрасте. Проведен теоретический анализ проблемы альтруизма в контексте морального развития в подростковом возрасте. Подобрана и адаптирована батарея методик для исследования особенностей альтруистической позиции в подростковом возрасте. Подвергнуты систематическому изучению связи типа альтруистической позиции с развитием морального сознания и эмоциональными особенностями подростка. Показано, что отнесенность к тому или иному типу альтруистической позиции является индикатором уровня развития морального сознания, а собственно альтруистическая позиция свидетельствует о более высоком уровне развития морального сознания. При этом выявлена нелинейность связи между уровнем развития морального сознания и другими (манипулятивным и неустойчивым) типами альтруистической позиции. Доказано, что отнесенность к разным типам альтруистической позиции сопровождается различиями в особенностях эмоционального реагирования, прежде всего – эмпатии. Выявлены возрастные и гендерные особенности изучаемых феноменов.

В ходе исследования подросткам предлагалось заполнить бланки предлагавшихся методик. Исследование проводилось в классах в урочное время. При этом мы старались, чтобы это не были последние уроки, а также не проводили занятия вместо важных школьных предметов (математика, русский язык, литература), вместо контрольных и самостоятельных работ. Каждая встреча занимала два урока подряд. С каждым классом было проведено 3-4 встречи.

Исследование проводилось в несколько этапов. Первый этап – мотивационный. Он включал в себя знакомство с подростками, прояснение основных целей исследования (мы определили тему как «Способы справляться со сложными жизненными ситуациями»), диалог, в котором мы предлагали ребятам обсудить некоторые темы, связанные с моральными аспектами выбора (например, проблема эвтаназии).

Второй этап – собственно эмпирический. Особенностью данного этапа было то, что каждую методику мы вводили с помощью специально продуманной дискуссии, цель которой была актуализировать представления школьников о соответствующей сфере жизни и человеческих отношений, активизировать в высказывании их личностной позиции и мнения, заинтересовать. Хотелось бы также отметить, что последовательность методик была избрана таким образом, чтобы с одной стороны для испытуемых выстраивалась определенная логика в этой последовательности, с другой – чтобы в начале шли более общие методики. Последнее было сделано с целью

получения более чистых данных, несколько уменьшив эффект обучения и влияния одной методики на другую.

Третий этап – заключительный. Необходимость наличия подобного этапа была обусловлена сложной и эмоционально насыщенной проблематикой исследования. Поднятые нами в рамках работы с подростками проблемы вызвали у самих подростков неподдельный интерес и в итоге было необходимо отвести время на своеобразное эмоциональное отреагирование. На последнем занятии мы также предлагали школьникам дискуссию, в которой, однако, в отличие от предыдущих этапов сами участвовали наравне с ними. Мы позволяли себе высказать свое мнение, привести реальные жизненные ситуации морального выбора, обсудить варианты поведения в них.

Таким образом, третий этап служил заключением всего цикла работы с каждым классом. В исследовании нами была использована батарея методик, разработанных коллективом исследователей университета г. Падуя во главе с Анной Лаурой Комьюниан (Comunian). Методики направлены на изучение следующих аспектов альтруистического и морального поведения: доброта и альтруизм, моральные суждения, жизненные стратегии. Методика, названная нами «Опросник выявления альтруистической позиции подростка» в оригинале имеет название «Шкала доброты и альтруизма». Цель методики выявить отношение подростков к доброте как качеству человека и поведению, направленному на благо другого. Основная цель методики – выявить подростков, склонных к поступкам ради своей выгоды и поступкам, направленным на благо другого. Мы считаем возможным использовать данную методику, поскольку понятие доброты является основополагающим при определении альтруизма как направленности на другого человека. Мы сочли возможным использовать данную методику в нашем исследовании для выявления альтруистической позиции подростка через его отношение к доброте и возможностям бескорыстно поступать во благо другого человека. Методика анализа моральных суждений («Опросник моральных суждений» основана на теории Л.Кольберга и включает в себя суждения различных стадий, которые испытуемый должен оценить и проранжировать. Методика «Жизненные стратегии» направлена на выявление типичных форм поведения при столкновении с различными сложными ситуациями. Для оценки уровня развития морального мышления, особенностей решения моральных противоречий в разных контекстах взаимодействия, особенностей ориентации на партнера при осуществлении морального выбора, уровня развития моральных суждений и вербального морального поведения была использована методика «Моральные дилеммы». Для выявления уровня эмпатии подростков была избрана методика исследования эмпатии Мехрабяна. Мы также использовали метод социометрии как для определения социометрического статуса подростка в классе, так и характеристики его поведения с точки зрения его альтруистичности.

Для выявления социометрического статуса подростка мы выбрали два типичных для таких случаев вопроса:

«Кого бы ты пригласил к себе на день рождения?» и

«С кем бы ты поехал вместе отдыхать?»

Эти вопросы мы дополнили вопросами, которые, с нашей точки зрения, проясняют нам и оценку подростками альтруистического поведения своих одноклассников. Для выявления альтруистического поведения школьников мы предложили им три следующих вопроса:

1. Кого бы в своем классе ты назвал добрым человеком?

2. К кому в своем классе ты бы обратился за помощью?

3. Кто из твоего класса готов сделать что-то для другого даже в ущерб своим интересам?

Конечно, мы не могли прямо использовать в подобных вопросах термин «альтруистическое поведение» или «альтруист», поэтому для прояснения интересующей нас проблемы мы использовали несколько вопросов. Здесь мы также не ограничились одним вопросом, поскольку нам было важно прояснить комплекс показателей, которые используются при оценке альтруистичности того или иного поведения. С другой стороны, нам было важно выяснить, будут ли отличаться ответы подростков на вопросы, с различных сторон проясняющие склонность к альтруистическому поведению. При составлении этих вопросов мы в первую очередь опирались на определение альтруистического поведения. Для этого мы должны были прояснить просоциальную направленность поведения, с одной стороны, и готовность пожертвовать чем-либо при осуществлении этого поведения с другой. Для этого мы составили соответственно вопросы 2 и 3. При этом вопрос 2 мог бы быть задан по-разному, например, следующим образом: «Кто из класса чаще всего помогает другим?». Мы считаем, что наш вопрос включает еще и эмоциональный компонент, отношения с человеком, прогнозирование вероятности получения от него адекватной помощи, в то время как другой вариант этого вопроса просто характеризует скорее процессуальный компонент оказания помощи, нежели ее результат. Именно результат оказанной другим помощи, т.е. не просто стремление помочь, или прикладывание для этого определенных усилий, но именно достижение поставленного результата, т.е. реальное оказание помощи, был для нас существенным аргументом в пользу использованного нами вопроса. Учитывая, что альтруизм многим авторами рассматривается скорее как черта личности, мы решили включить в наши вопросы и вопрос об основной черте личности, наиболее часто ассоциируемой с альтруизмом. Подобным качеством или личностной чертой является доброта.

Вся процедура заполнения проводилась в классе. Все школьники, отвечая на вопросы методики, на некоторое время подходили к специально подготовленному для этой цели столу, где индивидуально отвечали на вопросы анкеты. После этого ребята возвращались на свое место. Всего школьникам было предложено ответить на пять вопросов, а также написать, с кем он или она дружит в этом классе.

8. Проблема альтруизма в контексте морального развития в подростковом возрасте

Проблему соотношения морали и альтруизма можно рассматривать на нескольких уровнях. С философской точки зрения это две различные категории, мораль – как общая категория, альтруизм – как частная. В психологии определение соотношения этих понятий затрудняется различными взглядами на моральное и альтруистическое поведение. Помимо указанных понятий в психологии существуют понятие конвенциональной нормы и просоциального поведения. Наиболее частое разделение морали и альтруизма заключается в выделении особого круга ситуаций, связанных с необходимостью принести в жертву собственные интересы (альтруизм), и определении особых альтруистических мотивов (в отличие от моральных, это в первую очередь не следование нормам, но ориентация на благо другого человека). Рассмотрим соотношение моральных и альтруистических мотивов более подробно.

Альтруизм и моральность не являются тождественными понятиями: первое связывается со вторым отношением подчинения; другими словами, понятие моральности шире понятия альтруизма, включает его в себя. По мнению ряда авторов альтруизм – это самостоятельный мотив, который отличается от других мотивов, основанных на личной выгоде; в основе его лежит любовь и бескорыстная забота о других, способность на безвозмездную жертву ради группы, потребность отдавать и чувство ответственности. К нравственным нормам относят чувство долга, гуманность, доброжелательность, любовь, дружбу, сочувствие и т.д. Альтруизм же больше связывают с заботой, эмпатией, бескорыстностью. Увязывание морали с одной стороны и альтруизма с другой с различными феноменами и проявлениями отдаляют эти, несомненно связанные категории, друг от друга.

Моральный, так и альтруистический результат поступка еще не говорит о мотиве субъекта, его совершившего. Так, внешне моральное или альтруистическое действие может побуждаться эгоистическими мотивами. С нашей точки зрения подобное выделение скрытого мотива является важной задачей в отношении исследования морального поведения. При этом, выявить скрытый мотив по отношению к моральному действию сложнее, нежели по отношению к действию альтруистическому. Последнее обладает важной особенностью, а именно необходимостью жертвовать чем-либо ради во благо другого человека. Степень «жертвенности» с нашей точки зрения является важным критерием разделения собственно альтруистических и эгоистических мотивов поступка. Сложность выделения мотивов в том, что зачастую они не являются осознанными. При самоотчете о том, почему тот или иной человек поступил определенным образом, на поверхность могут

выходить именно осознанные или социально желательные мотивы. Это создает дополнительные сложности выделения собственно альтруистического поведения.

Как моральные, так и альтруистические мотивы могут не осознаваться в процессе совершения поступка, а после его совершения видоизменяются, и уже невозможно установить реальные причины, побудившие человека поступить так или иначе. Тем более это проявляется в случаях, когда человеку необходимо показать себя в «лучшем свете». В таких случаях имеет место так называемое «мнимое благодеяние». Р.Г. Апресян выделяет 5 видов "мнимого милосердия" (Апресян, 366-368). Во-первых, это милосердие в надежде на одобрение и благодарность других. Признание со стороны общественного мнения является единственным мотивом такого благодеяния. Во-вторых, одна из форм "мнимого" благодеяния связана с разумно-эгоистической позицией в нравственности. Фактически совершение блага другому в этом случае является средством достижения собственного блага, так как оправдательными мотивами здесь выступают мысли типа: страдание других людей вызывает страдание в моей душе; я сострадаю страдающим не только из симпатии к ним, но и из антипатии к страданию, из желания не страдать, из желания быть счастливым. В-третьих, это эгоистическое (корыстное) благодеяние, главная цель которого – удовлетворение потребностей самого "благотворителя". Единственной корыстью такого милосердия может быть моральное удовлетворение от чувства выполненного долга. В-четвертых, это "идеалистическое" благодеяние. Оно может совершаться с целью исполнить долг (ради долга), идеал (ради идеала). Побуждением к нему может быть благородный порыв. "Но там, где порыв, – пишет Р.Г. Апресян, – там – случайность, возможность более сильного порыва. Тот, кому оказывается помощь, при этом уже как бы и не принимается благотворителем в расчет" (там же, стр. 367). В-пятых – патерналистское благодеяние, совершаемое с целью завоевать сердце и волю того, кому оно оказывается.

Функционирование норм в моральной деятельности обеспечивается двумя типами моральной мотивации. Во-первых, как это представлено в этике долга, предписания морали осуществляются на основе отрицательных эмоций (угрызений совести), которых личность стремится избежать. На стадии борьбы мотивов человек думает: "Если я не сделаю этого (не скажу правду, не помогу нуждающемуся), то я не смогу жить, это будет мучением для меня". В классификации мнимого милосердия по Апресяну это второй вид моральной мотивации; он связан с разумно-эгоистической позицией в нравственности. Во-вторых, согласно этике добродетелей, моральное поведение может быть побуждено стремлением к положительным эмоциям. Это позитивная мотивация. Допустим, человеку приятно делать людям добро, он не задумывается о том, как бы он себя чувствовал, если бы не совершил этого добра. Просто через совершение добродетельных поступков происходит утверждение достоинства, самоуважения личности, а это не может не повлечь за собой радость. Это третий вид мнимого милосердия в классификации Р.Г. Апресяна, названный им эгоистическим благодеянием.

Таким образом, за внешне альтруистическим поведением может скрываться совсем не альтруистический мотив. Обратимся непосредственно к различным вариантам определения альтруизма. В словаре альтруизм определяется как поведение, направленное на благо других. При этом не так важно, что является мотивом такого поведения.

Альтруизм это такое неэгоистическое поведение, которое удовлетворяет двум условиям: 1) результатом поведения является выгода другого человека, 2) сам субъект альтруистического действия действует в ущерб себе. Т.е. это не просто помощь другому, но и необходимость жертвовать чем-либо ради того, чтобы помочь. В таком случае внешним наблюдателем такое поведение будет расценено как альтруистическое несмотря на возможные внутренние мотивы субъекта.

К проблеме определения альтруизма также относится вопрос о соотношении цели и средства в ситуации оказания помощи. Как будет оценен обществом поступок человека, который, не умея плавать, бросился в воду для спасения утопающего?

Существуют наблюдения, которые показывают, что альтруистической личности свойственно видеть альтруизм в поступках других людей, интерпретировать их поступки как альтруистические, в то время как эгоистам свойственно видеть в поступках других поиск выгоды для себя. Если первые склонны считать, что в мире больше хороших, добрых, помогающих людей, то вторые думают, что большинство людей в первую очередь эгоистичны.

Вопрос существования альтруизма широко обсуждается как в психологической, так и в философской, этической литературе. Первое утверждение заключается в том, что все, что делает человек, он делает, следуя своим интересам. В этом смысле все мотивы человека – эгоистичны. Так, в случае оказания помощи кому-либо, человек получает определенное удовольствие от того, что совершает такой положительный поступок. Возьмем крайний случай: ситуация, когда человек жертвует своей жизнью ради чего-то. Сложно предположить, что в этот момент человек не видит преимущества эгоистического поведения в такой ситуации, которое предполагают в свою очередь сохранение своей жизни (Scriven, 1966).

Исходя из этого утверждения, сложно предположить, что человек совершает акт самопожертвования ради определенного удовольствия, которое может получить от этого поступка. Единственным объяснением может служить то, что данный поступок совершается ради других людей. Если допустить возможность альтруистического поведения в данном случае, логично предположить, что и в случаях, где жертва со стороны субъекта значительно скромнее, мы не сможем наблюдать альтруистического варианта поведения.

Одной из часто рассматриваемых проблем в этой связи является существование «гена альтруизма». Здесь главным вопросом является то, каким образом в таком случае может существовать альтруизм, если в процессе естественного отбора особи, которые бы действовали в чужих интересах, просто бы не выжили. И наоборот, особи, которые действуют эгоистично,

выживают более часто. Некоторые исследователи различают биологический альтруизм и собственно человеческий, появляющийся только в человеческом обществе.

В то время как моральное действие есть продукт воли, самоконтроля и самоограничения. Т. Nagel (1970) выделял «чистый альтруизм» и поведение, мотивируемое эмпатией, любовью и другими эмоциями. «Чистый альтруизм» является результатом рациональной оценки ситуации, в которой оказался другой человек. Решающим мотивом (но не единственным, поскольку чувства также могут проявляться) будет оценка необходимости определенного поведения по отношению к человеку, понимание, что «я нужен другому человеку в этой ситуации». Соответственно, вмешательство чувства делает альтруистический поступок не таким «чистым», поскольку основанием поведения станет не объективная ситуация нужды, а субъективное представление, переживание человека.

S. Bailey (1980) считает, что единственным реальным тестом морального развития человека является его отношение к тем, к кому он испытывает неприязнь, эмоциональное отвержение. По отношению к людям, которые нам не симпатичны, мы будем действовать, опираясь именно на универсальные моральные принципы, а не наши эмоциональные переживания. Только в этом случае мы можем говорить о том, что причиной, побудившей человека поступить морально по отношению к подобным людям, явилась нравственная норма.

Анализ исследований, посвященных альтруистическому поведению, позволил выделить следующие основные аспекты проблемы, находящиеся в фокусе внимания исследователей. Это альтруистические ценности, альтруистическое поведение и эмпатия. Под альтруизмом многими исследователями понимается поведение и установки/предпочтения, ориентированное на нужду другого человека, нежели на свои собственные (Piliavin & Charng, 1990). В качестве дополнительного условия часто выступает положение о том, что субъект альтруистического действия не только не получает ощутимых выгод для себя от своего поведения, но зачастую и совершает альтруистический поступок в ущерб себе.

C.D. Batson (1998) выдвинул гипотезу, что альтруистическое поведение и эмпатия преобладает у следующих категорий людей: социально-активных, которые признают свои обязательства перед другими людьми и перед обществом, и религиозных (см. также Amato, 1990; Dovidio, 2000; Morgan, Goddard, and Givens, 1997; Post, et al., 2002; Smith, Fabricatore, and Peyrot, 1999). У этих групп людей наблюдается достаточно высокая корреляция альтруистического поведения как с эмпатией, так и с альтруистическими ценностями. Еще одна исследованная группа людей состояла из людей, жертвующих на благотворительные нужды. Результаты исследования показали высокий уровень корреляции эмпатии и альтруистических ценностей и значительно более низкий коэффициент корреляции между эмпатией и альтруистическим поведением по данным этой группы. Возможным объяснением этого факта может быть то, что люди часто демонстрируют высокий

уровень социальной желательности при ответах на вопросы, связанные с эмпатией, и более или менее реальную оценку собственному альтруистическому поведению, оцениваемому как самоотчет о реально совершенных альтруистических поступках. Субъективная приверженность эмпатийным и альтруистическим ценностям социально одобряема и, более того, является неким предписанием для выполнения. Напротив, альтруистическое поведение не является требованием, и редкое и нерегулярное альтруистическое поведение может быть легко оправдано различными причинами.

Подобные результаты, с нашей точки зрения, показывают, что альтруистическое поведение зачастую осуществляется не побуждаясь мотивом бескорыстно помочь другому человеку, а ради других целей. При этом, само поведение по форме соответствует критериям альтруистичности.

В качестве другого объяснения этого результата можно привести утверждение, что для осуществления альтруистического поведения нужна ситуация, требующая подобного рода реагирования, которая может встречаться не часто. Здесь можно также упомянуть и влияние различных факторов и условий, способствующих или уменьшающих вероятность альтруистического поведения, в том числе временные рамки, присутствие других людей в ситуации и т.д. (Piliavin and Charng, 1990; Romer, Gruder, and Lizzadro, 1986).

Исследователи приводят достаточно противоречивые данные зависимости эмпатии и альтруистического поведения от пола (Chou, 1998; Giesbrecht, 1998; Gilligan and Attanucci, 1998; Piliavin and Charng, 1990; Davis, 1994; Post, et al., 2002; Amato, 1990; Batson, 1998; Dovidio, 2000; Howard and Piliavin, 2000; Johnson, et al., 1989; Khanna, et al., 1992). Так, некоторые авторы заключают, что различие между мужчинами и женщинами определяется предметным содержанием помощи или другого альтруистического действия (Howard & Piliavin, 2000). При этом эмпатия и альтруистические ценности больше свойственны женщинам, чем мужчинам, а в альтруистическом поведении значимых различий не наблюдается.

В отношении возраста показано, что альтруистическое поведение менее свойственно крайним возрастным группам: более молодым и пожилым представителям (Dovidio, 2000; Rushton, et al., 1989), а чаще исследования по данной проблеме проводились на выборке 18-30-летних молодых людей.

Влияние уровня образования и социо-экономического статуса также незначительно связаны с проявлением альтруистического поведения. При этом некоторые исследования показывают, что более образованные люди чаще вовлечены в различные гуманитарные и добровольческие акции и объединения (Berkowitz and Lutterman, 1968; Dovidio, 2000; Webb, 2000).

Семейный статус редко рассматривается как предиктор альтруистического поведения, тем не менее люди, никогда не состоявшие в браке, демонстрируют более низкие значения по альтруистическому поведению, нежели женатые (замужние) или разведенные. Однако за подобными результатами могут стоять и возрастно-психологические закономерности. Интересные результаты в этом отношении могут быть связаны с изменением структуры семьи (полная семья, неполная семья и т.д.).

Исследования влияния социальной активности субъекта на его альтруистическое поведение показывают, что альтруистическое поведение в большей степени свойственно тем людям, у кого много друзей, однако последнее не связано с эмпатией или приверженностью альтруистическим ценностям. При этом, важное значение имеет и тип социальной активности субъекта.

Наибольшее число исследований альтруизма посвящено зависимости альтруизма от эмоциональных особенностей личности, в частности от эмпатии. Можно обозначить два варианта определения эмпатии. Авторы рассматривают эмпатию как переживание состояния другого человека (Feshbach & Roe, 1968; Stotland, 1969). Hoffman (1982) определяет эмпатию как аффективную реакцию субъекта на состояние другого человека, в которой отражается эмоциональное состояние последнего, а не вторичные переживания субъекта. Batson & Coke (1981) определили эмпатию как чувство участия, ориентированное на благо другого человека. Таким образом, в приведенных определениях в основу понимания эмпатии кладутся личные основания. В первом – это эмоциональное переживание другого человека, второе – наше эмоциональное восприятие блага другого человека. Т.е. если в первом цель – сопереживание, то во втором – изменение состояние человека в сторону, которая кажется субъекту благоприятной для этого человека. Некоторые авторы (Bryant, 1982; Davis, 1983) в своем определении эмпатии совмещают оба вышеприведенных взгляда, определяя эмпатию как эмоциональный ответ на чувство другого человека, направленный на его эмоциональное благосостояние.

Таким образом, мы можем выделить несколько типов эмоциональных реакций человека, которые часто называются эмпатией. Первый тип эмоциональных реакций связан с переживанием человека эмоционального состояния другого человека. В таких реакциях человек переживает то же эмоциональное состояние, что и другой. Такие реакции характерны для детей. Следующий вариант: человек переживает состояние, которое не идентично тому, которое испытывает другой человек, но отвечает ему по существенным характеристикам (эмоциональный тон, насыщенность). Основное отличие подобной реакции от первой заключается в том, что сам субъект интерпретирует ситуацию и добавляет в нее «что-то от себя». Подобное аффективное состояние обозначается часто как симпатия и рассматривается многими авторами как одна из возможных причин альтруистического поведения. Третий вид эмоциональных реакций на аффективное состояние другого человека Batson описывает как эмоциональную реакцию на состояние другого человека, которая скорее отражает собственные переживания субъекта по поводу ситуации, нежели направлена на другого человека. В этом случае сам субъект может испытывать эмоции противоположные тем, которые испытывает другой человек. Подобные реакции, хотя и вызваны эмоциональным состоянием другого человека, скорее являются выражением отношения субъекта к состоянию другого, это может быть, например, тревога.

Как видно из приведенной классификации, при рассмотрении эмпатии исследователи практически не обращают внимания на когнитивный компонент. Murdoch (1971) считает, что многие философы и исследователи переоценивают роль когнитивных процессов в моральном поведении. По его мнению ядром морального действия является любовь. Williams (1973) также указывает, что моральные нормы и принципы по его мнению не являются чисто рациональными образованиями, а скорее включают в себя как рациональный так и эмоциональный компоненты. При этом он добавляет, что моральное поведение, которое совершено только исходя из рациональных мотивов вызывает менее позитивные, благоприятные мотивы нежели поведение основанное на чувствах. Blum полагает, что альтруизм подразумевает как эмоциональный, так и рациональный компонент, более существенным для определения альтруизма является ориентация на благо другого человека, в отличие от ориентации на пользу и выгоду для себя. Его определение альтруизма достаточно обобщенное: «альтруизм это ориентация на благо другого человека как таковое или же мотивируемое этим поведение (Blum, 1980, стр. 9-10). Он считает, что эмоции в большей степени обеспечивают подобную ориентацию, и чаще, чем рациональные мотивы определяют альтруистическое поведение. При этом важным достоинством эмоций Blum видел в их возможности определять более адекватный выбор поведения в сложной ситуации, в которой выбор поступка не так очевиден. Опираясь на эмоциональную оценку ситуации, на свои эмоции, мы можем найти более правильное решение сложной ситуации, нежели проведя ее рациональный анализ.

Основные закономерности связи между эмпатией и альтруизмом выявлены J. Aronfreed (1970) и M. Hoffman (1975, 1982). J. Aronfreed (1970) как представитель теории социального научения рассматривал эмпатию как результат процесса обуславливания его собственными переживаниями, вызванными внешними воздействиями и реакциями других людей. Модель, предложенная в исследовании Piliavin et al. (1981), пытается объяснить альтруистическое поведение как реакцию человека на возникающее эмоциональное напряжение. При этом осуществление собственно альтруистического действия будет зависеть от того, какие будут затраты и какая будет польза от такого поведения. Как предполагает автор, человек будет стремиться уменьшить затраты и увеличить выгоду. Выгода в данной модели понимается достаточно широко и включает в себя как материальную выгоду, так и эмоциональную. При этом автор полагает, что мотивацией к альтруистичному поведению будет именно эмоциональное напряжение, от которого человеку хочется освободиться, а выбор поведения определяется рациональным анализом затрат и выгоды от поведения. Автор также отмечает, что в некоторых случаях, когда эмоциональное напряжение велико, действие может осуществляться импульсивно, без рационального анализа. Исходя из данной модели можно предположить, что чем более выражены страдания жертвы, тем сильнее эмоциональное напряжение, тем сильнее будет мотивация человека освободиться от него.

C.D. Batson (1984) различает два вида альтруистических действий. Первый вид альтруистических действий основан на эмпатической мотивации человека, его желании совершить поступок ради блага другого человека. Второй вид можно назвать квазиальтруистическим или внешне альтруистическим, когда основным мотивом совершить поступок является желание избавиться от внутреннего эмоционального напряжения. Он также может мотивировать человека на альтруистический поступок, но только в том случае, если это будет простым способом избавиться от внутреннего напряжения. По сути оба вида поведения отличаются наличием или отсутствием собственно альтруистической мотивации.

Побочным выводом из приведенной модели может быть положение о том, что эмоциональное напряжение в результате столкновения с ситуацией, требующей от субъекта альтруистического поведения, возникает как у альтруистов, так и эгоистов, т.е. людей, склонных поступать исключительно ради достижения своей выгоды. Таким образом, отличие альтруистов и эгоистов лежит не в плоскости поведения, не в специфике восприятия ситуации, а в способе выбора варианта поведения.

Таким образом, биполярная схема «альтруист – эгоист» не отражает всей сложности классификации подобного поведения. Данная схема вряд ли применима к взрослым людям и уж тем более является неадекватной в отношении подросткового возраста, основным содержанием которого является активная ориентация подростка в базовых сферах общественной жизни, собственного внутреннего мира, в отношениях «Я – другие». В качестве альтернативы подобной линейной схеме нам представляется целесообразным рассмотрение процесса и результатов ориентировки подростка в ситуациях, предполагающих выбор между собственными интересами и общественными ценностями, между личной выгодой и благом другого человека, то есть, в ситуациях, одним из возможных решений которых является альтруистическое решение. Мы рассматриваем категорию ориентировки в том значении, которую придал ей П.Я.Гальперин – как преимущественно идеальную активность субъекта, направленную на актуализацию проблемной ситуации, раскрытие ее содержания, выбор одного из возможных путей решения и его реализацию, сопровождаемую контролем и коррекцией (Гальперин, 2000). Ситуации, содержащие в себе возможность альтруистических решений, несмотря на отличие своего предметного содержания от содержания хрестоматийных ситуаций, как правило, анализируемых с помощью концептуальной схемы П.Я.Гальперина, вместе с тем открыты для применения этой схемы. Это хорошо показано в целом ряде исследований, выполненных в школе П.Я.Гальперина (Т.П.Авдулова, О.А.Карабанова, С.Н.Карпова, Л.Г.Лысюк, С.В.Молчанов, Т.В.Морозкина, А.И.Подольский и др.). Более того, в нашем случае, учитывая очевидную непростоту и неоднозначность рассматриваемых ситуаций, представляется перспективным применение иерархической модели, предполагающей рассмотрение взаимоотношений между различными уровнями ориентировки в проблемной ситуации – ценностно-смысловой, целевой и исполнительской ориентировкой (А.И.Подольский). Подобное рассмотрение может позволить перейти от линейной

дихотомии «альтруист-эгоист» к более психологически насыщенным классификациям. Представляется, что важным шагом в изучении развития альтруизма в подростковом возрасте может стать систематическое исследование альтруистической позиции – психологического конструкта, интегративно представляющего гетерогенную структуру ориентировки подростка в соответствующих проблемных ситуациях. Во-первых, альтруистическая позиция характеризуется отношением к противоречию между нравственной ценностью и индивидуальной полезностью альтруистического поступка (П.Я.Гальперин) и, соответственно, отражает актуальные личностные и ценностно-смысловые особенности подростка, проецируется на его эмоциональные характеристики (ценностно-смысловой уровень ориентировки в проблемной ситуации). Во-вторых, принятием определенных оснований для реализации того или иного типа поведения (целевой уровень ориентировки). И, наконец, третьим параметром альтруистической позиции является готовность (вербальная или реальная) подростка к осуществлению альтруистического поступка (исполнительский уровень ориентировки).

Исходя из проведенного анализ исследований, мы выделяем два основных вида альтруистической позиции: квазиальтруистическая позиция (основанная на эгоистическом мотиве) и собственно альтруистическая позиция, основанная на мотиве бескорыстной помощи другому. При этом для нас важным дополнительным условием является выявление моральной ориентации субъекта, знание им моральных норм и альтруистических принципов поведения. Такой вариант позиции, основанной на стремлении следовать моральным нормам мы выделили как важный аспект рассмотрения альтруистической позиции.

В исследованиях, проведенных на дошкольниках, в которых использовались иные инструменты измерения эмпатии, были получены данные, говорящие о связи эмпатии и просоциального поведения (Feshbach, 1978; Borke, 1971). Так, исследования, проведенные на подростках с использованием стандартизованных методик и самоотчетов, показывают положительную корреляцию эмпатии и просоциального поведения (Zahn-Waxler, 1995).

Какие факторы кроме эмпатии лежат в основе альтруистического поведения? Так, исследователи отмечают, что важнейшими мотивами альтруистического поведения помимо эмпатии могут быть моральные принципы и чувство вины, а также общечеловеческие ценности. Изучая альтруистическое поведение, исследователи не всегда стремятся выявить, из каких побуждений сделан поступок. Отмечается, что не все альтруистические поступки осуществляются на основе альтруистической мотивации.

Важно, что исследователи различают две формы эмпатии: так называемую общую эмпатию, которая определяет поведение человека в целом, и ситуативную эмпатию, которая может возникать в одних ситуациях, и не возникать в других (White, 1994). Так, в методиках на эмпатию выделяются эмпатия к детям, к животным, к пожилым людям, которая характеризует отношение человека в ситуациях определенного вида.

Данные многих исследований показывают, что общая (генерализованная) эмпатия в определенных ситуациях ведет к альтруистическому поведению, а в

определенных – нет. Это говорит о том, что в принятии решения об оказании помощи или осуществлении другого просоциального поведения специфическим образом учитываются особенности ситуации. Другие исследования показывают, что альтруизм определяется общей эмпатией, скорее, чем ситуационной (Hoffman). Хотя данные по этому поводу достаточно ограничены и подобное сравнение всегда предполагает учет ситуационных детерминант, которые могли не учитываться при проведении данного исследования, а также немаловажна и роль возраста.

Проблема оценки влияния общей и ситуационной эмпатии на альтруистическое поведение связана также и с выбором экспериментальной ситуации. Так, если ситуация будет релевантна ситуационной эмпатии, вероятно, можно ожидать корреляцию с выбранным типом поведения. При этом, если ситуация не релевантна ситуационной эмпатии, подобная связь может не наблюдаться. Общая эмпатия менее зависит от ситуационных обстоятельств, и поэтому ее связь с альтруистическим поведением более значима.

Для понимания причин альтруистического поведения важно рассмотреть и другие моральные эмоции и чувства, такие как стыд, чувство вины. Эти чувства в отличие от эмпатии, которая возникает как сопереживание другому человеку, возникают как оценка себя или своего поведения.

Е. Staub и М. Hoffman (1974) выделяют два типа ценностей, имеющих прямое отношение к альтруистическому поведению. Это ценности, связанные с ориентацией на другого и ценности, связанные со стремлением выполнить долг, сделать «как нужно», следовать норме. Когнитивные аспекты альтруистического поведения. Какую роль они играют в осуществлении альтруистического поведения? Можно предположить, что для понимания когнитивных механизмов альтруизма важно выделять следующие когнитивные процессы: 1) понимание доброй направленности просоциального поведения других людей, приписывание им альтруистических мотивов (атрибуция), оценка действий других людей; 2) видение блага для других людей в собственных действиях; 3) видение ситуации, выделение в ней альтруистического компонента, понимание необходимости помощи для другого человека, видение конфликта интересов; 4) моральные суждения, которые определяют общую позицию субъекта и во многом ориентированы на его поведение в будущем (как по поводу абстрактных, так и по поводу конкретных дилемм).

Для исследования когнитивных оснований поведения ученые используют вслед за Пиаже вербальные методы (рассказы, суждение, вербальное поведение). Предлагается различать причины и сознательные резоны поведения. Если первые относятся к механизмам поведения, вторые – к способу объяснения интерпретации субъектом собственного поведения. Рациональными показателями альтруистического сознания являются следующие: постоянство (последовательность поведения), всеобщая направленность (а не только на определенную категорию людей или ситуаций) и неконформность (способность действовать по собственному плану).

Другим направлением исследования альтруизма является подход, направленный на выделение типологии альтруистического поведения.

Havighurst и Taba (1928) выделили следующие характерологические типы у подростков: вызывающий, покорный, адаптивный и целенаправленный. Каждый тип в свою очередь предопределяет образ морального поведения. Вызывающий тип характеризует стремление открыто совершать социально неодобряемые поступки. Такие подростки игнорируют существующие правила, пренебрегают моральными и социальными нормами. Они не способны к конструктивному взаимодействию с другими и чаще всего замыкаются среди подростков своего круга. Покорный тип отличает отсутствие инициативы в поведении, стремление следовать установленным правилам или указаниям. В первую очередь такие подростки ориентируются на ожидания от них со стороны других людей. При этом, в своем поведении они могут отвечать как позитивным, так и негативным ожиданиям. Однако чаще такие подростки имеют хорошо развитое чувство долга и высокие моральные принципы. Однако, принимая решение, подростки такого склада могут ориентироваться как на общепринятые нормы, так и на поведение других людей в подобной ситуации, проявляя конформность. Такие подростки редко критичны к оценке своего или чужого поведения, не способны принять самостоятельное решение в неопределенных, непонятных для них условиях. Адаптивный тип в первую очередь характеризуется высокой социальностью, гибкостью, дружелюбием. Подростки этого типа могут самостоятельно выбирать способ поведения в различных ситуациях, при этом они хорошо различают социально желательное поведение в той или иной ситуации и могут действовать с целью получения максимальной выгоды для себя от собственных действий. Последний, описанный авторами тип – целенаправленный – можно описать через следующие основные для этого типа характеристики: способность вырабатывать собственные нормы поведения, критичность, сильная воля, уверенность в себе. Такие подростки часто обладают высоким уровнем морального сознания и демонстрируют моральное поведение.

Данные типы в первую очередь характеризуют скорее общую направленность личности подростка, его отношения к окружающему его миру, способность активно действовать в нем, достигать поставленных целей. Вряд ли эти типы можно назвать исчерпывающими, описывающими все варианты типологии в подростковом возрасте. Для нас выделенные типы важны с точки зрения их отношения к альтруистическому, просоциальному поведению, как сознательному акту личности подростка, направленному на благо другого человека. Выделим основные отличия упомянутых типов и постараемся проследить общие закономерности, которые имеют отношения также и к альтруистическому поведению. По такому критерию как активное поведение на основе принятых норм, последовательность в выборе общей стратегии поведения выделенные типы можно разлить на 2 группы: активные и пассивные. К первым можно отнести вызывающий и целенаправленный типы, ко второму – покорный и адаптивный. Так, подростки, относящиеся ко второй выделенной группе, могут демонстрировать непоследовательное моральное поведение, которое в одном случае будет определяться правилами, а в другом – выгодой или другими преимуществами для субъекта действия. В отношении морали мы видим совершенно различные

установки в каждом из выделенных типов: негативную (вызывающий), следование норме или авторитету (покорный), выгода (адаптивный), собственные убеждения личности (целенаправленный). Здесь мы видим некоторую аналогию указанных типов со стадиями морального развития по Л. Кольбергу. Таким образом, основными с нашей точки зрения аспектами поведения подростков, принадлежащих к различным типам, может служить показатель направленности их морального поведения, оснований для выбора поведения и последовательность в осуществлении морального поведения.

McCord и McCord (1992) предложили свой вариант типологии подростков, основанный на выделении основных вариантов моральной ориентации: гедонистический, конформный, ориентированный на других, ориентированный на себя (интегральный). Видно, что некоторые типы выделенные McCord и McCord пересекаются с типами Havighurst и Taba. Тем не менее, описания типов несколько отличаются. Гедонистическая ориентация определяется как стремление избежать негативных последствий для себя в результате своего решения. Авторитарная ориентация подразумевает стремление следовать установленному порядку и боязнь не оправдать ожидания, потерять свой статус. Ориентация на другого определяется через страх потерять значимые отношения, любовь, дружбу. Интегральная ориентация описывается через стремление следовать себе, не изменять себе, действовать в соответствии с собственными стандартами поведения. Если анализировать основания выделения данных типов мы видим, что критерии, которые положены в основу приведенной выше классификации основаны на стремлении личности разрешить конфликтную ситуацию, сохранить значимые для нее ценности, т.е. что является ведущим мотивом при выборе способа поведения. Мы можем провести некоторую аналогию между приведенными типологиями, и увидеть, что покорный и конформный типы, а также интегральный и целенаправленный типы схожи между собой в существенных, описываемых авторами характеристиках. В данной типологии мы также можем различить стадии морального развития, которые могут являться ведущими в том или ином типе. Для нас важно, что в этой типологии акцент ставится не на способе разрешения морального конфликта, а на основании выбора того или иного варианта поведения, т.е. на том, что является целью человека в той или иной ситуации.

Итак, мы видим, что решение морального противоречия или проблемы выбора альтруистического поведения связывается авторами с более широким аспектом общей жизненной ориентации, личностных ценностей и приоритетов. Таким образом, в проблему исследования альтруистического поведения включаются не только традиционно исследуемые переменные (рациональные аспекты, чувства), но и характеристики целостной личности.

Вариантом типологии, совмещающей как ситуационные переменные, так и личностные может быть типология, разработанная McCord и Clemes (1994). Четыре типа, которые выделяют авторы, основываются на двух базовых основаниях: последствия – требования и внутренняя мотивация – внешняя мотивация по отношению к следованию норме (критерием в данном случае является учет либо не учет собственных желаний, принятие

универсальности моральных норм, т.е. внутренняя мотивация – это непосредственно ориентация на норму как на цель, в то время как внешняя мотивация – ориентация на норму как на средство достижения своих целей). Выделяются следующие типы: нормативный, феноменалистический, интегральный, гедонистический. Нормативный тип характеризуется следованием норм и других стандартов поведения, при этом для него большее значения имеют требования, предъявляемые к субъекту выбора, нежели последствия. Интегральный тип характеризуется внутренней мотивацией и учетом последствий своего поведения. Данный тип характеризуется критичностью, но именно в рамках этого типа возможен конфликт между оценкой последствий поведения и выбором его основания. Феноменалистический тип ориентируется на свои желания и потребности, стремится при этом следовать требованиям и нормам. Видно, что для этого типа большое значение имеет то, как он выглядит в глазах других людей. Гедонистический тип при выборе поведения характеризуется ориентацией на последствия своих действий с точки зрения приобретения возможных выгод и свои собственные желания и стремления. Такому типу могут соответствовать установки вроде: «Каждый волен поступать так, как ему захочется».

Выделенные упомянутыми авторами типы можно дополнить указанием на следующие характеристики моральной ориентации. Stephenson (Stephenson, 1995) выделяет 1) ориентацию на поддержание хорошего мнения в глазах других людей, 2) ориентацию на собственные переживания, в частности чувства вины, 3) рефлексивную ориентацию, попытку разобраться в мотивах собственного поведения, взвешивать все за и против. Интересные варианты по отношению к выбору поведения выделяет Wright (2001). В качестве основных характеристик личности могут выступать следующие: 1) Способность противостоять своему желанию, если оно расценивается на аморально, 2) способность к рефлексии собственного поведения при нарушении нормы, чувство вины, 3) личностное стремление делать добро, 4) способность дифференцировать плохое и хорошее, морально и аморально в ситуации выбора собственного варианта поведения. На основе указанных характеристик Wright (2001) выделяет следующие типы: 1) неморальный тип (люди данного склада ориентируются на свои желания и выгоды, а не на моральные нормы, поэтому данный тип назван именно неморальным, как не имеющий собственно морального конфликта), 2) автономный (соответствует рациональной направленности поведения), 3) сомневающейся (учитывающий как нормативные аспекты поведения, так и рациональные, делающий выбор зачастую на основе совета или под влиянием авторитета), 4) конформистский (следует установленным правилам, делает как все).

Основная проблема, связанная с выделением типов, заключается в том, что они не описывают непосредственно морального и аморального поведения. Задача типологии моральных характеров – обозначить те мотивы и соответственно те ситуации, в которых люди определенного склада будут демонстрировать определенный тип поведения. Таким образом, удастся отойти от простой дихотомии «моральное – неморальное поведение»,

которая проявляется в когнитивном направлении. Появляется возможность объяснить зачастую непоследовательное поведение людей в отношении следования моральных норм: почему в одних ситуациях человек ведет себя морально, но в других – нет. Указание на личностные типы, характерологические особенности, внутреннюю ориентацию человека позволяют выделить некий ведущий мотив поведения, определить круг значимых для данного человека ситуаций, описать поведение человека в зависимости от наличия в ситуации тех или иных условий. Проанализировав упомянутые нами типологии, попытаемся сопоставить их с выделенными нами ориентациями по отношению к альтруистическому поведению (табл. 4).

Таблица 4.

Ориентация	Типология
Манипулятор	Гедонистический, адаптивный
Общие моральные установки	Нормативный, сомневающейся, покорный, ориентирующейся на других
Альтруист	Интегральный, целенаправленный

Важную роль эмоциональных переживаний в процессе морального развития отмечается многими авторами, принадлежащими к разным теоретическим направлениям. Как уже говорилось выше, в психоаналитической концепции чувство страха, стыда и вины обуславливают снятие конфликта между инстанциями Сверх-Я и Оно. (Хьелл, Зиглер, 1997). В свою очередь Ж.Пиаже в качестве основных внутренних санкций при нарушении правил также выделяет чувство вины и стыда (Малявкина, 2003).

В бихевиоральном подходе эмоции являются фактором обуславливающими закрепление условной реакции на стимул, понимаемый как воздействие на субъекта определенной ситуации. Г.Айзенк анализирует ситуацию нарушения нормы с позиции условно-рефлекторного механизма, когда негативные воспоминания из прошлого опыта, связанные с наказанием в схожей обстановке, возбуждают у ребенка тревогу и боязнь потенциального порицания; в результате этого моральное поведение осуществляется в отсутствии реального контроля. А. Бандура полагал, что соблюдение правил регулируется через самооценку с позиции соответствия моральным нормам и требованиям, нарушение которых приводит к осуждению себя и тревожности (там же).

R. Thomas отмечает, что роль эмоционального компонента состоит в мотивационном действии. Он говорит, что моральное сознание ребенка (или супер-эго) представляет собой неразрывное соединение между известными моральными ценностями и негативными или позитивными эмоциями. Эта структура формируется на основе жизненного опыта ребенка, и позволяет ему принимать решения относительно того, как себя вести в ситуации моральных противоречий (Thomas, 1997).

Т.Е. Wren, обобщая опыт философских и психологических исследований в области нравственности, предложил трехмерную модель, каждая ось которой отражает одно из направлений изучения морали. Первая ось

сосредоточена на интрапсихических процессах. Это направление изучает когнитивные процессы, личностное развитие и другие аспекты индивидуальности. Вторая ось сосредоточена на межличностных процессах. Это направление изучает детско-родительские отношения, речь и другие процессы коммуникативного взаимодействия. Третья ось сосредоточена на культурологических процессах. В рамках этого направления изучаются религиозные, этнические, социально-исторические детерминанты морали. Каждая из осей отражает различные предположения о возникновении морали. Т.Е. Wren считает, что суть моральных явлений раскрывается не сама по себе, а по мере анализа фактов человеческой жизни (Wren, 1987).

Таким образом, мы полагаем, что неправомерно отдавать приоритет только когнитивному или только эмоциональному или только мотивационному компоненту в рассмотрении проблематики развития морального мышления, морального сознания личности, морального поведения. Однако, когнитивный аспект принятия решений в ситуации моральных противоречий, в развитии морального сознания изучен гораздо более широко, чем эмоциональный аспект этого вопроса. Как мы говорили выше, во многом именно «когнитивизация» моральной сферы Л.Кольбергом повлекла за собой серию критических работ, пытающихся изучать и другие компоненты морального развития личности (Гиллиган, Айзенберг, Кребс, Turiel, Walker, Haidt и др.).

Теория К. Гиллиган исходит из того, что концепция морали является отражением общих социальных установок личности, общих моральных ориентаций. Исследование моральной ориентации представляет собой концептуальную модель или перспективу для организации и понимания моральных проблем. В основе различных ориентаций лежит два типа установок личности – ориентация на соблюдение прав всех людей и ориентация на результат морального события, благополучный исход. Первый тип ориентации исходит из общей установки на соблюдение принципа справедливости, а второй тип ориентации исходит из установки на благополучие конкретных участников моральной ситуации или конфликта. В этой теории утверждается, что большинство людей в понимании моральной проблемы и при ее решении в основном центрированы на одной из двух ориентаций, что и дает основание отнести моральное сознание людей к тому или иному типу. Первый тип ориентации более характерен для мужчин вследствие их индивидуалистической автономной «Я-концепции» и немного «абстрактной» морали, склонности к абстрактным принципам. Второй тип ориентации более характерен для женщин, что связано с их зависимостью от социального окружения, высокой чувствительностью к гармоничным отношениям «всех со всеми» в реальных жизненных ситуациях (Годфруа Ж., 1992). В своей концепции К.Гиллиган исходила из того, что: 1) существуют устойчивые типы моральной ориентации; 2) существуют гендерные различия в отношении типов моральной ориентации; 3) тип моральной ориентации соотносим со стадиями морального развития; 4) присутствует связь между объяснениями гипотетических и реальных дилемм.

Эти положения были подвергнуты экспериментальной проверке, в результате чего были получены неоднозначные данные.

В экспериментах, направленных на исследование наличия гендерных различий, были получены следующие результаты:

- в эксперименте Lyons (1983) были получены следующие данные: 75% женщин ориентированы на благополучный для участников дилеммы исход события, а 79 % – на соблюдение права и нормы справедливости.

- в эксперименте Pratt 53.6% женщин – ориентированы на благополучный исход для всех участников конфликтной ситуации и 73.5 % мужчин – на соблюдение правовых норм (по Соломатиной А.В., 1992).

Эксперименты, исследующие феномен гетерогенности морального развития, не дали столь однозначных результатов. Исследования, в которых сравнивались моральные суждения по поводу абстрактных и конкретных дилемм, содержат противоречивые данные.

Таким образом, теоретические положения К.Гиллиган далеко небесспорны. Но благодаря ее работам, в психологии морали довольно прочно закрепились два подхода к различным сторонам морали – к ее нормативной (ориентация на норму и право) и эмпатийной стороне (ориентации на реальное благополучие конкретных людей).

Н. Айзенберг также высказывает ряд критических замечаний в адрес модели Л. Кольберга. Моральное развитие с ее точки зрения формируется под влиянием многих факторов: культурных традиций, социальных условий, эмоциональных переживаний. Моральное развитие не укладывается в жесткие рамки отдельных стадий, и уровень моральных суждений проявляется в значительных различиях между моральными суждениями относительно гипотетических ситуаций и реального происшествия. Причину гендерных различий в моральных суждениях Н. Айзенберг видит в темпах созревания. Девочки созревают быстрее и поэтому раньше начинают давать ответы, проникнутые заботой и состраданием (Авдулова Т.П., 2001). Любое просоциальное действие, с точки зрения Н. Айзенберг, необходимо рассматривать, исходя из когнитивного и эмоционального компонентов. G.Carlo и B.A. Randall (2002), основываясь на концепции Н. Айзенберг, выделили 4 типа просоциального поведения и экспериментально подтвердили их существование:

Альтруизм – добровольная помощь другому, мотивированная потребностью и благополучием другого, часто вызываемое чувством симпатии и ориентацией на помощь другому как независимую ценность.

Эмоциональное просоциальное поведение – ориентация на помощь другому, обусловленная эмоциональными обстоятельствами (напр., подросток, обжегший руку и закричавший, в большей степени провоцирует оказание помощи, чем подросток, обжегший руку и не выражающий никаких эмоций).

Соответствующее просоциальное поведение – оказание помощи другому в ответ на вербальную или невербальную просьбу. Более высокий уровень этого поведения связан с ориентацией на ожидаемое одобрение в моральных суждениях и не связан с чувствами симпатии или более высоким уровнем моральных суждений.

Публичное просоциальное поведение разворачивается всегда перед кем-то и мотивировано желанием получить одобрение и заслужить уважение других. (Carlo, Randall, 2002).

Как мы видим, истинное просоциальное поведение, с точки зрения Н. Айзенберг, не может быть мотивировано ожиданием награды, одобрения и наказания (Молчанов С.В., 2005), но с необходимостью включает в себя эмоциональные переживания, такие как симпатия или эмпатия (Carlo G., Randall B.A., 2002). В целом к моральным чувствам относят эмпатию, стыд, вину, тревогу (Eisenberg N., 2000). Как отмечает Н. Айзенберг, эмпатия является основой для возникновения других моральных чувств. Она называет эмпатию и чувство вины моральными эмоциями высокого порядка, а стыд и тревогу, скорее более «эгоцентрическими» моральными эмоциями (там же). Поскольку рамки нашей работы ограничены, и рассмотрение чувств тревоги и стыда не входит в задачу эмпирического исследования, мы остановимся лишь на моральных эмоциях «высокого порядка»

Эмпатия обычно рассматривается как способность (capacity) сопереживать и понимать чувства и мысли другого. Более чем два века назад, Адам Смит в теории моральных чувств, отступив от философских и теологических взглядов, поместил эмпатию непосредственно в область морали. Эмпатия определялась им как возможность (ability) понимать точку зрения другого и испытывать при этом висцеральные и эмоциональные реакции. В последнее время эта концепция эмпатии прочно закрепилась в исследовательских проектах. Операциональные определения сейчас концентрируются на а) аффективных реакциях (например, эмоциональное выражение сорадования); б) когнитивных компонентах (напр., принятие и понимание переживаний другого) и в) исследовании физиологического компонента (напр., паттерны активности ЦНС). Эмпатия также может иметь и поведенческий компонент, проявляющийся в заботящемся поведении, напр., помощи, удовлетворения, разделения или демонстрации симпатии (Zahn-Waxler C., Hastings P., 1999).

В работах MacLean (1990) онтогенез эмпатии рассматривается как функция определенных мозговых структур млекопитающих. Основное внимание уделяется в его работах связи между лимбической системой и префронтальной коры. Одна часть лимбической системы предположительно вовлекается в процессы чувствований, эмоций и самосохраняющего поведения. Другая же часть ответственна за социальное поведение и стремление сохранить вид. Эмпатия понимается как функция возникающая в процессе естественного отбора в результате необходимости длительной заботы о потомстве. Ключевым компонентом этой теории является наличие феномена ответа заботящихся родителей на плач (крик) их малышей (там же).

Мы полагаем, что эмпатия у человека не есть трансформация или эволюция аналогичного чувства животных. Эмпатия у человека имеет иную природу, она социальна по происхождению и в этом смысле представляет собой иное по сущности явление.

Способность к эмпатии была рассмотрена с точки зрения социального взаимодействия Cooley (1926) и с точки зрения принятия ролей в теории Mead (1936). Ставя себя на место другого, человек способен понять чувства

и переживания другого, которые могут в значительной мере отличаться от его собственных. Эмпатия важна для развития рефлексии, так как позволяет человеку увидеть самого себя глазами другого. В теориях эмоций эмпатия рассматривается как эмоция «высшего порядка» или моральная эмоция, наряду с чувством вины (Zahn-Waxler & Robinson, 1995). В то время как базовые эмоции, такие как страх, гнев, печаль и удовольствие появляются уже на первом году жизни, эмоции более высокого порядка не обнаруживают себя до двух-трех лет, пока осознание ребенком себя как отличного от других не станет устойчивым.

Эмпатия может мотивировать просоциальное поведение и заботу, сдерживая агрессивные проявления. Это рассматривается многими психологами (напр, Роджерсом, 1984) и психоаналитиками (напр., Jordan, 2000) как главный эффект психотерапии. Главное, что объединяет все точки зрения, это положение о том, что эмпатия – фундаментальное звено для позитивного роста и развития личности (Zahn-Waxler C. & Hastings P. D, 1999).

В психологических теориях, которые появились на Западе в XX веке (психоанализ и теория Пиаже), утверждалось, что ни моральное сознание, ни сопереживание не включаются в поведенческий ответный репертуар на первом году жизни, поскольку и сознание, и чувство симпатии зависят от раннего опыта ребенка, в том числе и от ранних сексуальных и агрессивных импульсов, которые он испытывает. Такое понимание исходит из основного положения этих теорий, в котором индивид рассматривается как эгоцентрическое и гедонистическое существо, зависящее от других и асоциальное.

М. Hoffman предпринял первую систематизированную попытку концептуализировать заботу и сопереживание в детстве. Им описано 4 стадии развития эмпатии:

1. Стадия глобальной эмпатии (1 год жизни). На этой стадии собственное страдание и страдание другого смешаны.

2. Стадия эгоцентрической эмпатии (2-й год). На этой стадии ребенок уже может физически отделять себя от другого, но внутреннее состояние все еще смешано.

3. Стадия более зрелой эмпатии. На этой стадии ребенок начинает ориентироваться на индивидуальные потребности партнера и учитывать их в своем поведении.

4. Стадия генерализованной эмпатии. На этой стадии ребенок может отвечать на более абстрактные и дистантные условия страданий и бедствий (напр., сироты, жертвы катастроф, беженцы).

Существуют данные, подтверждающие, что предпосылки формирования эмпатии закладываются на первом году жизни. Уже младенцы способны реагировать на страдания других младенцев. В этих исследованиях рассматривается реакция заражения плачем. Также дети могут осознанно имитировать экспрессивное выражение страдания других. Эти поведенческие акты доказывают, что человек биологически предрасположен воспринимать чувства других (Zahn-Waxler C. & Hastings P. D, 1999).

Способность превращать эмоциональные реакции в конструктивные действия в соответствии с нуждами другого, однако, требует символических

и регуляторных процессов, которые появляются на протяжении второго года жизни. Это включает способность отличать себя от других и понимать, что потребности других могут отличаться от собственных. Также это включает возрастающую способность (сараcity) к эмоциональной регуляции, так что индивид становится способным не испытывать эмоциональной перегрузки от боли и страдания другого. И это требует расширения поведенческого репертуара, чтобы помочь другому справиться с болью и страданием.

На первом году жизни ребенок пытается успокоить другого, используя простые жесты (прикосновение, поглаживание, обнимание). Эти жесты часто появляются как отражение желания как получить успокоение, так и успокоить кого-то. Между 1,5 и 2 годами желание успокоить появляется чаще, оно более определенное и более соответствует ситуации, например, перевязывание царапины другому, укрывание мамы одеялом, пока та отдыхает, принесение бутылочки плачущему ребенку. Иногда, когда одна реакция не оказывается успешной, ребенок пробует осуществить другое действие. Затем действие заботы начинает распространяться не только на близкого взрослого, но и на других членов семьи, друзей, также на незнакомых людей. Просоциальное поведение медленнее развивается в близнецовой паре, но траектория развития такая же. Адаптивные действенные паттерны заботы демонстрируются большинством детей. Гендерные различия проявляются в том, что девочки чаще, чем мальчики, демонстрируют эмпатийное поведение по отношению к жертве (Zahn-Waxler C. & Hastings P. D., 1999). С.К.Нартовой-Бочавер было отмечено, что в отличие от мальчиков, девочки воспринимают себя как реальных носителей морально-нравственных качеств (Нартова-Бочавер С.К., 1993).

J.P Tangney, D Marschall, K Barlow & DH Wagner обнаружили, что способность к эмпатии часто связана с чувством вины (Eisenberg N., 2000). М.Нoffman также говорит о том, что чувство вины возникает в раннем детстве лишь в том случае, когда ребенок эмпатически сопереживает другому, а также осознает, что он стал причиной его страданий (Hoffman M., 1998).

Понятие вины больше проработано в психоанализе. Фрейд говорит, что чувство вины возникает, когда появляется напряжение между Эго и Супер-Эго (Фрейд З., 1991). Однако, Дж. Вайсе, изучая чувство вины, показал, что вина межличностна по происхождению и функциям и играет адаптивную роль в поддержании отношений между людьми. Но чувство вины в ряде случаев может быть и дезадаптивно. Дж. Вайсе выделил 4 типа вины: 1) вина выжившего; 2) вина гиперответственности; 3) вина отделения; 4) вина ненависти к себе. Один из них, вина выжившего, является адаптивным типом, остальные же мешают человеку полноценно жить.

Э.Хиггинс определяет чувство вины как сильную эмоцию, которая может характеризоваться переживанием тревоги, беспокойства, напряжением, озабоченностью, угрозой, предчувствием опасности или беды (Ferguson T., 1990). Производя оценку ситуации в умственном плане и принимая определенное решения, субъект может прогнозировать (начать чувствовать), что возможный выбор, кажущийся ему рационально правильным, повлечет у него возникновение негативных эмоций. По данным T.J.Ferguson et al. (1990),

у детей 7-9 и 10-12 лет чувство вины возникает, когда они оценивают последствия своего морального выбора как негативные для других (в то время, как чувство стыда возникает, когда прогнозируются негативные последствия для себя, в смысле не соответствия своему образу Я или идеальному Я). Т. Ferguson выделяет следующие значения возникновения чувства вины:

- особое переживание вопроса: «Как я мог так поступить?»;
- возникновение чувства сожаления;
- размышления о своей некомпетентности и неадекватности.

Эмпатия и чувство вины являются важными условиями развития про-социального поведения.

Исследования Дж. Данн показали, что передача моральных правил маленьким детям осуществляется главным образом через невербальные эмоциональные формы их взаимодействия со взрослым (Dunn J., 1984).

М. Hoffman полагает, что дисциплинарные методы родителей чаще всего апеллируют к чувству вины, именно это и обеспечивает интернализацию моральных норм. В своих исследованиях М. Hoffman показывает, что уже в дошкольном возрасте чувство вины наряду с эмпатией может вести к моральному поведению. Схема такова: «Проступок – индукция со стороны родителей (апелляция к чувству вины) – сценарий поведения, определяющийся чувством вины». Когда проступок совершается впервые, эгоцентрические цели еще достаточно сильны, и чувство вины и эмпатия могут не влиять с достаточной силой. По мере повторения сходных ситуаций, когнитивного развития, а также включения в конфликтные ситуации сверстников поведение начинает все в большей степени поддаваться влиянию эмпатии и чувства вины. Именно воздействие сверстников является фактором, который заставляет ребенка учитывать точку зрения и намерения другого.

М. Hoffman обращает внимание на тот факт, что усвоение моделей морального поведения требуют активного участия ребенка в процессе их формирования. Если сначала чувство вины возникает лишь после совершенного действия, то затем, в результате активности субъекта, чувство вины может возникать уже тогда, когда ребенок только представляет, что он нарушает какую-либо норму. М. Hoffman называет это чувство «виртуальная вина за проступок» (*transgression virtual guilt*). Это вовсе не новый тип чувства вины это лишь его трансформация в процессе интериоризации. М. Hoffman называет его более точно как вина-ответственность, которая определяет возникновение чувства ответственности за нанесение страданий другому, даже в случае, если действие было совершено ненамеренно. В дальнейшем М. Hoffman описывает и более поздние формы чувства вины, такие как «вина за сепарацию», могущее возникнуть, когда юноша покидает родительский дом в силу перехода в новое учебное заведение (колледж или университет); «вина за достижение», возникающее в случае, когда подросток добивается больших успехов, чем сверстники; еще есть форма переживания чувства вины – «вина из-за богатства», когда ребенок обладает большими привилегиями и достатком, чем другие. Как описывает М. Hoffman, хотя его исследования проведены достаточно давно (в 60-х годах XX века), последние 4 формы

вины характерны именно для подросткового возраста. Интересным является факт, что выраженность последних трех форм с возрастом имеет тенденцию угасать. М. Hoffman отмечает, что наиболее травматично взрослыми переживается чувство вины выжившего. Также важно заметить, что М. Hoffman говорит о том, что на основе эмпатии формируется такой тип вины как «вина за бездействие» (Hoffman M.L., 2000).

Таким образом, можно сделать вывод, что моральные чувства «высокого порядка», являются не только энергетическим базисом для моральных суждений и поведения, как полагал Л. Кольберг (Berkowitz M, 1998), но во многом могут определять и уровень моральных суждений и моральное поведение. Конечно, нельзя упускать из внимания тот факт, что Л. Кольберг также утверждал, что возникновение чувства вины свидетельствует о собственно моральном развитии, но ведущая роль в его теории все равно оставалась за когнитивными структурами.

В отечественной психологии эмоциональному компоненту уделяется особое внимание. В результате усвоения ребенком социальных ценностей, социальных требований, норм и идеалов, которые при определенных условиях становятся внутренним достоянием личности, содержанием побудительных мотивов ее поведения, ребенок приобретает своеобразную систему мер, эталонов ценностей, сопоставляя с которыми наблюдаемые явления, он оценивает их эмоционально как привлекательные или отталкивающие, как добрые или злые, как красивые или безобразные (Запорожец А.В., Неверович Я.З., 1986).

Эмоции играют своеобразную организующую и ориентирующую функцию. Данные исследования Я.З. Неверович показали, что внутренняя детерминация детской деятельности мотивами осуществляется не непосредственно, а с помощью особого психологического механизма регулирования, названного А.В. Запорожцем механизмом «эмоциональной коррекции» поведения (там же с.17). Он характеризуется приведением в соответствие общей направленности и динамики поведения с тем, какой «личностный смысл» имеют данная ситуация и выполняемые в ней действия для ребенка для удовлетворения его потребностей и интересов, для реализации его ценностных установок.

Мотивационно-смысловая ориентация приводит к формированию своеобразных эмоциональных образов проблемной ситуации и тех действий, которые должны быть в ней выполнены. Так, Т.М.Титаренко утверждает, что регулятивная функция эмоций осуществляется через оценку ребенком своего поведения (Малявкина, 2003). С.Г. Якобсон связывает специфику моральной оценки, с одной стороны, с тем, что она имеет полярный характер, когда любой нравственный акт соотносится с категориями добра и зла; с другой – объединяет в себе интеллектуальный и аффективный компоненты, а значит, ценности общества не только познаются, но и осознаются через эмоциональные переживания (Якобсон, 1984). В связи с этим, необходимо различать оценку-констатацию, т.е. объективный взгляд на произошедшее и оценку – переживание, как внутреннюю реакцию субъекта, которые в едином комплексе «знания – переживания» позволяют с двух сторон

проанализировать событие с позиции нравственности (там же). Все это приводит к избирательному восприятию действительности, когда акцент при выборе делается не на все, а лишь на субъективно значимые условия ситуации (Рувинский, 1977).

Рассматривая нравственное развитие личности как сложный процесс, Т.П. Авдулова делает особый акцент на формировании личностного смысла как основного условия перехода известных моральных мотивов в реально действующие (Авдулова, 2001). Смысловые образования рассматриваются как представляющие собой динамическое объединение трех основных составляющих поведения: когнитивного, мотивационного и эмоционального. При этом когнитивный аспект определяет: понимание значений, норм; осознание личностных смыслов; понимание моральной альтернативы; децентрация; интериоризация ценностей. Мотивационный аспект задает направление и активность развитию личности, волевой компонент нравственного развития, смыслообразование. Эмоциональный аспект обеспечивает переход моральных убеждений в личностные ценности; влияет на степень присвоения нравственных норм; предвосхищающая роль отрицательных эмоций (там же).

В исследовании Е.В.Труновой было показано, что чувство вины в подростковом возрасте свидетельствует о значимости моральной нормы (Трунова Е.В., 2000). Таким образом, мы можем сделать вывод, что во многом именно благодаря развитию эмоциональной сферы становится возможным и гармоничное моральное развитие. Эмпатия и чувство вины играют важнейшую роль в становлении нравственной личности. Влияние чувства вины и эмпатии на моральное мышление и процесс морального выбора является предметом современных исследований и в отечественной, и в зарубежной психологии, но единого мнения здесь пока еще не сформировано. Важным моментом является попытка многих авторов (М.Нoffman, Д.Кребс, Э.Хиггинс, Н.Айзенберг) рассмотреть это влияние с точки зрения возрастной периодизации, так как именно благодаря этому могут быть раскрыты сущностные механизмы данного феномена.

Предположение, что эмоции негативно влияют на моральное рассуждение, нашло свое подтверждение в следующем: «...эмоции пассивны и не намеренны, и вследствие этого иррациональны, их влияние на наши оценки не базируются на истинном выборе. Эмоции не подчинены воле и поэтому не имеют никакой моральной ценности...» (Frijda, 1988, стр. 354). Исходя из данной характеристики, эмоции не отличаются от бессмысленных, неосознанных реакций, и мы никоим образом не ответственны за решения, принятые под их воздействием.

Пизарро (Pizzaro, 2001) скорее опровергает данное суждение:

1) Человек наделен способностью регулировать свои эмоции и во многих случаях способен эффективно вызывать или подавлять разнообразные эмоциональные реакции.

2) Эмоции – не бессодержательное отражение, лишённое рационального основания. Скорее, эмоции отражают беспокойства, вытекающие из наших моральных убеждений и принципов.

3) Вместо того, чтобы негативно влиять на процесс рассуждения, эмоции могут фактически стимулировать данный процесс, действуя как центральное звено, сосредотачивающее наше внимание и познавательную активность на проблеме.

В целом, эти характеристики, в соответствии с которыми эмоции значимы для процесса принятия морального решения, являются серьезным основанием для включения эмоций в процесс формирования морального суждения.

Начиная с середины 80-х годов проблема моральных эмоций начинает интересовать все большее число исследователей разных направлений психологического знания. Так, Пизарро, в подтверждение концепции о связи эмоций и моральных суждений останавливается на эмпатии как самой значимой моральной эмоции (Pizzaro, 2001). Современные исследователи также выделяют и такие моральные эмоции, как чувство вины, стыда (Eisenberg, 2000), раздражение, смущение, сострадание (Haidt, 2003), но эмпатия выделяется как одна из самых значимых в силу того, что выражает беспокойство за благосостояние других, особенно в конфликтных ситуациях. В работах возрастных психологов (Айзенберг, Хоффман), социальных психологов (Бэтсон) и философов (Блум) эмпатия, в целом, рассматривается как значимый психологический конструкт, необходимый человеку для принятия моральных решений.

Что же такое эмпатия? В начале прошлого века автор монографии по введению в детскую психологию определил понятие "эмпатия" (автор предпочел понятие «симпатия»), которое и по сей день используется:

"Симпатия есть ... чувственный опыт, в основном, эмоциональный, подобный тому, который выражается другим человеком. Это ... отодвигает на задний план наше индивидуальное и заставляет нас переживать боль, радость или горе другого человека" (Davis, 1994, стр. 274).

Вслед за определением столетней «выдержки», эмпатия в наше время определяется как "степень выраженности переживания эмоциональной или физической подавленности, возникающей в ответ на подавленность другого субъекта, и измеряемая самоописанием, независимыми суждениями или физиологическими индикаторами" (Pizarro, 2001).

Сразу же необходимо ввести различия между понятиями «эмпатия» и «симпатия». Это возможно сделать следующим образом: в основе эмпатии лежат чувственные переживания чего-либо вместе с кем-либо, в то время как симпатия отражает переживания чего-либо за кого-либо. Эмпатия отличается переживанием эмоций сходных эмоциям субъекта, в отношении которого и возникло чувство эмпатии. С другой стороны, симпатия предполагает беспокойство за субъекта, которому симпатизируют (Snow, 2000).

Выделяется две составляющих эмпатии:

1) когнитивная составляющая, выражающаяся в возможности актуализировать, понять и принять позицию другого человека, и

2) аффективная составляющая – опосредованная эмоциональная реакция (часто следующая за принятием позиции другого человека) в ответ на эмоции объекта эмпатии.

Аффективная составляющая в работах современных авторов наиболее часто покрывает все понятие эмпатии, целиком.

Маерс в своей монографии определяет эмпатию следующим образом: "Важное отличие эмпатии заключается в том, что последняя погружает нас в переживания другого человека, но это не означает, что мы будем переживать те же эмоции. К примеру, если представить чувственный образ расстроенного человека, то мы будем всего лишь находиться в состоянии «постижения» чувства, но не испытывать его уныния" (Meyers, 1994, стр. 33).

Существует более современные подходы, выражающие обратную зависимость между эмоциями и эмпатией. Айзенберг определяет эмпатию как переживание, возникающее на предчувствие или понимание эмоционального состояния другого субъекта, и подобное тем эмоциям, которые испытывает этот субъект (Eisenberg, 2002).

Для того, чтобы эмпатировать другому человеку, мы должны ощутить те эмоции, которые он в данный момент переживает. Вызвать соответствующие переживания возможно только в двух случаях: если симитировать в себе его убеждения и желания или представить себя в ситуации последнего (Goldie, 2000). Данный подход дополняет Харольд: "...эмпатия предполагает не только постижение эмоций человека, но и переживание этих эмоций" (Harold, 2000, стр. 343).

Помимо этого, важно заметить, что само присутствие моральных эмоций, в частности, эмпатии, определяется выработанными у человека моральными убеждениями и нормами (Pizarro, 2001). Соответственно, переживания человека могут отражать моральные приоритеты человека, что значительным образом расширяет суженое представление об эмпатии, как только о рефлексивной, не-когнитивной структуре.

Когнитивная составляющая эмпатии, как уже отмечалось, позволяет понять и принять позицию другого человека, ситуацию в которой он находится. Экспериментальным путем были выделены возможные когнитивные характеристики, предопределяющие появление эмпатии:

Сходство. В литературе эмпатию часто описывают через сходство в опыте. Философ Дэвид Хьюм предполагал, что люди, схожие опытом, способны опосредованно испытывать чувства других людей, представляя себя на их месте (Hume, 1751/1957). Более выражено эмпатия возникает по отношению к людям, сходство с которыми мы ощущаем, или к тем, кто находится в ситуациях, сходных с теми, которые мы когда-то пережили (Davis, 1996; Hoffman, 2000; Batson, Turk, Shaw & Klein, 1995; Feshbach & Roe, 1968); это предположение о связи воспринимаемого сходства и эмпатии было подтверждено экспериментально (Barnett, 1984; Barnett, 1987; Krebs, 1975; Kubo & Muto, 1984). Эмпатия редко возникает в отношении сильно отличающихся от нас людей (Hoffman, 1987).

Предписание вины. Эмпатия в большей мере возникает в отношении людей, которых мы считаем невиновными в сложившейся ситуации. (Weiner, 1980, Betancourt, 1991).

Принятие позиции другого. Взгляд на ситуацию под другим углом, глазами другого человека позволяет нам оценить ситуацию с его точки зрения.

Эмпатия в таких случаях возникает гораздо проще, если ситуация представлена в более эмоционально окрашенной форме. В этом смысле, чтение книги о человеке, находящемся в подавленном состоянии, будет менее эффективным, нежели наблюдение за этим человеком. Более того, принятие позиции другого человека может быть значимо важным с двух сторон: как возможность представить себя на месте другого человека, с одной стороны, и представление переживаний этого человека, с другой (Batson, Early, & Salvarini, 1997).

М. Хоффман рассматривал эмпатию в широком смысле по отношению к альтруизму и морали: эмпатия и моральные нормы дополняют друг друга и сочетаются в последующем моральном поведении. Эмпатия выступает как мотивирующий конструкт по отношению к моральному действию, мотивирует людей заботиться друг о друге – мотивирующая функция эмпатии (Batson, 1991; Hoffman, 2000). Изменения в мотивации морального выбора могут происходить с учетом включенности аффективного компонента: эмоций, переживаний, по отношению к другим людям.

Подытоживая, можно определить состояние эмпатии как понимание ситуации, в которой находится субъект (в отношении которого возникла эмпатия) и его переживаний.

В силу того, что ситуации, содержащие моральную коллизию, чаще всего основываются на выборе и, соответственно, жертвовании чем-либо во благо кого-либо, эмпатия, позволяя погрузиться в переживания субъекта, является для нас значимым показателем наличия моральной проблемы в возникшей ситуации (информативная функция эмпатии). Эмпатия необходима нам для того, чтобы оценить ситуацию, в целом, как моральную (Thompson, 2001).

Чувство эмпатии к субъекту, сопереживание ему, побуждает нас учитывать те моральные принципы, которые необходимы для принятия правильного решения в ситуации морального выбора. Возникновение эмпатии есть не что иное, как сигнал о наличии морально значимого содержания в ситуации.

9. Эмпирическое выделение и описание различных типов альтруистической позиции в подростковом возрасте

Вслед за рядом авторов (C.D. Batson, N. Eisenberg) мы утверждаем, что внешне альтруистическое поведение может совершаться, исходя из неальтруистического мотива. Таким образом, могут существовать несколько вариантов отношения субъекта (в нашем случае – подростка) к осуществлению альтруистического поведения, которое мы обозначили термином «альтруистическая позиция». Утверждения, на основе которых мы делали вывод

о наличии определенной позиции подростка, включали в себя аспект манипуляции (осуществление квазиальтруистического поведения, преследуя при этом свои цели), понимания подростком нормативного аспекта (понимание важности, ценности альтруистического поведения) и собственно альтруистический аспект (готовность на вербальном уровне осуществлять альтруистическое поведение). Использование всех трех параметров для определения позиции обусловлено тем, что, по мнению многих авторов, в каждом поступке присутствует как эгоистический, так и альтруистический мотив, а выбор поведения осуществляется в борьбе этих мотивов между собой (J.P. Rushton).

Проведенный кластерный анализ по указанным параметрам позволил выявить три достаточно ясно разделяющиеся группы. К той или иной группе подростки были отнесены, исходя из абсолютных значений, полученных по каждой из шкал (манипуляция добротой, моральные установки, альтруистическая позиция). Видно, что подростков с собственно альтруистической позицией (14% от общего числа испытуемых) значительно меньше, нежели подростков с манипулятивной (45,3%) и общеморальной (группа «моральные установки») (40,7%) позицией.

Итак, на первом этапе обработки результатов, полученных с помощью методики ОАП, мы выявили предпочитаемые индивидуальные позиции подростков в отношении альтруистического поведения. Вместе с тем, не меньший, если не больший интерес представляло выявление не только предпочитаемых индивидуальных позиций подростков в отношении альтруистического поведения, но и соотношение подобных позиций у каждого испытуемого, что позволяло провести кластеризацию полученных данных.

На основе полученных данных мы провели кластерный анализ с целью выявить группы по всем трем исходным параметрам. По каждому подростку мы получили значения по следующим установкам: манипулятивное альтруистическое поведение, общие нормативные установки, собственно альтруистическое поведение. Максимальное значение по каждому из указанных параметров равнялось 9. На основе этих параметров мы провели кластерный анализ, результатом которого было выявление трех групп подростков. Количественная характеристика получившихся групп представлена в табл. 5.

Таблица 5. Количественная характеристика групп, образовавшихся в результате кластеризации данных, полученных по методике ОАП

Позиции	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3
Манипуляция	5	6	4
Нормативность	4	7	7
Альтруизм	5	4	8

Видно, что кластеру 1 соответствуют, в целом, средние значения по всем позициям, кластеру 2 соответствуют высокие значения по параметрам манипулятивности и нормативности, кластеру 3 – высокие значения по нормативности и альтруизму. При этом наибольшее значение по параметру альтруизма наблюдается в кластере 3, а наименьшее – в кластере 2. Наибольшее

значение по параметру нормативности наблюдается в кластере 3 и 2, наименьшее – в кластере 1. Наибольшее значение по параметру манипулятивности наблюдается в кластере 2, наименьшее в кластере 3.

Таким образом, проведенный кластерный анализ уже на данном этапе позволил определить три достаточно ясно разделяющиеся группы: подростки, составившие кластер 3, имеют высший показатель по параметру альтруизма и низший – по манипулятивности. Зеркальным являются характеристики подростков, составивших 2-й кластер: здесь при низших показателях по альтруизму высшими являются показатели по манипулятивности и нормативности. 1-ый кластер занимает промежуточное положение: здесь показатели манипулятивности и альтруизма равны и несколько превышают показатели по нормативности. На рис. 4 показаны различия между тремя группами подростков по выделенным параметрам.

Рис. 4. Характеристики групп подростков с различными альтруистическими позициями по следующим параметрам: манипулятивность, нормативность и альтруизм

Подростки, составившие третью группу, имеют высший показатель по параметру альтруизма и низший – по манипулятивности. Зеркальными являются характеристики подростков, составивших вторую группу: здесь при низших показателях по альтруизму высшими являются показатели по манипулятивности и нормативности. Первая группа занимает промежуточное положение: здесь показатели манипулятивности и альтруизма равны и несколько превышают показатели по нормативности.

Полученные данные можно интерпретировать как то, что кластер 2 в большей степени, нежели кластер 3 характеризуется манипулятивным квазиальтруистическим поведением и при этом более высокой нормативностью. При этом значения по непосредственно альтруистическому поведению в кластере 2 значительно и значимо ниже. Видно также, что кластер 1 по сравнению с кластером 3 в значительной степени характеризуется манипулятивным аспектом, имея при этом меньшие значения как по нормативности, так и по альтруизму.

Мы не получили значимых различий между кластерами 1 и 2 по квазиальтруистическому поведению. При этом наблюдаются значимые различия по нормативности и альтруистическому поведению. Кластер 2 характеризуется

высокой нормативностью по отношению к кластеру 1, в то время как кластер 1 – более высокими значениями по альтруистическому поведению. Отсутствие значимых различий в отношении манипуляции подчеркивает существенные различия между кластерами по другим параметрам. Высокая нормативность кластера 2 при более низких значениях по альтруистическому поведению говорит нам о том, что подростки характеризуются конфликтом между установками и поведением. Они способны морально обосновать свой выбор, но реально поступают с целью получения большей для себя выгоды. Показатели кластера 1 в отношении альтруистического поведения говорят нам о том, что эти подростки скорее ситуативно выбирают способ поведения, что подтверждается более низкими значениями по показателю нормативности, т.е. способности обосновывать свои действия и сопоставлять их с моральными нормами.

10. Содержательная интерпретация выделенных кластеров

Основываясь на полученных результатах и картине, которую дала их статистическая обработка, мы предлагаем следующую содержательную интерпретацию данных по кластерам.

Кластер 1. «Неустойчивые альтруисты»

В данную группу попали подростки с примерно равной выраженностью всех трех исходных для нас параметров. При этом нормативный аспект выражен у этой группы в наименьшей среди остальных групп степени. Мы назвали эту группу «неустойчивые альтруисты» или просто неустойчивые, поскольку таким подросткам свойственно как квазиальтруистическое поведение, так и собственно альтруистическое. Выбор может делаться ими в зависимости от ситуативных обстоятельств, от различных внутренних и внешних факторов. Приведем несколько наиболее типичных ответов подростков данной группы.

«Думаю, что эгоистические поступки можно оправдать, поскольку они естественны для человека»

«Я помогаю людям, если мне кажется, что они нуждаются в помощи»

«Я веду себя по-доброму, только если от меня это требуется»

Кластер 2. «Манипуляторы»

В данную группу попали подростки с высокой степенью нормативности и высоким уровнем квазиальтруистического поведения, т.е. со стремлением использовать доброе поведение по отношению к другим на благо себе. Такую группу мы назвали «морализирующие манипуляторы». Такие подростки оправдывают собственное поведение альтруистическими и моральными доводами, могут легко маскировать свое эгоистическое поведение под моральное.

Мы рассматриваем различные варианты именно альтруистического поведения с объективной стороны, которая заключается в ориентации на благо для другого человека. Поэтому среди выделенных нами групп не оказалась группы открытых манипуляторов. Наиболее характерными ответами данной группы были следующие:

«Я считаю, что доброта и великодушие в отношениях между людьми ведут к прогрессу и улучшению жизни»

«Считаю, что в общении с "нужными" людьми, иногда можно поступиться собственными принципами»

Кластер 3. «альтруисты»

В эту группу вошли подростки с высокими значениями по параметру альтруизма и нормативности и низкими значениями по параметру манипулятивности. Таких подростков мы назвали собственно альтруистами. Наиболее характерными ответами таких подростков были следующие:

«Я считаю, что люди должны относиться друг к другу по-доброму без ожидания всякой выгоды от этого»

«Человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему придется жертвовать своим комфортом и отдавать что-то от себя»

Таблица 6. Распределение подростков по кластерам в зависимости от пола

Параметры	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3
Общее количество	135	161	74
Процент от всей выборки	36%	44%	20%
Мальчиков	38%	40%	21%
Девочек	62%	60%	79%
Средний возраст	14,6	14,8	14,7

Таким образом, мы описали три различных позиции по отношению к осуществлению альтруистического поведения: 1) позиция, ориентирующая на квазиальтруистическое поведение, т.е. внешне альтруистическое, но при этом руководствующееся эгоистическим мотивом; 2) позиция, ориентирующая на нормативное, или неопределенное альтруистическое поведение, т.е. несистематическое альтруистическое поведение, во многом определяемое ситуацией. При этом у данной группы подростков хочется отметить наиболее низкие значения по нормативным установкам. Это может говорить об отсутствии четкой линии поведения, четких ориентиров, что не позволяет подросткам проявлять последовательность в выборе поведения в ситуации морального противоречия; 3) позиция, ориентирующая подростка на собственно альтруистическое поведение.

Для нас представил интерес вопрос, как распределятся подростки по кластерам и в какой степени распределение выборки по указанным кластерам связано с полом испытуемых. Табл. 6 содержит данные, касающиеся этого распределения.

Как и ожидалось, наименьшее количество представителей мы получили в группе кластера 3 – подростки с собственно альтруистической позицией (20%). При этом не может не удивлять значительное количество

представителей в кластере 1 («неустойчивые альтруисты»). Наибольшее число представителей вошло в группу кластера 2 («морализирующие манипуляторы»). Это может говорить о значительной распространенности квазиальтруистического поведения среди подростков. Подобное, маскирующееся под альтруистическое, а на деле – эгоистическое поведение является, если судить по нашим данным, достаточно распространенным.

Подобный результат ставит важную с нашей точки зрения проблему, касающуюся адекватного определения альтруистического поведения. С точки зрения представленных выше данных важным является не только установление альтруистической направленности (позиции) поведения, но и установление наличия или отсутствия в подобной позиции скрытых эгоистических мотивов. Упрощенная, односторонняя оценка позиции подростка как альтруистической может привести к смешению двух, по сути, психологически весьма различных групп (кластеры 2 и 3), что приведет к искажению реальной картины. При этом хотелось бы отметить, что именно в группе кластера 2 наблюдается наименьший разрыв между представительством мальчиков и девочек. Это может говорить о равной распространенности квазиальтруистического поведения как среди девочек, так и среди мальчиков. Говоря о других межполовых различиях, можно отметить преобладание девочек в кластере 3. Это можно объяснить большей направленностью девочек-подростков на межличностные отношения, более развитой у них эмоциональной сферой, большей выраженностью эмпатии у девочек, чем у мальчиков. Мы ожидали получить несколько иное соотношение в кластере 1; то, что там тоже преобладают девочки, может говорить о большей нормативной ориентации в поведении девочек, нежели мальчиков.

Таблица 7. Распределение испытуемых в зависимости от позиции

Параметры	Неустойчивые	Манипуляторы	Альтруисты
Общее количество испытуемых	N=135	N=161	N=74
Распределение по всей выборке (в %)	36%	44%	20%
Гендерное распределение (в %)	Юношей 38%	Юношей 40%	Юношей 21%
	Девушек 62%	Девушек 60%	Девушек 79%
Средний возраст	14,6	14,8	14,7

В Таблице 7 представлено распределение всей выборки по различным параметрам. Особо хотелось бы отметить, что в соответствие с нашими ожиданиями в группу альтруистов попало меньшинство подростков, при этом около 80% из них – девушки. Этот результат описывается и другими авторами (W. Kurtines, J. Gewirtz) и связывается с большей способностью девушек к проявлению эмпатии и заботы.

Другим важным моментом с нашей точки зрения является то, что предполагаемого снижения процента неустойчивой позиции с возрастом не происходит (ANOVA, $p=.321$). Так, неустойчивая позиция характерна как для младших, так и для старших подростков.

Обнаружены значимые различия между младшими и старшими подростками: в младшей группе преобладающей позицией является манипулятивная, у старших подростков преобладает неустойчивая позиция, также можно отметить увеличение доли альтруистической позиции по отношению к младшим подросткам (χ^2 -square, $p=.04$).

Рис. 5. Представленность различных позиций у старших и младших подростков

Мы также сравнили показатели отнесенности к той или иной позиции у представителей разных полов. Были получены следующие результаты. Значимые гендерные различия обнаружены лишь по альтруистической позиции. Девушкам в большей мере, чем юношам свойственна собственно альтруистическая позиция (χ^2 -square, $p=.015$). Значимых различий по манипулятивной и неустойчивой позиции между представителями разных полов не обнаружено. На диаграммах представлено распределение различных позиций (манипулятивная – 1, неустойчивая – 2, альтруистическая – 3) среди девушек и юношей.

Рис. 6. Представленность различных позиций у юношей и девушек

11. Исследование связи типа альтруистической позиции и социометрического статуса подростка

По ответам на первые два вопроса социометрического исследования мы выделили социометрический статус каждого ученика. Для удобства мы использовали следующие варианты в этом отношении: «звезда», «популярный», «пренебрегаемый». Статус «звезда» получали те, кто чаще всего указывался в ответах подростков (не менее, чем у 50% одноклассников), статус «пренебрегаемый» получали те, кто реже всего указывался, или его имя вообще не встречалось в ответах одноклассников. Статус «популярные» мы рассматривали достаточно широко. Для удобства обработки статус «популярные» мы присваивали всем тем, кого указывали в ответах не менее 15% учеников этого класса. При обработке учитывались оба ответа.

Вопросы, связанные с альтруистическим поведением, обрабатывались следующим образом. В группу альтруистов попадали все те, чье имя подростки указывали в ответах на все три вопроса, и при этом этот человек не был другом отвечающего. Таким образом, мы стремились, с одной стороны, выбрать тех подростков, в поведении которых, по мнению одноклассников, наблюдаются все признаки альтруистического поведения (как черта личности, направленность на других, так и способность пожертвовать чем-либо ради другого человека), с другой стороны, мы стремились исключить аспект дружбы и возможность субъективных приписываний альтруистического поведения друзьям. По результатам вопросов, касающихся альтруистического поведения, мы выделили две группы подростков: условно альтруисты и условно не-альтруисты. Мы понимаем условность второй категории, поскольку в нее входили как те, кого часто упоминали в ответах, так и те, кого не упомянули ни разу. Это было сделано для упрощения анализа, а также с учетом того, что нас в первую очередь интересовала именно группа альтруистов, нежели эгоистов, которые могли бы быть выделены среди не-альтруистов.

При этом нас также интересовали подростки, которых одноклассники указывали в ответах на один или два вопроса. Для нас это было показателем отсутствия одного из важных аспектов альтруистической установки.

Как показал анализ, в группе «неустойчивых» распределение испытуемых между различными социометрическими статусами («звезда», «приницаемый», «отвергаемый») достаточно равномерное. Данный результат кажется нам весьма характерным, он дополнительно характеризует данную группу подростков как не определившихся в социальном отношении, аморфных, пассивных. Однако при этом именно среди них наблюдается наибольшее число «звезд» по сравнению с группами «манипуляторов» и «альтруистов». С нашей точки зрения, это может объясняться тем, что подростки этой

группы привлекают своей конформностью, готовностью принимать различные точки зрения и участвовать в различных видах совместной активности.

Данные по группе «манипуляторов» показывают, что такие подростки чаще всего оказываются «пренебрегаемыми» и при этом наиболее редко – «звездами». С нашей точки зрения это подчеркивает тот факт, что подростки хорошо распознают подобный стиль поведения и учитывают его при формировании дружеских отношений и привязанности. Можно говорить, что подобная манипулятивная позиция подростков определяет более широкий круг взаимоотношений и может привести к формированию своего рода жизненной позиции.

Данные по группе «альтруистов» говорят о том, что подростки с альтруистическими установками наименее редко оказываются «пренебрегаемыми» и при этом достаточно часто – «звездами» (Chi-square, $p=.000$). Можно предположить, что в данном случае можно наблюдать вариант получения статуса «звезды», несколько отличный от того, что мы видели на примере первой группы. В данном случае подростки часто оказывают помощь одноклассникам, поддерживают других, проявляют сочувствие. Возможно, что при этом они также могут привлекать и собственными твердыми принципами поведения, сформированной жизненной позицией.

Таблица 8. Количество подростков в выборке, отнесенных к различным категориям по результатам социометрической процедуры

	N	Процент от всей выборки
звезда	91	24,5
принимаемый	151	40,7
отвергаемый	129	34,8

Видно, что по всей выборке мы имеем достаточно высокий процент «отвергаемых». Мы склонны связывать эти данные с атмосферой в тех классах, в которых мы работали. Во многих из них наблюдается достаточно сложная и напряженная атмосфера.

Таблица 9. Распределение выборки по результатам социометрии

Позиция	Социометрия – альтруизм		Социометрия – отношения		
	Альтруисты	Не альтруисты	Звезды	Принимаемые	Отвергаемые
Неустойчивая	9%	91%	36%	28%	36%
Манипулятивная	27%	73%	11%	47%	42%
Альтруистическая	69%	31%	31%	51%	18%

Анализ данных социометрии по параметру «альтруизм» подтверждает правомерность выделенных нами групп подростков и соответствует описанным нами типам альтруистических позиций. В каждой из групп были

обнаружены предполагаемые нами тенденции: так, в группе «альтруистов» подавляющее число подростков (около 70%) по оценкам их одноклассников ведут себя альтруистическим образом. Мы получили значимые различия в распределении подростков по критерию альтруистичности поведения (Chi-square, $p=.000$). При этом хотелось бы еще раз отметить достаточно жесткие критерии обработки нами анкет подростков: мы относили подростка в группу альтруистов только в тех случаях, когда его имя встречалось в ответах на все три вопроса и при этом этого подростка отмечали более 50% одноклассников.

В отношении двух других групп были выявлены интересные закономерности, которые показывают значительное различие групп «неустойчивые» и «манипуляторы» и их неоднородность. При этом важно заметить, что в группу «не альтруисты» мы относили тех, чье имя либо не встречалось в анкетах, либо встречалось в ответах на один или два вопроса, либо встречалось в ответах на все три вопроса, но отмечаемое менее чем 50% одноклассников.

Как мы видим из Табл. 9, в кластере 1 («неустойчивые») распределение между испытуемыми с различными социометрическими статусами достаточно равномерное. Данный результат кажется нам достаточно характерным: он дополнительно характеризует данную группу подростков как неопределившихся в социальном отношении, аморфных, пассивных. Однако, при этом именно среди них наблюдается наибольшее число «звезд». С нашей точки зрения, подростки этой группы могут привлекать своей конформностью, готовностью принимать различные точки зрения и участвовать в различных видах активности. Разумеется, нельзя игнорировать и то обстоятельство, что более детальный анализ данной группы с учетом различных дополнительных параметров, более детальная дифференцированная оценка этой группы позволили бы выделить и более частные кластеры.

Данные по кластеру 2 («манипуляторы») показывают, что манипулятивные морализаторы чаще всего оказываются «пренебрегаемыми» и при этом наиболее редко – «звездами». С нашей точки зрения это подчеркивает тот факт, что подростки хорошо распознают подобный стиль поведения и учитывают его при формировании дружеских отношений и привязанности. Если цель подростков, которые поступают кваиальтруистически, стать звездами, то, как видно, это им удастся в значительно меньшей степени, чем другим. Нам видится, что подобной цели у таких подростков нет, скорее им выгоднее находиться в статусе «принимаемого», что позволяет им пользоваться хорошим отношением и уважением со стороны сверстников.

Перейдем к результатам, касающимся оценки альтруистического поведения подростков одноклассниками. Начнем с данных по всей выборке:

Таблица 10. Оценка подростков как «альтруистов» и «не-альтруистов» по данным социометрического опроса (вся выборка)

	N	процент
альтруисты	108	29%
Не альтруисты	263	71%

Как видно из Таблицы 10 около 30% подростков попали в группу альтруистов, т.е. демонстрирующих альтруистическое поведение. Однако выделенная подобным образом группа нам представляется неоднородной, поскольку в нее могут входить как собственно альтруисты, так и те, кто только маскирует собственные выгоды альтруистическим поведением. Рассмотрим данные по кластерам:

Таблица 11. Оценка подростков как «альтруистов» и «не-альтруистов» по данным социометрического опроса (рассмотрение по кластерам)

	альтруисты	Неальтруисты
Манипулятивная	27%	73%
Неустойчивая	9%	91%
Альтруистическая	69%	31%

Результаты, представленные в Таблице 11, свидетельствуют о том, что в целом значения по показателю альтруистического поведения в выделенных нами кластерах достаточно сильно различаются. Так, в кластере 1 («неустойчивые») мы видим наименьшее число подростков с альтруистическим стилем поведения, в кластере 2 их число несколько возрастает и, наконец, наибольшее число альтруистов присутствует среди подростков, попавших в кластер 3. Такое распределение соответствует нашему предположению и позволяет сделать вывод о том, что выделенные нами кластеры действительно отражают объективную поведенческую картину, т.е. соотносятся с реальным поведением подростков. Интересно отметить, что в кластере 2 («манипуляторы») примерно 30% подростков являются альтруистами по оценкам их одноклассников. Этот процент мог бы быть и выше, если использовать несколько иной критерий подбора вопросов. Например, если бы мы включали в группу альтруистов и тех, кого упоминали в ответах на два вопроса, а не на три, как это было сделано нами, мы бы получили в ней значительно более высокий процент подростков в кластере 2 («манипуляторы»).

Мы дополнительно провели качественный анализ ответов подростков и выявили следующую закономерность. Подростки отмечали, что некоторые их одноклассники являются добрыми и готовы пойти на определенные жертвы ради другого (соответственно, вопросы 1 и 3), но при этом они бы не обратились к ним за помощью (вопрос 2). Данный факт нам показался важным в отношении двух моментов. Первый: как мы уже отмечали, подростки хорошо распознают сверстников с манипулятивными установками, что снова проявляется в вопросе 2. К таким сверстникам редко обращаются за помощью. Второй: как мы также указывали, в вопросе 2 содержится и эмоциональный момент, который позволяет оценить результат оказания помощи, т.е. сможет ли тот или иной подросток реально помочь или нет. Вероятно, манипуляторам свойственна скорее стратегия оказания помощи, в которой акцентируется процесс, но не результат. Т.е. они могут лишь демонстрировать, что заняты решением чьей-либо проблемы, нежели действительно решать ее в реальности.

Таким образом, анализ данных социометрии подтверждает правомерность выделенных нами кластеров. В каждом из кластеров были обнаружены предполагаемые нами тенденции: так, в кластере 3 около 70% подростков по оценкам их одноклассников ведут себя альтруистическим образом. При этом хотелось бы еще раз отметить достаточно жесткие критерии обработки нами анкет, мы относили подростка в группу альтруистов, только если его имя встречалось в ответах на все три вопроса и оцениваемый подросток не был другом заполняющего. В отношении двух других кластеров были выявлены интересные и интригующие закономерности, которые показывают значительное различие выделенных кластеров 1 («неустойчивые») и 2 («манипуляторы») и их неоднородность. При этом мы считаем, что в качестве перспективы исследования имеет смысл более детально рассмотреть эти два кластера с целью выделения внутри них более частных тенденций.

Приведем распределение между выделенными группами среди подростков, отнесенных нами к классу «не альтруистов». Более подробный анализ позволил выявить значительные различия в этом распределении при сравнении «неустойчивых» и «манипуляторов», которое на первый взгляд представлялось достаточно сходным.

Таблица 12. Распределение подростков, отнесенных нами к группе «не альтруистов»

Позиция	Не упоминался в анкетах	Частично упоминался в ответах на один или два вопроса из трех	Упоминался в ответах на все три вопроса менее чем в 50% анкет одноклассников
Неустойчивая	16%	31%	53%
Манипулятивная	36%	47%	17%
Альтруистическая	12%	29%	59%

Видно, что в отличие от группы манипуляторов, подростки из группы «неустойчивых» в большинстве своем упоминаются в анкетах одноклассников, в то время как значительное число подростков из группы «манипуляторов» не упоминаются при ответах ни на один из трех предложенных вопросов.

Наши результаты согласуются с данными других исследователей (Hartup, Bar-Tal), показывающими, что подростки-альтруисты имеют более высокий индекс популярности, чем их более эгоистические сверстники. При этом мы видим, что альтруистическая позиция подростка отражается на его/ее статусе в классе. При схожих поведенческих проявлениях в отношении осуществления альтруистического поведения подростки-манипуляторы значимо чаще оказываются отверженными, чем подростки-альтруисты.

12. Результаты, полученные с помощью методики исследования морального сознания

Целью использования данного инструмента было выявление особенностей морального вербального поведения подростков в различных контекстах общения и по отношению к различным моральным принципам. Мы представим результаты данной методики как по всей выборке, так и по кластерам с целью показать различия в особенностях морального мышления подростков из выделенных нами групп-кластеров.

По результатам проведения данного опросника мы получили данные об уровне моральных суждений подростков по двум аспектам: 1) моральные принципы «Не укради» и «Не лги» и 2) моральное поведение в контексте общения с родителями и друзьями. Подобное разделение нам кажется важным, поскольку таким образом мы получаем возможность оценить как способность следовать норме как таковой, вне зависимости от условий ситуации, с одной стороны, и влияние контекста общения на вербальное поведение подростков с другой. Каждому подростку был присвоен уровень морального сознания (преконвенциональный, конвенциональный, постконвенциональный) по каждому из указанных выше четырех аспектов. Стадия определялась как через абсолютные оценки утверждений, так и по средствам процедуры ранжирования, в которой подростку требовалось выстроить суждения в порядке от самого принимаемого, до утверждения, с которым он не согласен.

Сначала приведем данные по всей выборке. Рассмотрим различные контексты общения.

Таблица 13. Уровень развития моральных суждений (вся выборка, контекст общения)

	Друзья		Родители	
	N	Процент	N	Процент
Преко́нвенциональная	40	10,8	76	20,5
Конвенциональная	163	43,9	141	38,0
Постконвенциональная	168	45,3	154	41,5

Как видно из приведенной таблицы, вербальное поведение подростков в контексте взаимодействия с друзьями характеризуется конвенциональной и постконвенциональной стадией морального сознания по Л. Кольбергу примерно в равной степени. Именно в контексте общения с друзьями подросток решает задачи развития этого возраста. Поэтому нам представляется вполне объяснимым достаточно высокий процент постконвенциональных суждений как показатель актуальности этой темы для подростков, стремлении разобраться во взаимоотношениях с другими, определить

собственные принципы поведения и отношения к дружбе как таковой. При этом ответы подростков характеризуются противоречивостью, так с утверждением «Вы выполняете обещания, данные друзьям, т.к. дружба основывается на доверии и честности» (постконвенциональный уровень) полностью согласны 41% подростков, в то время как с утверждением «Вы выполняете обещания, данные друзьям, т.к. хотели бы, чтобы другие люди также держали свое слово» (преконвенциональный уровень) полностью согласны 31% подростков. Подобные данные говорят о существенном уровне гетерохронности развития суждений подростков внутри описываемого контекста. С нашей точки зрения, это отражает формирование установок у подростков, выбор ими ориентиров и противоречивость этого процесса.

Данные, приведенные в Таблице 13, показывают, что вербальное поведение подростков в контексте общения с родителями значительно отличается от контекста взаимодействия с друзьями. В первую очередь это отличие заключается в более высоком проценте преконвенциональных суждений подростков в данном контексте. Общая закономерность может заключаться в специфике детско-родительских отношений. Так, зависимость подростков от родителей, отсутствие стимуляции к самостоятельному принятию решений в контексте этих отношений может сказываться на вербальном поведении подростков.

Различные картины мы наблюдаем и в результатах, посвященных вербальному поведению подростков по отношению к различным моральным принципам. Приведем результаты по норме «Не лги» в сравнении с нормой «Не укради»

Таблица 14. Уровень развития моральных суждений (вся выборка, контекст норм)

	«Не лги»		«Не укради»	
	N	Процент	N	Процент
Преко́нвенциональная	72	19,4	55	14,8
Конвенциональная	168	45,3	97	26,1
Постконвенциональная	131	35,3	219	59,0

Мы видим, что по отношению к более очевидной и простой норме «не укради» подростки проявляют более высокий уровень моральных суждений. Менее очевидная в отношении реализации норма «не лги» более сложна для оценки подростками. Подобные результаты показывают, что моральное развитие может идти неравномерно как по отношению к конкретным ситуациям выбора морального поведения, так и в отношении различных моральных норм. При этом именно в отношении норм наблюдаются максимальные гендерные различия в вербальном поведении подростков.

13. Уровень развития моральных суждений: гендерные различия

Рассмотрим различия между мальчиками и девочками в вербальном поведении в различных контекстах общения. В отношении вербального поведения в контексте общения с друзьями мальчики и девочки практически не различаются. Мы видим, что большинство мальчиков и девочек находится на конвенциональной и постконвенциональной стадии развития морального сознания (табл. 15).

**Таблица 15. Уровень развития моральных суждений
(гендерные различия, контекст «взаимодействие с друзьями»)**

	Преко́нвенцио- нальная	Конвенциональ- ная	Постконвенцио- нальная
Юноши	18%	42%	40%
Девушки	7%	45%	48%

В контексте общения с родителями в принципе наблюдается схожее распределение, однако можно заметить более высокий процент преко́нвенциональных суждений у девочек. Мы связываем это с особенностями отношения родителей к мальчикам и девочкам подросткам, а также с особенностями вопросов. Так, большинство девочек отвечало на вопрос «Вы помогаете родителям, потому что они нужны вам» положительно, в то время, как значительно меньшее число мальчиков в свою очередь согласилось с этим утверждением (табл. 16).

**Таблица 16. Уровень развития моральных суждений
(гендерные различия, контекст «взаимодействие с родителями»)**

	Преко́нвенцио- нальная	Конвенциональ- ная	Постконвенцио- нальная
Юноши	19%	30%	51%
Девушки	21%	41%	38%

В отношении различных норм мы можем отметить, что как по отношению к норме «Не лги» (табл. 17), так и по отношению к норме «Не укради» (табл. 18) как девочки, так и мальчики демонстрируют примерно равное отношение. Мы видим, что нет существенной разницы в распределениях по одному и второму принципу внутри одного пола. Сравним вербальное поведение мальчиков и девочек по отношению к различным нормам.

**Таблица 17. Уровень развития моральных суждений
(гендерные различия выборка, норма правды)**

	Преко ^н венцио- нальная	Конвенциональ- ная	Постконвенцио- нальная
Юноши	42%	36%	22%
Девушки	6%	50%	44%

**Таблица 18. Уровень развития моральных суждений
(гендерные различия, норма «не укради»)**

	Преко ^н венцио- нальная	Конвенциональ- ная	Постконвенцио- нальная
Юноши	31%	43%	26%
Девушки	5%	17%	78%

Мы видим, что как по отношению к реализации принципа «Не укради», так и принципа «Не лги» девочки демонстрируют значительно более высокий уровень моральных суждений, чем мальчики. При этом в отношении различных контекстов общения мы видим значимые различия в отношении общения с друзьями.

Наши выводы убедительно подтверждает тест на значимость различий. При этом именно в отношении норм максимально выражены гендерные различия в вербальном поведении подростков. Так, девушки демонстрируют значительно более высокий уровень моральных суждений в контексте общения с друзьями ($p=.033$), юноши же проявляют более морально зрелые суждения нежели девушки в контексте взаимодействия с родителями ($p=.046$). Девушки показывают более высокий уровень моральных суждений как в отношении нормы «не лги», так и в отношении нормы «не укради» ($p=.000$).

Интересно обратиться к возрастным различиям в аспекте выбора подростками вербального поведения. Как показывают полученные результаты, в отличие от гендерных различий возрастные различия связаны в большей степени с контекстом взаимодействия, нежели с моральными нормами.

В отношении динамики возрастных изменений моральных суждений по поводу различных контекстов взаимодействия и норм мы получили значимые различия между младшими и старшими подростками по следующим параметрам: контекст взаимодействия с родителями ($p=.000$) и норма «не лги» ($p=.000$). Так, старшие подростки демонстрируют суждения более высокой стадии в обоих указанных аспектах. Не было обнаружено значимых различий в отношении контекста общения с друзьями и нормы «не укради». Мы связываем это с тем, что эти сферы претерпевают меньшее, нежели указанные выше изменения при переходе от младшего к старшему подростковому возрасту.

**Таблица 19. Уровень развития моральных суждений:
сравнение кластеров 1 («неустойчивые») и
2 («манипуляторы») в разных контекстах**

	Друзья	Родители	«Не лги»	«Не укради»
«Манипуляторы»	2,45	2,11	2,17	2,34
«Неустойчивые»	2,13	2,28	1,96	2,41

Подростки-манипуляторы демонстрируют значимо более высокий уровень моральных суждений в контексте взаимоотношений с друзьями, нежели подростки, отнесенные нами в группу неустойчивых ($p=.05$) и по отношению к норме «не лги» ($p=.013$). При этом, подростки, занимающие неустойчивую позицию демонстрируют более высокий уровень моральных суждений в контекстах общения с родителями ($p=.000$). В отношении нормы «не укради» нами не были обнаружены значимые различия в суждениях.

Таблица 20. Уровень развития моральных суждений: сравнение кластеров 1 («неустойчивые») и 3 («альтруисты») в разных контекстах

	Друзья	Родители	«Не лги»	«Не укради»
«Альтруисты»	2,51	2,30	2,47	2,70
«Неустойчивые»	2,13	2,28	1,96	2,41

Сравнение групп неустойчивых и альтруистов показывает, что последние демонстрируют суждения значимо более высокой стадии во всех исследуемых контекстах (друзья – $p=.000$, «не лги» – $p=.000$, «не укради» – $p=.001$) за исключением контекста взаимоотношений с родителями.

Таблица 21. Уровень развития моральных суждений: сравнение кластеров 2 («манипуляторы») и 3 («альтруисты») в разных контекстах

	Друзья	Родители	«Не лги»	«Не укради»
«Манипуляторы»	2,45	2,11	2,17	2,34
«Альтруисты»	2,51	2,30	2,47	2,70

Сравнение групп манипуляторов и альтруистов показывает, что подростки из этих групп значимо различаются по уровню моральных суждений в контекстах применения норм и при этом не различаются по отношению к контекстам общения. Так, подростки альтруисты демонстрируют более высокий уровень суждений в контексте нормы «не лги» ($p=.001$) и «не укради» ($p=.000$).

14. Результаты исследования уровня развития морального поведения: решение моральных дилемм

Что касается различий между выделенными группами подростков по уровню развития моральных суждений, то в соответствии с нашей гипотезой мы ожидали получить более высокие результаты у подростков, склонных к реальному альтруистическому поведению. Это предположение в ходе анализа полученных данных подтвердилось (Mann-Whitney, $p=.000$).

**Таблица 22. Сравнительный анализ стадии
морального развития у подростков с различными
типа альтруистической позиции (1 – преконвенциональный,
2 – конвенциональный, 3 – постконвенциональный)**

Позиция	Стадия по Л. Кольбергу (min=1, max=3)	Ст. отклонение
Неустойчивая	1,92	0,661
Манипулятивная	1,98	0,702
Альтруистическая	2,31	0,639

Интересным представляется отсутствие значимых различий между остальными двумя кластерами. С одной стороны, данный результат демонстрирует, что морализирующие манипуляторы в реальности обладают невысоким уровнем развития морального сознания, т.е. они скорее морализируют на этические темы, нежели демонстрируют реально нравственные суждения. С другой стороны, схожий уровень развития моральных суждений у подростков, входящих в первую группу говорит о том, что высокой степени самоопределения и выработанных собственных норм поведения соответствует более высокая стадия морального развития.

Для исследования уровня развития морального поведения мы использовали моральные дилеммы (см. Приложение). В каждой дилемме подростки должны были ответить на вопрос о том, почему с их точки зрения герой поступил так или иначе, и как они сами поступили бы на его месте. Всего мы предлагали три ситуации, которые были объединены в одну историю. Ответы подростков оценивались, исходя из специальной шкалы, разработанной на основе теории стадий морального развития Л.Кольберга. На основе решения подростками моральных дилемм мы также определяли степень гетерохронности развития морального поведения подростков.

Приводим данные по развития морального поведения подростков по всей выборке.

**Таблица 23. Результаты исследования
уровня развития морального поведения: вся выборка**

	N	процент
Преко́нвенциональная	83	22,4
Конвенциональная	196	52,8
Постконвенциональная	92	24,8

Мы видим, что большинство ответов подростков можно отнести к конвенциональной стадии. Если сопоставлять эти данные с теми, которые мы получили по результатам заполнения подростками опросника, то можно увидеть, что в целом оценка ситуации представляет для подростков большую сложность. В ней моральные принципы более скрыты и, в отличие от оценки подростками утверждений опросника, меньшее в среднем количество ребят проявило при решении моральной дилеммы постконвенциональную стадию морального развития.

Рассмотрим гендерные особенности решения подростками моральных дилемм. В приведенной таблице мы представляем данные распределения стадий морального развития подростков при решении ими моральных дилемм. Видно, что распределение стадий у мальчиков и девочек значительно отличается.

Таблица 24. Результаты исследования уровня развития морального поведения: гендерные различия

	Юноши	Девушки
Преко́нвенциональная	41%	12%
Конвенциональная	47%	56%
Постконвенциональная	12%	32%

В целом, девочки проявляют более высокую стадию морального сознания при том, что значительное число мальчиков (41,4%) демонстрирует преко́нвенциональный уровень моральных суждений. Рассмотрим возрастные различия в вербальном моральном поведении

Таблица 25. Результаты исследования уровня развития морального поведения: возрастные различия

	14 лет	15 лет	16 лет
Преко́нвенциональная	22%	27%	7%
Конвенциональная	66%	45%	60%
Постконвенциональная	12%	28%	33%

Как следует из Табл. 25 мы наблюдаем повышение уровня развития морального сознания с возрастом. Так, мы видим, что значительное число шестнадцатилетних учеников 10-го класса демонстрируют постконвенциональный уровень морального развития. Важным для нас аспектом анализа стало рассмотрение различий в вербальном поведении между выделенными нами кластерами.

Таблица 26. Результаты исследования уровня развития морального поведения: различия между кластерами

	Манипуляторы	Неустойчивые	Альтруисты
Преко́нвенциональная	23%	28%	9%
Конвенциональная	56%	50%	31%
Постконвенциональная	21%	22%	40%

Мы видим, что в целом распределение стадий морального сознания в кластерах 1 «неустойчивые» и 2 «манипуляторы» незначительно отличается. При этом, распределение по кластеру 3 «альтруисты» отличается от указанных. Этот вывод подтверждается данными статистического анализа значимости различий, приведенного ниже. Рассмотрим этот момент подробнее. В соответствие с нашей гипотезой мы ожидали получить более высокие результаты по уровню морального развития у подростков, склонных к реальному альтруистическому поведению. Это подтвердилось в ходе анализа

полученных данных. Интересным кажется вопрос отсутствия различий между двумя остальными кластерами. С одной стороны, данный результат демонстрирует, что морализирующие манипуляторы в реальности обладают невысоким уровнем развития морального сознания, т.е. они именно морализируют на этические темы, нежели демонстрируют реально нравственные суждения. С другой стороны схожий уровень развития моральных суждений у подростков, отнесенных нами к кластеру 1 т.е. к кластеру «неустойчивого морального поведения» показывает, что высокой степени самоопределения и выработанных собственных норм поведения соответствует более высокая стадия морального развития.

Далее рассмотрим данные по гетерохронности развития морального поведения. Как показывают многие исследования, моральное развитие идет неравномерно. В отношении одних аспектов морали человек может проявлять более высокий уровень развития, в том числе, и развития вербального поведения, нежели в других. В нашем случае показателем гетерохронности служило вербальное поведение подростков в предложенных нами моральных дилеммах. В случае, если в ответах подростков присутствовали и пре-конвенциональная, конвенциональная и постконвенциональная стадия морального развития или наблюдались различия в одной стадии, мы в таком случае оценивали степень гетерохронности как высокую. В случае, если в ответах подростков присутствовали две стадии, мы оценивали степень гетерохронности как среднюю, и, наконец, низкая степень гетерохронности определялась нами как приверженность одной стадии в собственном вербальном поведении.

Таблица 27. Результаты исследования уровня развития морального поведения: степень гетерогенности по всей выборке

	N	процент
Высокая	128	34
Средняя	171	46
низкая	72	20

Как и ожидалось, моральные суждения подростков характеризуются в большей степени средней и высокой гетерогенностью. Только пятая часть подростков демонстрирует устойчивость моральных суждений по отношению к различным контекстам.

Таблица 28. Результаты исследования уровня развития морального поведения: гендерные различия по степени гетерогенности

	Юноши	Девушки
Высокая	39%	32%
Средняя	52%	42%
низкая	9%	26%

Таблица 30. Результаты исследования уровня развития морального поведения: различия по степени гетерогенности по кластерам

	Манипуляторы	Неустойчивые	Альтруисты
Высокая	31%	51%	11%
Средняя	55%	34%	44%
низкая	14%	15%	45%

В соответствии с выдвинутой нами гипотезой в результате мы получили более низкую степень гетерогенности в вербальном моральном поведении у подростков-альтруистов. Это соответствует представлению об альтруистах как субъектах своего собственного выбора, самостоятельно выбравших для себя значимые ценности и норму и следующие им в поведении. Именно низкая степень гетерогенности у подростков с собственно альтруистической позицией является показателем последовательности их поведения, т.е. осуществления альтруистического поведения вне зависимости от условий ситуации. Это является для нас показателем наличия истинно альтруистического мотива и, как следствие, истинно альтруистической позиции. Наименее последовательное поведение по нашему предположению могло наблюдаться в группе неустойчивых подростков. Однако, как показывают результаты, подростки с манипулятивной позицией проявляют меньшую степень гетерогенности моральных суждений, нежели неустойчивые. Хотя эти данные не являются показателем гетерогенности поведения подростков в реальных ситуациях, тем не менее, мы считаем, что полученные результаты позволяют говорить о том, что позиция является важным показателем, определяющим постоянство поведения подростка в различных ситуационных контекстах.

15. Результаты исследования эмоциональных особенностей подростков

В данном разделе мы приводим данные, полученные нами при изучении эмоциональных особенностей подростков, изучавшихся нами при помощи опросника «Жизненные стратегии» (тревожность, эмоциональность), а также с помощью опросника эмпатии Мехрабяна. Рассмотрим данные гендерных и возрастных различий в эмоциональных особенностях подростков.

При анализе мы классифицировали сырые баллы по каждой из приведенных шкал исходя из их распределения на низкие значения – 1, средние значения – 2, и высокие значения – 3. Соответственно, по каждой переменной подросток был отнесен нами либо в группу низких значений, либо в группу средних, либо в группу высоких по определенной шкале. В таблице 31 представлены средние значения по каждому показателю для выделенных нами типов позиций. Результаты исследования эмоциональных особенностей показали, что подростки «манипуляторы» демонстрируют значимо

($p=.05$) более высокий уровень тревожности, нежели подростки из группы «неустойчивых» и «альтруистов». При этом для подростков из группы «манипуляторов» характерно согласие со следующими утверждениями: «Ты часто делаешь то, чего не стоило бы делать», «Ты чувствуешь, что тебя никто не понимает», «Ты часто волнуешься из-за того, что, как выясняется позже, не имело значения». Мы связываем это с тем, что причины такого манипулятивного поведения могут лежать не только в области морального сознания (выбора подростком аморальных принципов, несформированностью ценностной иерархии), но и быть связанными с обстоятельствами иного рода, которые способствуют формированию подобной позиции.

По фактору эмоциональности нами были получены значимые различия между подростками из группы «неустойчивых» и их сверстниками из остальных двух групп ($p=.000$). Наименьшие значения по этому фактору были получены по группе «альтруистов». Так, для подростков из группы альтруистов характерно несогласие с такими утверждениями как «Меня злит, когда какая-нибудь неприятность происходит только со мной».

Как и ожидалось, по сравнению с другими группами мы получили значимо более высокие показатели по эмпатийности у подростков-альтруистов ($p=.000$). Эти данные согласуются с данными ряда исследователей, подчеркивающих значение эмпатии для формирования альтруистического поведения.

Таблица 31. Особенности эмоциональной сферы подростков с различными типами альтруистической позиции

Позиция	Тревожность (min=1, max=3)		Эмоциональность (min=1, max=3)		эмпатия	
	Ср.зн.	Ст. откл.	Ср.зн.	Ст. откл.	Ср.зн.	Ст. откл.
Неустойчивые	2,03	0,633	2,50	0,637	1,61	0,573
Манипуляторы	2,39	0,622	2,35	0,656	1,72	0,571
Альтруисты	2,07	0,648	2,30	0,629	2,09	0,528

Из представленных таблиц видно, что подростки – «манипуляторы» демонстрируют более высокий уровень тревожности, нежели подростки «неустойчивые альтруисты». При этом, мы получили противоположные данные по фактору эмоциональность. Нами не обнаружены значимые различия в эмпатии между этими группами. Видно, что подростки «альтруисты» значимо отличаются от «неустойчивых альтруистов» по параметру эмпатии.

Таблица 32. Результаты исследования эмоциональных особенностей подростков (гендерные различия)

	юноши	девушки
Тревожность	2,16	2,21
Эмпатия	1,79	1,68
Эмоциональность	2,20	2,52

Видно, что в целом девочки характеризуются большей эмоциональностью, чем мальчики, при этом результаты по тревожности и эмпатии сходны в обеих группах. Это подтверждает и проверка значимости различий между группами. В нашем исследовании мы не получили обычно значимых различий в уровне эмпатии между юношами и девушками (Молчанов, 2005). Мы связываем это с некоторой неравномерностью выборки, поскольку в нашем исследовании девушки составляли большинство. Это было связано с тем, что многие анкеты юношей было невозможно использовать для обработки результатов, с другой стороны, юноши реже ходили на занятия, чем девушки, вследствие чего многие из них пропустили второй этап исследования.

Значимые различия были обнаружены нами только по эмоциональности ($p=.000$), что является отражением гендерных особенностей девушек.

Таблица 33. Результаты исследования эмоциональных особенностей подростков (возрастные различия)

	Младшие подростки	Старшие подростки
Тревожность	2,18	2,22
Эмпатия	1,80	1,49
Эмоциональность	2,31	2,62

Значимые различия обнаружены нами по эмпатии ($p=.011$) и эмоциональности ($p=.006$). При этом значимые различия по тревожности не нами обнаружены.

16. Обсуждение результатов исследования

На основе проведенного анализа полученных результатов мы выделили три типа ситуаций:

- 1) ситуации, содержащие конвенциональные или вне-моральные противоречия (например, правовое регулирование);
- 2) ситуации, содержащие противоречия моральных ценностей и собственных интересов;
- 3) моральные дилеммы, содержащие в себе противопоставление двух или более моральных ценностей.

К первым мы отнесли ситуации, в которых к субъекту применяются конвенциональные, правовые, экономические или иные требования. Ко вторым мы отнесли ситуации, основное противоречие которых связано с несовместимостью собственных интересов поведения и его моральной оценки. Наконец, к третьим мы отнесли ситуации, в которых субъекту необходимо совершить выбор между двумя равновозможными альтернативами поведения, причем каждая из альтернатив имеет моральное обоснование, а

субъекту предоставляется свобода в совершении того или иного действия. Мы считаем, что подобная дифференциация может позволить более точно определить предметное содержание ориентировки в ситуации морального выбора.

Проанализировав отечественные и зарубежные психологические исследования в области морального развития, мы выделили ряд характеристик, которые находятся в центре внимания исследователей: отношения субъекта морального выбора с другими участниками ситуации, оценка подростком последствий своего поведения, морального значения действий и личностных качеств субъекта выбора.

Полученные данные показали, что при решении моральных дилемм подросток действительно ориентируется на теоретически выделенные нами параметры, а именно, на отношения субъекта морального выбора с другими участниками ситуации, на оценку подростком последствий своего поведения, на моральное значение действий и на личностные качества субъекта выбора. Выделенные нами параметры ориентировки подростка в ситуации морального выбора могут быть разделены на две группы: "моральные" параметры (оценка моральных качеств личности субъекта выбора; моральная оценка поведения) и "прагматические" параметры (оценка отношений с другими людьми; оценка последствий ситуации). Если первая группа параметров более тесно связано с суждениями подростка, то вторая группа имеет большее отношение к его вербальному поведению. В нашем исследовании мы затрагивали лишь аспект вербального поведения. Вопрос же о соотношении морального суждения и реального поведения, равно как и о соотношении вербального и реального поведения остается открытым.

Наши данные не позволяют однозначно утверждать, определяет ли осуществляемый подростком выбор ориентировка на выделенные нами условия или же сами эти условия оцениваются подростком, исходя из иных, более общих критериев. В этой связи мы хотели отметить проблему учета нравственных чувств при анализе поведения подростка в ситуации морального выбора. Более полный учет этой сферы мы считаем перспективным аспектом дальнейшего изучения.

Таким образом, мы можем выделить следующие выводы, сделанные нами по результатам проведенного исследования:

1. Данные подтвердили полученные во многих исследованиях результаты о несогласованности морального суждения и морального поведения. В соответствии с полученными данными мы можем высказать предположение о том, различие обусловлено различной ориентировкой подростка в соответствующих экспериментальных ситуациях. Так, в ситуации, предполагающей суждение, подросток ориентируется на моральные ценности и личностные качества субъекта выбора, в то время как в ситуации, требующей вербального поведения, он преимущественно ориентируется на отношения с другими и последствия своего поведения. Эти данные в целом согласуются с гипотезой, выдвинутой Кребсом о большей заинтересованности подростков в последствиях своего поведения в реальных жизненных контекстах.

2. Полученные данные позволяют нам говорить о правомерности использования понятия "ориентировка" применительно к исследованию морального развития подростка. Выделенные нами параметры ориентировки подростки в ситуации морального выбора могут быть разделены на две группы: "моральные" параметры, более тесно связанные с суждениями подростка, и "прагматические" параметры, имеющие большее отношение к его вербальному поведению.

Избранный предмет исследования потребовал прежде всего проведения развернутого теоретического исследования, главной целью которого был поиск в классической и современной философско-психологической литературе ответов на ряд принципиальных вопросов, среди которых вопросы о соотношении морального суждения и морального поведения, о том, что является специфичным для морального развития детей и подростков в наше время. Тесно связана с последним и проблема постоянства/вариативности содержания самих моральных норм с точки зрения ценностей, доминирующих в том или ином обществе, возрастной когорте, профессиональном или социальном сообществе. Чрезвычайно интересен и имеет большие не только теоретические, но и практические перспективы вопрос специфики собственно морального акта, морального действия по отношению к вне-моральному, относящемуся к иным сферам человеческой жизнедеятельности, или, в иной формулировке, что можно считать собственно моральным в разнообразных проявлениях человеческой жизнедеятельности, на разных этапах жизненного цикла.

Другим центром нашего внимания стала проблема альтруистического развития, в которой наметились некоторые линии анализа: как соотносится альтруистического развития и развития морального, существуют ли общие закономерности этих процессов, как они соотносятся – по принципу более и менее общей категории или по-иному? Наконец, достаточно ли – для описания всего бесконечного многообразия человеческой индивидуальности дихотомии «альтруист – эгоист»?

Для нас представляло интерес рассмотрение моральной философии как более широкой области человеческих взаимоотношений, в которую альтруизм входит как частный случай. С другой стороны, важным, с нашей точки зрения, является выделение особенностей альтруизма по отношению к морали, и тем самым более точное определение предмета нашего исследования. Мы рассмотрели два основных философских понимания морали, разрабатываемых в рамках нормативной этики и метаэтики. Как показал анализ литературы, большинство философов "нормативного" направления в этике, делает акцент на мотиве и (или) результате действия. При этом как мотивы, так и результаты поведения человека трактуются через призму тех моральных норм, на выполнение которых и были направлены действия субъекта. Тем самым нормативная этика отвечает на два главных вопроса существования морали: 1) мораль существует и выполняет в обществе совершенно особую роль, 2) существуют определенные нормы морали, которые являются критерием собственно морального поведения. В отношении

альтруизма ответы на эти вопросы до сих пор вызывают дискуссии у специалистов. С одной стороны, не решен вопрос о существовании альтруизма. Так, многие исследователи считают, что альтруизм как вид поведения человека не мог закрепиться в процессе эволюции и антропогенеза, поскольку альтруизм предполагает принесение себя в жертву ради другого, что не могло закрепиться в процессе естественного отбора. Второй вопрос о критериях альтруистического поведения вызывает не менее оживленные споры. Так, поведение, направленное на благо другого человека, может быть объективно зафиксировано. Однако в таком случае встает вопрос о мотивах данного поступка. Возможно, что внешне альтруистический поступок был вызван эгоистическим мотивом. Данная проблема отчасти вызвана тем, что в отличие от нормативной морали, альтруизм не имеет четко прописанных практических норм поведения. Авторы зачастую упоминают такие критерии альтруизма как бескорыстность, направленность на благо другого. При этом если моральные нормы представляют собой объективные категории, благо другого человека определяется субъективным пониманием этого блага. Таким образом, критерии альтруистического поведения более размыты в отсутствие четко заданной нормативной регуляции альтруизма. Это порождает различные понимания механизмов альтруистического поведения, таких как рациональные, эмоциональные, личностные, волевые.

Альтернативное рассмотрение проблемы, представленное в метаэтике, исходит из описания морального сознания личности, присвоения личностью того или иного понимания добродетели. Именно в рамках метаэтики можно найти некоторые моменты, совпадающие с общими представлениями об альтруизме в современной психологии. Так, отмечается, что субъекту сложнее дать себе отчет в альтруистических поступках, нежели в моральных. Это приводит некоторых авторов к мысли о врожденности альтруизма, что перекликается с интуитивистской теорией Д. Э. Мура, который утверждает непознаваемость моральных понятий, недоступность их для объективного анализа иначе как посредством моральной интуиции. С другой стороны, взгляды эмотивистов, утверждавших наличие неких эмотивных значений морального сознания, согласуются с современными представлениями о факторах альтруистического поведения. Как известно, именно эмоциональный фактор альтруистического поведения является наиболее изучаемым в современной психологии. Наконец, прескритивизм отражает еще одну особенность альтруистического поведения по отношению моральному. Эта особенность связана с практической направленностью альтруизма. Кажется невозможным выделить стадии развития альтруистических суждений, так как не существует «наполовину» альтруистического действия. Альтруистические суждения всегда несут в себе направленность на действие, на поступок. В этом смысле метаэтическое понимание морали через изучение функционирования морального сознания может служить точкой опоры для выделения предметного содержания альтруистического поведения – альтруизма как такового.

На основе проведенного анализа мы выделили три типа ситуаций в отношении применения к ним моральной регуляции: 1) ситуации, содержащие

конвенциональные или вне-моральные противоречия (например, правовое регулирование); 2) ситуации, содержащие противоречия моральных ценностей и собственных интересов; 3) моральные дилеммы, содержащие в себе противопоставление двух или более моральных ценностей. К первым мы будем относить ситуации, в которых к субъекту применяются конвенциональные, правовые, экономические или иные требования. Ко вторым мы будем относить ситуации, основное противоречие которых связано с несовместимостью собственных интересов поведения и его моральной оценки. Наконец, к третьим мы будем относить ситуации, в которых субъекту необходимо совершить выбор между двумя равновозможными альтернативами поведения, причем каждая из альтернатив имеет моральное обоснование, а субъекту предоставляется свобода в совершении того или иного действия.

В соответствии с проведенным анализом мы не ограничиваем область применения моральной регуляции только этими тремя типами ситуаций. К любому конфликту могут применяться как моральные обоснования, так и доводы иного характера. Ситуации важны для нас с точки зрения особенности морального требования, предъявляемого к субъекту обществом в каждом из выделенных типов ситуаций. Ситуации, в которых перед человеком стоит выбор альтруистического поведения, имеют свою специфику. Эти ситуации могут не являться моральными дилеммами, и зачастую не открываются как один из возможных выборов. Скорее, это действие, которое может являться неким третьим решением ситуации.

Следующим вопросом, стало рассмотрение соотношения морального и альтруистического в философии и психологии и определение альтруизма. Проблему соотношения морали и альтруизма можно рассматривать на нескольких уровнях. С философской точки зрения это две различные категории, мораль – как общая категория, альтруизм – как частная. В психологии соотношение этих понятий затрудняется различными взглядами на моральное и альтруистическое поведение. Помимо указанных понятий в психологии существуют понятие конвенциональной нормы, просоциального поведения. Наиболее частое разделение морали и альтруизма заключается в выделении особого круга ситуаций, связанных с необходимостью принести в жертву собственные интересы (альтруизм) и выделении особых альтруистических мотивов (в отличие от моральных, это в первую очередь не следование нормам, но ориентация на благо другого человека).

Важен тот факт, что как моральный, так и альтруистический результат поступка еще не говорит о мотиве субъекта, его совершившего. Так, внешне моральное или альтруистическое действие может побуждаться эгоистическими мотивами. С нашей точки зрения подобное выделение скрытого мотива является важной задачей в отношении исследования морального поведения. При этом, выявить скрытый мотив по отношению к моральному действию сложнее, нежели по отношению к действию альтруистическому. Последнее обладает важной особенностью, а именно необходимость жертвовать чем-либо ради во благо другого человека. Степень «жертвенности» с нашей точки зрения является важным критерием отделения собственно альтруистических и эгоистических мотивов поступка. Дополнительная

сложность выделения мотивов состоит в том, что зачастую они не являются осознанными. При самоотчете о том, почему тот или иной человек поступил определенным образом, на поверхность могут выходить именно осознанные или социально желательные мотивы. Это создает дополнительные сложности выделения мотивов собственно альтруистического поведения. Как моральные так и альтруистические мотивы могут не осознаваться в процессе совершения поступка, а после его совершения видоизменяются, и уже невозможно установить реальные причины, побудившие субъекта поступить так или иначе. Тем более это проявляется в случаях, когда человеку необходимо показать себя в «лучшем свете». В таких случаях имеет место так называемое «мнимое благодеяние».

Нами проведен общий анализ исследований морального развития в онтогенезе. Показано, что как в классической, так и современной литературе альтруистическому развитию детей и подростков уделяется существенное меньшее внимание, нежели моральному развитию. В особенности «обделенным» оказывается подростковый возраст. Более или менее систематические разработки проблемы альтруистического развития подростков в современной литературе попросту отсутствуют.

Следующим моментом явилось рассмотрение исследований альтруистического поведения в современной психологической литературе. Анализ исследований, посвященных альтруистическому поведению, позволил выделить следующие основные аспекты проблемы, находящиеся в фокусе внимания исследователей. Это альтруистические ценности, альтруистическое поведение и эмпатия. Было показано, что альтруистическое поведение и эмпатия преобладает у следующих категорий людей: социально-активные, которые признают свои обязательства перед другими людьми и перед обществом, и религиозные. У этих групп людей наблюдается достаточно высокая корреляция альтруистического поведения как с эмпатией, так и с альтруистическими ценностями. Еще одна исследованная группа людей состояла из людей, жертвующих на благотворительные нужды. Результаты исследования показали высокий уровень корреляции эмпатии и альтруистических ценностей и значительно более низкий коэффициент корреляции между эмпатией и альтруистическим поведением по данным этой группы. Подобные результаты с нашей точки зрения показывают, что альтруистическое поведение зачастую осуществляется не собственно ради мотива бескорыстно помочь другому человеку, а ради других целей. При этом, само поведение по форме соответствует критериям альтруистичности.

В качестве другого объяснения этого результата можно привести утверждение, что для осуществления альтруистического поведения нужна ситуация, требующая подобного рода реагирования, которая может встречаться не часто. Здесь можно также упомянуть и влияние различных факторов и условий, способствующих или уменьшающих вероятность альтруистического поведения, в том числе временные рамки, присутствие других людей в ситуации и т.д.

Исследователи приводят достаточно противоречивые данные зависимости эмпатии и альтруистического поведения от пола. Так, некоторые

авторы заключают, что различие между мужчинами и женщинами определяется предметным содержанием помощи или другого альтруистического действия. При этом эмпатия и альтруистические ценности больше свойственны женщинам, чем мужчинам, а в альтруистическом поведении значимых различий не наблюдается.

В отношении возраста показано, что альтруистическое поведение менее свойственно крайним возрастным группам: более молодым и пожилым представителям, исследования по данной проблеме чаще проводились на выборке 18-30-летних молодых людей.

Влияние уровня образования и социо-экономического статуса также незначительно связаны с проявлением альтруистического поведения. При этом некоторые исследования показывают, что более образованные люди чаще вовлечены в различные гуманитарные и добровольческие акции и объединения.

Семейный статус редко рассматривает как предиктор альтруистического поведения, тем не менее, люди, никогда не состоявшие в браке, демонстрируют более низкие значения по альтруистическому поведению, нежели женатые (замужние) или разведенные. Однако в данном случае могут проявляться скорее возрастные закономерности. Интересные результаты в этом отношении могут быть связаны с изменением структуры семьи (полная семья, неполная семья и т.д.).

Исследования влияния социальной активности субъекта на его альтруистическое поведение показывают, что альтруистическое поведение в большей степени свойственно тем людям, у кого много друзей, однако последнее не связано с эмпатией или приверженностью альтруистическим ценностям. При этом важное значение имеет и тип социальной активности субъекта.

Наибольшее число исследований альтруизма посвящено зависимости альтруизма от эмоциональных особенностей личности, в частности от эмпатии. При этом авторы рассматривают эмпатию как переживание состояния другого человека, как аффективную реакцию субъекта на состояние другого человека, в котором отражается эмоциональное состояние последнего, а не вторичные переживания субъекта, как чувство участия, ориентированное на благо другого человека. В силу того, что ситуации, содержащие моральную коллизию, чаще всего основываются на выборе и, соответственно, жертвовании чем-либо во благо кого-либо, эмпатия, позволяя погрузиться в переживания субъекта, является для нас значимым показателем наличия моральной проблемы в возникшей ситуации (информативная функция эмпатии).

Итак, проведенный нами теоретический анализ проблемы развития альтруизма в контексте морального развития в подростковом возрасте показал, что эта проблема имеет серьезные научно-теоретические корни и предполагает системное рассмотрение. Предпосылкой подобного рассмотрения является привлечение современных данных по психологическому изучению морального развития, развития альтруизма и особенностей эмоциональной сферы в подростковом возрасте. Важным условием продвижения в решении

проблемы является отказ от одностороннего рассмотрения подросткового альтруизма – либо только в поведенческом, либо только в вербальном плане – в пользу его многостороннего анализа. Ключевым моментом в изучении развития альтруизма в подростковом возрасте может стать систематическое исследование альтруистической позиции, так как именно альтруистическая позиция занимает центральное место в системе подросткового альтруизма, с одной стороны, ориентируя и направляя альтруистическое поведение (альтруистические действия), а с другой стороны, отражая личностно-смысловые особенности подростка, проецируется и на его эмоциональные характеристики. Мы предполагаем, что специально организованное исследование сможет выявить многообразие альтруистических позиций подростков и обнаружит ряд важных связей той или иной альтруистической позиции как с характеристиками морального сознания, так и с особенностями эмоциональной оттображения подростком проблемной ситуации. Детальный анализ современной отечественной и зарубежной литературы позволяет нам сделать заключение об отсутствии аналогичных работ.

С помощью кластерного анализа мы выявили три достаточно ясно разделяющиеся группы: подростки, составившие кластер 3, имеют высший показатель по параметру альтруизма и низший – по манипулятивности. Зеркальным являются характеристики подростков, составивших 2-й кластер: здесь при низших показателях по альтруизму высшими являются показатели по манипулятивности и нормативности. 1-ый кластер занимает промежуточное положение: здесь показатели манипулятивности и альтруизма равны и несколько превышают показатели по нормативности.

Основываясь на полученных результатах и картине, которую дала их статистическая обработка, мы провели содержательную интерпретацию данных по кластерам. В группу кластера 1 попали подростки с примерно равной выраженностью всех трех исходных для нас параметров. При этом нормативный аспект выражен у этой группы в наименьшей среди остальных групп степени. Мы назвали эту группу «неустойчивые альтруисты», или просто неустойчивые, поскольку таким подросткам свойственно как квазиальтруистическое поведение, так и собственно альтруистическое. Выбор может делаться ими в зависимости от ситуативных обстоятельств, от различных внутренних и внешних факторов.

Во вторую группу попали подростки с высокой степенью нормативности и высоким уровнем квазиальтруистического поведения, т.е. со стремлением использовать доброе поведение по отношению к другим на благо себе. Такую группу мы назвали «морализирующие манипуляторы». Такие подростки оправдывают собственное поведение альтруистическими и моральными доводами, могут легко маскировать свое эгоистическое поведение под моральное. Мы рассматриваем различные варианты именно альтруистического поведения с объективной стороны, которая заключается в ориентации на благо для другого человека. Поэтому среди выделенных нами групп не оказалась группы открытых манипуляторов.

Наконец, в третью группу вошли подростки с высокими значениями по параметру альтруизма и нормативности и низкими значениями по параметру манипулятивности. Таких подростков мы назвали собственно альтруистами.

Таким образом, мы описали три различных позиции по отношению к осуществлению альтруистического поведения: 1) позиция, ориентирующая на квазиальтруистическое поведение, т.е. внешне альтруистическое, но при этом руководствующееся эгоистическим мотивом; 2) позиция, ориентирующая на нормативное, или неопределенное альтруистическое поведение, т.е. несистематическое альтруистическое поведение, во многом определяемое ситуацией. При этом у данной группы подростков хочется отметить наиболее низкие значения по нормативным установкам. Это может говорить об отсутствии четкой линии поведения, четких ориентиров, что не позволяет подросткам проявлять последовательность в выборе поведения в ситуации морального противоречия; 3) позиция, ориентирующая подростка на собственно альтруистическое поведение.

Последующий анализ был направлен на разностороннее описание подростков – носителей той или иной альтруистической позиции. Как показал анализ, в кластере 1 распределение между испытуемыми с различными социометрическими статусами достаточно равномерное. Данный результат кажется нам достаточно характерным, он дополнительно характеризует данных подростков как неопределившихся в социальном отношении, аморфных, пассивных. Однако при этом именно среди них наблюдается наибольшее число «звезд». С нашей точки зрения, это может объясняться тем, что подростки этой группы могут привлекать своей конформностью, готовностью принимать различные точки зрения и участвовать в различных видах активности. Разумеется, нельзя игнорировать и то обстоятельство, что более детальный анализ данной группы с учетом различных дополнительных параметров, более детальная дифференцированная оценка этой группы позволили бы выделить более частные кластеры.

Данные по кластеру 2 показывают, что «манипулятивные морализаторы» чаще всего оказываются «пренебрегаемыми» и при этом наиболее редко – «звездами». С нашей точки зрения это подчеркивает тот факт, что подростки хорошо распознают подобный стиль поведения и учитывают его при формировании дружеских отношений и привязанности. Если цель подростков, которые поступают квазиальтруистически, стать «звездами», то, как видно, это им удастся в значительно меньшей степени, чем другим. Нам видится, что подобной цели у таких подростков нет, скорее им выгоднее находиться в статусе «принимаемого», что позволяет пользоваться хорошим отношением и уважением со стороны сверстников.

Данные по кластеру 3 говорят о том, что подростки с альтруистическими установками наименее редко оказываются «пренебрегаемыми» в классах и при этом, достаточно часто – «звездами». Можно предположить, что в данном случае можно наблюдать вариант получения статуса «звезды», несколько отличный от того, что мы видели на примере кластера 1. Нам видится, что в данном случае подростки действительно являются лидерами и

способны повести за собой, воодушевить одноклассников. При этом они могут привлекать также и собственными твердыми принципами поведения.

В целом мы можем утверждать, что анализ данных социометрии подтверждает правомерность выделенных нами кластеров. В каждом из кластеров были обнаружены предполагаемые нами тенденции: так, в кластере 3 около 70% подростков по оценкам их одноклассников ведут себя альтруистическим образом. При этом хотелось бы еще раз отметить достаточно жесткие критерии обработки нами анкет, мы относили подростка в группу альтруистов, только если его имя встречалось в ответах на все три вопроса и оцениваемый подросток не был другом заполняющего. В отношении двух других кластеров были выявлены интересные и интригующие закономерности, которые показывают значительное различие выделенных кластеров 1 и 2 и их неоднородность. При этом мы считаем, что в качестве перспективы исследования имеет смысл более детально рассмотреть эти два кластера с целью выделения внутри них более частных тенденций.

ВЫВОДЫ

Как показал анализ данных изучения морального сознания, вербальное поведение подростков в контексте общения с родителями значительно отличается от контекста взаимодействия с друзьями. В первую очередь это отличие заключается в более высоком проценте преконвенциональных суждений подростков в данном контексте. Общая закономерность может заключаться в специфике детско-родительских отношений. Так, зависимость подростков от родителей, отсутствие стимуляции к самостоятельному принятию решений в контексте этих отношений может сказываться на вербальном поведении подростков. Более высокий уровень моральных суждений подростки проявляют по отношению к более очевидной и простой норме «не укради». Менее очевидная в отношении реализации норма «не лги» более сложна для оценки подростками. Подобные результаты показывают, что моральное развитие может идти неравномерно как по отношению к конкретным ситуациям выбора морального поведения, так и в отношении различных моральных норм. При этом именно в отношении норм наблюдаются максимальные гендерные различия в вербальном поведении подростков.

Мы также обнаружили, что межполовые различия в вербальном моральном поведении связаны с изменением суждений в ситуации нарушения моральной нормы, а также различного вербального поведения мальчиков и девочек в ситуации взаимодействия с друзьями. Возрастные различия касаются изменения вербального поведения в ситуации нарушения нормы «не лги» и контекста общения и взаимодействия с родителями.

Что касается различий между выделенными группами подростков по уровню развития моральных суждений, то в соответствии с нашей гипотезой мы ожидали получить более высокие результаты у подростков, склонных к реальному альтруистическому поведению. Это подтвердилось в ходе анализа полученных данных. Интересным кажется вопрос отсутствия различий между двумя остальными кластерами. С одной стороны, данный результат демонстрирует, что морализирующие манипуляторы в реальности обладают невысоким уровнем развития морального сознания, т.е. они именно морализируют на этические темы, нежели демонстрируют реально

нравственные суждения. С другой стороны схожий уровень развития моральных суждений у подростков, отнесенных нами к кластеру 1, т.е. к кластеру «неустойчивого морального поведения» показывает, что высокой степени самоопределения и выработанных собственных норм поведения соответствует более высокая стадия морального развития. Таким образом, мы можем подтвердить выводы многих исследователей о связи мудрости и морального развития.

Мы ожидали увидеть более низкую степень гетерохронности в вербальном моральном поведении у подростков-альтруистов. Это соответствует представлению об альтруистических людях, как субъектах своего собственного выбора, самостоятельно выбравших для себя значимые ценности и норму и следующие им в поведении. Именно низкая степень гетерохронности у действительно альтруистических подростков является показателем последовательности их поведения, т.е. осуществления альтруистического поведения вне зависимости от условий ситуации. Это является для нас показателем наличия истинно альтруистического мотива и, как следствие, истинно альтруистической позиции. Наименее последовательное поведение по нашему предположению могло наблюдаться в группе «неопределившихся» подростков (кластер 2). Однако, как показывают результаты, наименьшую гетерохронность моральных суждений проявляют подростки с манипулятивной позицией.

Результаты исследования эмоциональных особенностей показали, что подростки – «манипуляторы» демонстрируют более высокий уровень тревожности, нежели подростки – «неустойчивые альтруисты». При этом противоположные данные были получены по фактору эмоциональности. Нами не обнаружены значимые различия в эмпатии между этими группами. Наиболее существенным моментом является наличие устойчивых значимых различий между подростками, относящимися к трем выделенным группам по всем основным параметрам, касающимся эмоциональных особенностей.

Подводя итоги проведенному исследованию, мы можем констатировать, что нам удалось решить поставленные задачи и, тем самым, реализовать цель, стоявшую перед исследованием. В соответствии с выдвинутыми гипотезами мы продемонстрировали, что в подростковом возрасте существуют различные типы альтруистических позиций, которые могут сопровождаться схожими поведенческими проявлениями альтруистического типа. При этом отнесенность к тому или иному типу альтруистической позиции достаточно ясно соотносится с уровнем развития морального сознания, а занятие собственно альтруистической позиции свидетельствует о более высоком уровне развития морального сознания. Отнесенность же к

разным типам альтруистической позиции сопровождается различиями в особенностях эмоционального реагирования, прежде всего – эмпатии.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. В отношении альтруистического поведения в подростковом возрасте возможно выделение трех различных позиций: манипулятивной, неустойчивой и собственно альтруистической, различающихся основаниями для реализации того или иного типа поведения и готовностью (вербальной или реальной) к осуществлению альтруистического поведения.

2. Для манипулятивной позиции характерно доминирование эгоистических интересов при невысокой (относительно других позиций) вербальной готовности подростков осуществлять собственно альтруистическое поведение. Для подростков с неустойчивой позицией характерно сочетание как эгоистической, так и альтруистической стратегии. При этом их готовность к осуществлению альтруистического поведения существенно выше, чем у предыдущей категории. Собственно альтруистическая позиция характеризуется преобладанием альтруистической стратегии при высокой вербальной готовности к осуществлению альтруистического поведения.

3. Только собственно альтруистическая позиция связана с устойчивым альтруистическим поведением. При этом подростки-альтруисты имеют более высокий индекс популярности, чем их сверстники, то есть альтруистическая позиция подростка отражается на его/ее статусе в классе. При схожих поведенческих проявлениях подростки-манипуляторы значимо чаще оказываются отверженными, чем подростки-альтруисты.

4. Подростки, демонстрирующие различные типы альтруистической позиции, обнаруживают значимые различия по характеристикам морального и эмоционального развития.

5. Собственно альтруистическая позиция подростка свидетельствует о более высоком уровне развития морального сознания. При этом моральное сознание подростков-альтруистов характеризуется меньшей степенью гетерогенности, нежели моральное сознание подростков-манипуляторов, что может являться показателем большего постоянства поведения подростков-альтруистов в различных ситуационных контекстах.

6. Существуют значимые различия между подростками из группы «неустойчивых» и их сверстниками из остальных двух групп по фактору эмоциональности, причем подростки-альтруисты демонстрируют наименьшие значения по этому фактору. Собственно альтруистическая позиция связана с высоким уровнем эмпатии.

7. Обнаружены значимые различия между младшими и старшими подростками: в младшей группе преобладающей позицией является манипулятивная, у старших подростков преобладает неустойчивая позиция. Также можно отметить увеличение доли альтруистической позиции у старших подростков по сравнению с младшими подростками.

8. Значимые гендерные различия обнаружены лишь по альтруистической позиции. Девушкам альтруистическая позиция свойственна в большей степени, нежели юношам. Значимых различий по манипулятивной и неустойчивой позиции между представителями разных полов не обнаружено.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Методика «Жан»

Методика "Жан" состоит из двух таблиц, первая таблица предназначена для оценки поведения, вторая – для оценки значимости того или иного условия.

ФИО _____
ВОЗРАСТ _____
ПОЛ _____
КЛАСС _____

Жан, 19 лет, Реймс

Его отец и старший брат ушли на фронт, а сам Жан остался с больной матерью. Через несколько дней он получил извещение, что его отец и брат погибли. В это время, в городе началось формирование отряда, состоявшего по большей части из 19-ти летних юношей. Туда попали многие друзья и одноклассники Жана. Жану тоже пришла повестка. Мать Жана просит его остаться с ней, чтобы уехать в другой город, теперь он единственный смысл ее жизни. В условиях неразберихи в городе этот вопрос можно легко уладить.

Как нужно поступить Жану? _____

Почему? _____

Как бы Вы поступили на месте Жана? _____

Почему? _____

1) Оцените поведение Жана в каждом из приведенных случаев 1 – точно пойти на фронт, 2 – скорее всего пойти, 3 – не уверен, 4 – скорее всего остаться с мамой, 5 – точно остаться	1	2	3	4	5
1... Жану был всегда больше привязан к отцу, чем к матери					
2... Жан получит неплохие деньги и льготы, если станет военным					
3... Жан воспитывался матерью в строгости, он никогда не смел ее послушаться					
4... Отряд будет выполнять опасные задания в тылу фронта					
5... Жан выше всего ценит справедливость					
6... Жан сможет начать свой бизнес, если уедет подальше от линии фронта					
7... Жан искренне привязан к матери, для него она самый близкий человек					
8... Жана могут найти и посадить в тюрьму, если он не пойдет на фронт					
9... Жан смелый и уверенный в себе человек, не выносит трусости					
10... Жан обязательный человек, для него долг – прежде всего, он готов защищать Родину вместе со всеми					
11... Жан будет испытывать чувство вины по отношению к матери если оставит ее в этот момент					
12... Жизнь одного человека можно пожертвовать ради спасения многих					

13... Защищать Родину – дело чести каждого гражданина					
14...Война – в первую очередь убийство людей, а убивать людей – это страшное зло					
15... Жан эмоционален, внимателен и заботлив, ко всем проявляет участие					
16... Для Жана мама единственный оставшийся в живых близкий человек					

2) Оцените значимость каждого из приведенных условий для принятия Жаном решения <i>1 – очень значимо, 2 – скорее значимо, 3 – не уверен, / 4 – скорее не значимо, 5 – точно не значимо</i>	1	2	3	4	5
1... Жану было больше привязан к отцу, чем к матери					
2 ... Жан получит неплохие деньги и льготы, если станет военным					
3... Жан воспитывался матерью в строгости, он никогда не смел ее послушаться					
4... Отряд будет выполнять опасные задания в тылу фронта					
5... Жан не доверяет командиру отряда, которого он знает со школы					
6... Жан сможет начать свой бизнес, если уедет подальше от линии фронта					
7... Жан искренне привязан к матери, для него она самый близкий человек					
8... Жана могут найти и посадить в тюрьму, если он не пойдет на фронт					
9... Жан смелый и уверенный в себе человек, не выносит трусости					
10... Жан обязательный человек, для него долг – прежде всего, он готов защищать Родину вместе со всеми					
11... Жан будет испытывать чувство вины по отношению к матери если оставит ее в этот момент					
12... Жизнь одного человека можно пожертвовать ради спасения многих					
13... Защищать Родину – дело чести					
14...Война – в первую очередь убийство людей					
15... Жан эмоционален, внимателен и заботлив, ко всем проявляет участие					
16... Для Жана мама единственный оставшийся в живых близкий человек					

Обработка:

а) последствия ситуации: прагматические последствия для субъекта, включающие получения выгод или каких-либо приобретений (2, 4, 6, 8);

б) отношения с людьми: учет прагматических отношений с другими участниками, т.е. отношений, могущих принести какую-либо выгоду, отношения подчинения или власти и т.д. (1, 3, 7, 16);

в) моральная оценка: моральная оценка подростом того или иного поведения, моральные убеждения, стоящие за тем или иным действием (11, 12, 13, 14);

г) оценка личностных качеств субъекта выбора: оценка подростом качеств субъекта выбора, которые можно отнести к "моральному характеру" (5, 9, 10, 15).

Методика исследования альтруистической позиции

Методика была разработана Anna L. Comunian (2004) и сотрудниками университета г. Падуа (Италия). Методика состоит из 25 утверждений, респондента просят оценить каждое утверждение по шкале от 1 до 4 (абсолютно неверно – абсолютно верно). Приводим инструкцию к методике:

«Ниже приведены утверждения, которыми люди описывают себя. Прочтите каждое утверждение и обведите соответствующую цифру справа от него, чтобы показать, в какой степени Вы с ним согласны. Здесь нет «правильных» и «неправильных» ответов. Не тратьте слишком много времени на обдумывание каждого утверждения – просто выбирайте тот вариант ответа, который лучше всего соответствует тому, как Вы чувствуете».

Утверждение	Абсолютно непра- вильно	Вряд ли пра- вильно	Относи- тельно верно	Абсо- лютно верно
1. Я считаю, что нужно уважать всех людей, в независимости от их отношения ко мне	1	2	3	4
2. Я считаю, что доброта ценна само по себе, а не ради чего-то еще	1	2	3	4
3. Думаю, что эгоистические поступки естественны для человека	1	2	3	4
4. Я считаю, что доброта и великодушные в отношениях между людьми ведут к прогрессу и улучшению жизни	1	2	3	4
5. Я добр(а), потому что люди нуждаются в доброте	1	2	3	4
6. Я помогаю людям, если мне кажется, что они нуждаются в помощи	1	2	3	4
7. Я сочувствую физически или умственно неполноценным людям	1	2	3	4
8. Я добр(а) только со своими друзьями	1	2	3	4
9. Я веду себя по-доброму, только если от меня это требуется	1	2	3	4
10. Я веду себя по-доброму, если это приносит мне удовлетворение	1	2	3	4
11. Я считаю, что люди должны относиться друг к другу по-доброму без ожидания всякой выгоды от этого	1	2	3	4
12. Когда я вижу несправедливость, то не боюсь вмешаться, даже если наврежу себе	1	2	3	4
13. Считаю, что каждый человек достоин уважения и внимания	1	2	3	4
14. Я добр(а) только с людьми, которые сделали мне что-то хорошее	1	2	3	4
15. Человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему приходится	1	2	3	4

жертвовать своим комфортом и отдавать что-то от себя				
16. Считаю, что в общении с "нужными" людьми, иногда можно поступиться собственными принципами	1	2	3	4
17. Я веду себя по-доброму, только когда сам(а) этого захочу	1	2	3	4
18. Я не веду себя по-доброму, чтобы заслужить чье-то расположение	1	2	3	4
19. Я буду относиться к человеку по-доброму вне зависимости от своего настроения и состояния	1	2	3	4
20. Я добрый человек, т.к. доброму проще получить то, что он (она) хочет	1	2	3	4
21. Я веду себя по-доброму, если от этого мне будет какая-то выгода	1	2	3	4
22. Я стараюсь показаться добрым с первого взгляда, чтобы завоевать доверие собеседника	1	2	3	4
23. Я знаю, как надо проявлять доброту по отношению к другим	1	2	3	4
24. В обществе большинство добрых людей	1	2	3	4

Обработка:

По итогам проведения подчитывается количество баллов по каждой шкале.

В основе методики выделение фактора доброты как основе альтруистического поведения. При этом автор выделяет доброту бескорыстную, которую можно сопоставить непосредственно с альтруистическим поведением и доброту, за которой стоит эгоистический мотив получения собственной выгоды. Приведем утверждения, которые относятся к обеим выделенным категориям.

Бескорыстная доброта: 5, 6, 7, 11, 12, 18, 19, 23

Эгоистическая доброта: 8, 9, 10, 14, 17, 20, 21, 22

Нормативные установки: 1, 2, 3, 4, 13, 15, 16, 24

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Авдулова Т.П. Предпосылки формирования морального сознания в старшем дошкольном возрасте. Диссертация на соиск. ученой степени канд. пс. н., М.2002.
2. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1996.
3. Баттерворт Дж., Харрис М. Принципы психологии развития. М., 2000.
4. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1990.
5. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.
6. Божович Л.И. Условия развития гармонической личности. М., 1981.
7. Братусь Б.С. Нравственное сознание личности. Психологическое исследование. М., 1985.
8. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1997.
9. Годфруа Ж. Что такое психология. В 2-х томах. Т.2. М., 1992.
10. Гусейнов А.А. Социальная природа нравственности. М., 1974.
11. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М., 1998.
12. Дробницкий О.Г. Проблемы нравственности. М., 1977.
13. Ж.Пиаже: теория, эксперименты, дискуссия / Под. ред. Обухова Л.Ф., Бурменская Г.В. М., 2001.
14. Климин С.В. Некоторые особенности нравственного развития подростков в России 90-х годов // Мир психологии и психология в мире. 1995. № 3.
15. Крайг Г. Психология развития. СПб, 2000.
16. Леонтьев А.Н. О социальной природе психики человека. // Вопросы философии. 1961. № 1.
17. Малявкина А.М. Эмоционально-личностные особенности дошкольников с разной степенью склонности ко лжи. Диссертация на соиск. ученой степени канд. пс. наук / Научный руководитель А.И. Подольский. М., 2003.
18. Молчанов С.В. Психологические особенности моральной ориентации подростков. Дипломная работа. / Научный руководитель А.И. Подольский. М., 2002.
19. Нартова- Бочавер С.К. Два типа нравственной ориентации личности. // Психологический журнал. 1993. №4.

20. Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. СПб., 1999.
21. Обухова Л.Ф. Детская психология: теории факты проблемы. М., 1995.
22. Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. Т.3. М., 1994.
23. Подольский А.И., Идобаева О.А. Психологические аспекты исследования развития депрессивных состояний в подростковом возрасте. М., 1996.
24. Развитие социальных эмоций у детей дошкольного возраста. Психологические исследования / Под ред. Запорожца А.В., Неверович Я.З. М., 1986.
25. Реале Дж., Антисери Д., Западная философия от истоков до наших дней. Т.3. Новое время. СПб, 1996.
26. Роджерс К.Р. Эмпатия. // Психология эмоций. Тексты. М., 1984.
27. Рувинский Л.И. Рациональное и эмоциональное в морали. М., 1977.
28. Словарь по этике / Под ред. И.С. Кона. М., 1975.
29. Соломатина А.В. Нравственная децентрация как механизм развития личности. Диссертация на соиск. ученой степени канд. пс. н. М., 1992.
30. Субботский Е.В. Нравственное развитие дошкольника // Вопросы психологии. 1983. №4.
31. Субботский Е.В. Формирование морального действия у ребенка // Вопросы психологии. 1979. № 3.
32. Титов В.А. Мораль: познание и действие. М., 1987.
33. Трунова Е.В. Анализ содержания моральных норм подростков (на основе переживания чувства вины). Дипломная работа. Рукопись.
34. Флейвелл Дж. Генетическая теория Жана Пиаже. М., 1967.
35. Фрейд З. Введение в детский психоанализ. М., 1991.
36. Хьел Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб, 1997.
37. Эльконин Д.Б. // Материалы симпозиумов (IX научная конференция по возрастной морфологии, физиологии и биохимии). М., 1969.
38. Эриксон Э. Детство и общество. М., 1996.
39. Якобсон С.Г. Психологические проблемы этического развития детей. М., 1994.
40. Amato, P.R. (1990). "Personality and Social Network Involvement as Predictors of Helping.
41. Aronfreed J. The socialization of altruistic and sympathetic behavior // Altruism and Helping behavior. N.Y. 1970. pp.103-126.
42. Aronfreed, J. (1970). The socialization of altruistic and sympathetic behavior: Some theoretical and experimental analyses. In J. Macaulay & L. Berkowitz (eds.), Altruism and helping behavior New York: Academic Press.

43. Bargh J.A, Chartrand, T.L. The chameleon effect: The perception-behavior link and social interaction // *Journal of personality and Social Psychology*, 1999, 76, 893-910.
44. Barnett, K.; Darcie, G.; Holland, C.J; & Kobasigawa, A. (1982). Children's cognitions about effective helping. *Developmental Psychology*, 18, 267-277.
45. Barnett, M. (1987). Empathy and related responses in children. In N. Eisenberg and J. Strayer (Eds.), *Empathy and Its Development*. New York: Cambridge University Press.
46. Baron, R. M. & Kenny, D. (1986). The moderator mediator variable distinction in social psychological research: Conceptual, strategic, and statistical considerations. *Journal of Personality and Social Psychology*, 51, 1173-1182.
47. Barriga, A., Morrison, E., Liao, A., & Gibbs, J. C. (2001). moral cognition: Explaining the gender difference in antisocial behavior. *Merrill-Palmer Quarterly*, 47, 532-562.
48. Batson, C. D., Fultz, J., & Shoenrade, P. A. (1987). Distress and empathy: Two qualitatively distinct vicarious emotions with different motivational consequences. *Journal of Personality*, 55, 10-38.
49. Batson CD, Ahmad N, Yin J, Bedell SJ, Johnson JW, et al. 1999. Two threats to the common good: self-interested egoism and empathy-induced altruism. *Pers. Soc. Psychol. Bull.* 25:3-16.
50. Batson CD, Polycarpou MP, Harmon-Jones E, Imhoff HJ, Mitchener EC, et al. 1997a. Empathy and attitudes: Can feelings for a member of a stigmatized group improve feelings toward the group? *J. Pers. Soc. Psychol.* 72:105-18.
51. Batson CD. (1998). Altruism and prosocial behavior. In *The Handbook of Social Psychology*, ed. DT Gilbert, ST Fiske, G Lindzey, 2:282-316. Boston: McGraw-Hill.
52. Batson CD. 1997. Self-other merging and the empathy-altruism hypothesis: reply to Neuberg et al. (1997). *J. Pers. Soc. Psychol.* 73:517-22.
53. Batson, C., Turk, C., Shaw, L., & Klein, T. (1995). Information function of empathic emotion: Learning that we value the others welfare. *Journal of Personality and Social Psychology*, 68, 300-313.
54. Batson, C.D. (1987). Prosocial motivation: is it ever truly altruistic? In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 20). New York: Academic Press.
55. Batson, D., & Coke, J.S. 1981. Empathy: A source of altruistic motivation for helping? In J.P. Rushton & R.M.
56. Batson. C.D. & Coke, J.S. (1981). Empathy: a source of altruistic motivation for helping? In J.P. Rushton & R.M. Sorrentino (Eds.), *Altruism and helping*

behavior: Social, personally, and developmental perspectives. Hillsdale. N.J.: Erlbaum.

57. Battistich, V., Schaps, E., Watson, M., & Solomon, D. (1996). Prevention effects of the Child Development Project: Early findings from an ongoing multisite demonstration trial. *Journal of Adolescent Research*, 11, 12-35.

58. Baumrind, D. (1989). Rearing competent children. In W. Damon (Ed.), *Child development today and tomorrow* (pp. 349-378). San Francisco: Jossey-Bass.

59. Baumrind, D. (1991). Effective parenting of adolescents. In P. Cowan & E. M. Hetherington (Eds.), *The effects of transitions on families* (pp. 111-163). Hillsdale, N.J.: Erlbaum.

60. Bem, D. J. (1972). Self-perception theory. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 6). New York: Academic Press.

61. Berkowitz M. W. The education of the complete moral person, 1998. URL: <http://www.findarticles.com>

62. Behavior in Everyday Life," *Social Psychology Quarterly*, 53:31-43.

63. Berkowitz, L., & Lutterman, K. (1968). The traditionally socially responsible personality. *Public Opinion Quarterly*, 32, 169-185.

64. Blasi, A. (1995). moral understanding and the moral personality: The process of moral integration. In W. Kurtines & J. Gewirtz (Eds.), *moral development: An introduction* (pp. 229-253). New York: Allyn & Bacon.

65. Bohart, A. C., & Greenberg, L. S. (1997). *Empathy reconsidered*: New.

66. Blum LA. 1980. *Friendship, Altruism, and Morality*. London: Routledge & Kegan Paul. 234 pp.

67. Boulder: Westview Press.

68. Boyes, M. & Allen, S. (1993). Styles of parent child interaction and moral reasoning in adolescence. *Merrill-Palmer Quarterly*, 39, 551-570.

69. Brabeck, M. (1995). morality: Thoughts about the past, thoughts about the future. *Moral Education Forum*, 20, 3-9.

70. Bronfenbrenner, U. (1979). *The ecology of human development: Experiments by nature and design*. Cambridge, MA: Harvard Press.

71. Brown, B., Mounts, N., Lamborn, S., & Steinberg, L. (1993). Parenting practices and peer group affiliation in adolescence. *Child Development*, 64, 467-482.

72. Clark, C. (1987). Sympathy biography and sympathy margin. *American Journal of Sociology*, 93(2), 290-321.

73. Bryant, B. K. (1981). An index of empathy for children and adolescents. *Child Development*, 53, 413-425.

74. Carlo, G. & Randall, B. A. (2002). The development and validation of a multidimensional measure of prosocial behavior. *Journal of Youth and Adolescence*, 31, 31-44.
75. Carlo, G., Hausmann, A., Christiansen, S., & Randall, B. A. (2003). Validation of the Prosocial Tendencies Measure with early- and middle-aged adolescents: Relations with cognitions, emotions, and social behaviors. *Journal of Early Adolescence*, 23, 107-134.
76. Chartrand, T.L. & Bargh, J.A. (1999). The chameleon effect: The perception-behavior link and social interaction. *Journal of Personality and Social Psychology*, 76, 893-910.
77. Coie, J. D. & Dodge, K. A. (1998). Aggression and antisocial behavior. In N. Eisenberg (Ed.), *Handbook of Child Psychology* (5th edn), Vol. 3 (pp. 779-862). New York: Wiley.
78. Colby, A. & Damon, W. (1992). *Some do care: Contemporary lives of moral commitment*. New York: Free Press.
79. Colby, A. & Kohlberg, L. (1987). *The measurement of moral judgment*. Volume 1. New York: Cambridge University Press.
80. Darling, N. & Steinberg, L. (1993). Parenting style as context: An integrative model. *Psychological Bulletin*, 113, 487-96.
81. Dishion, T., Patterson, G., Stoolmiller, M., & Skinner, M. (1991). Family, school, and behavioral antecedents to early adolescent involvement with antisocial peers. *Developmental Psychology*, 27, 172-180.
82. Cooley, C.N. (1926). "Heredity or Environment," *Journal of Applied Sociology*.
83. Dovidio, J. F., Gaertner, S. L., & Kafati, G. (2000). Group identity and inter-group relations: The Common In-Group Identity Model. In S. R. Thye, E. J. Lawler, M. W. Macy, & H. A. Walker (Eds.), *Advances in group processes* (Vol. 17, pp. 1-34). Stamford, CT: JAI Press.
84. Dunn, J. (1984). *Sisters and brothers*. Cambridge, MA: Harvard University Press. London: Fontana.
85. Eisenberg, N. (1995). Prosocial development: A multifaceted model. In W. Kurtines & J. Gewirtz (Eds.), *moral development: An introduction*. (pp. 401-430). Needham Heights, MA: Allyn & Bacon.
86. Eisenberg, N., & Lennon, R. (1980). Altruism and the assessment of empathy in the preschool years. *Child Development*, 51, 552-557.
87. Eisenberg, N., & Miller, P. A. (1987). The relation of empathy to prosocial and related behaviors. *Psychological Bulletin*, 101, 91-119.

88. Eisenberg, N., Carlo, G., Murphy, B., & van Court, P. (1995). Prosocial development in late adolescence: A longitudinal study. *Child Development*, 66, 1179-1197.
89. Eisenberg, N., Fabres, R. A., Miller, P. A., Fulz, J., Shell, R., Mathy, R. M., & Reno, R. R. (1989). Relation of sympathy and personal distress to prosocial behavior: A multi dimensional study. *Journal of Personality and Social Psychology*, 57, 55-66.
90. Ferguson T., Guilt and Shame Experiences in Elementary School-age Children. // *European Perspectives in Psychology*. Vol.1, Eds. Piter f. D.Drenth et al., 1990.
91. Feshbach, N. & Roe, K. (1968). Empathy in six- and seven-year olds. *Child Development*, 39, 133-145.
92. Gibbs, J. (1995). The cognitive developmental perspective. In W. Kurtines & J. Gewirtz (Eds.), *moral development: An introduction* (pp. 27-48). Needham.
93. Habermas, J. (1985). Philosophical notes on moral judgment theory. In: G. Lind, H.A. Hartmann & R. Wakenhut, eds.,.
94. Haidt J. The emotional Dog and Its Rational Tail: A Social Intuitions Approach to Moral Judgment // *Psychological Review*, 2001, Vol.108. No.4, 814-834.
95. Haidt, J. (2001). The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment. *Psychological Review*, 108, 814-834.
96. Hart, D. & Fegley, S. (1995). Prosocial behavior and caring in adolescence: Relations to self-understanding and social judgment. *Child Development*, 66, 1346-1359.
97. Hart, D., Atkins, R., & Ford, D. (1998). Urban America as a context for the development of moral identity in adolescence. *Journal of Social Issues*, 54, 513-530.
98. Hart, D., Yates, M., Fegley, S., & Wilson, G. (1995). moral commitment among inner-city adolescents. In M. Killen & D. Hart (Eds.), *morality in everyday life: Developmental perspectives* (pp. 317-341). New York: Cambridge University Press.
99. Hoffman M.L., *Empathy and Moral Development*. Cambridge University Press, 2000.
100. Hartshorn, H. & May, M. (1930). *Studies in the nature of character: Studies in the organization of character*. Vol. 3. New York: MacMillan.
101. Hoffman, M. & Saltzstein, H. (1967). Parent discipline and the child's moral development. *Journal of Personality and Social Psychology*, 5, 45-57.
102. Hoffman, M. (1975). Developmental synthesis of affect and cognition and its implications for altruistic motivation. *Developmental Psychology*, 11: 607-622.

103. Hoffman, M. (1982). The measurement of empathy. In C. Izard (Ed.), *Measuring emotions in infants and children* (pp. 279-296). New York: Cambridge University Press.
104. Hoffman, M. L. Developmental synthesis of affect and cognition and its implications for altruistic motivation. *Developmental Psychology*, 11, 607-622.
105. Hoffman, M. L. (1977). Empathy, its development and prosocial motivations. In H. E.
106. Hunsberger, B., Pratt, M. W., & Pancer, S. M. (2001). Adolescent identity formation: Religious exploration and commitment. *Identity*, 1, 365-386.
107. Hekansson, J., & Montgomery, H. (in press). Empathy as an Imagining how another feels versus imagining how you would feel. interpersonal phenomenon. *Journal of Social and Personal Relationships*.
108. Johnson, J. D., Adams, M. S., Ashburn, L. & Reed, W. (1995). Differential gender.
109. Johnson, J. D., Jackson, L. A. & Gatto, L. (1995). Violent attitudes and deferred academic aspirations: Deleterious effects of exposure to rap music. *Basic and Applied Social Psychology*, 16, 27-41.
110. Johnson, J. D., Trawalter, S. & Dovidio, J. F. (2000). Converging interracial consequences of exposure to violent rap music on stereotypical attributions of Blacks. *Journal of Experimental Social Psychology*, 36, 233-251.
111. Jordan J. V. The Role of Mutual Empathy in Relational / Cultural Therapy // *Journal of Clinical Psychology*, Vol.56. No.8, August, 2000.
112. Kim, J. E., Hetherington, E. M., & Reiss, D. (1999). Associations among family relationships, antisocial peers, and adolescents' externalizing behaviors: Gender and family type differences. *Child Development*, 70, 1209-1230.
113. Kohlberg, L. (1971). *From Is to Ought: How to Commit the Naturalistic Fallacy and Get Away with It in the Study of Moral Development*. New York: Academic Press.
114. Krebs, D., & Russell, C. (1981). Role-taking and altruism: When you put yourself in the shoes of another, will they take you to their owner's aid? In J.P. Rushton & R. M. Sorrentino (Eds.), *Altruism and helping behavior* (pp. 137-166). Hillsdale, NJ: Erlbaum.
115. Krebs, D. L., & Denton, K. (2005). Toward a More Pragmatic Approach to Morality: A Critical Evaluation of Kohlberg's Model. *Psychological Review*, 112, 629-649.
116. Krebs, D. L., & Denton, K. (2006). Explanatory Limitations of Cognitive-Developmental Approaches to Morality. *Psychological Review*, 113, 672-675.

117. Krebs, D., Denton, K.L., Vermeulen, S.C., Carpendale, J.I. & Bush, A. (1990). The structural flexibility of moral judgment. *Journal of Personality and Social Psychology*.
118. Krebs, D.L., & Miller, D.T. (1985). Altruism and aggression. In G. Lindzey & E. Aronson (Eds.), *Handbook of social psychology*. (Vol. 2) (3rd ed.). New York: Random House.
119. Lamborn, S., Mounts, N. S., Steinberg, L., & Dornbusch, S. M. (1991). Patterns of competence and adjustment among adolescents from authoritative, authoritarian, indulgent, and neglectful families. *Child Development*, 62, 1049-1065.
120. Lapsley, D. K. & Lasky, B. (2001). Prototypic moral character. *Identity*, 1, 345-363.
121. Larson, R. W. (2000). Toward a psychology of positive youth development. *American Psychologist*, 55, 170-183.
122. Lennon, R., Eisenberg, N., & Carroll, J. (1983). The assessment of empathy in early childhood. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 4, 295-302.
123. Lewinsohn, P. M., Mischel, W., Chaplin, W., & Barton, R. (1980).
124. Lickona, T. (1991), *Education for character: How our schools can teach respect and*.
125. Loeber, R. & Dishion, T. J. (1983). Early predictors of male delinquency: A review. *Psychological Bulletin*, 94, 68-98.
126. Macaulay, J., & Berkowitz, L. (1970). *Altruism and helping behavior*. New York: Academic Press.
127. Maccoby, E. & Martin, J. (1983). Socialization in the context of the family. In E. M. Hetherington (Ed.), *Handbook of child psychology*, Vol. 4 (pp. 1-101). New York: Wiley.
128. Mackey, K., Arnold, M. L., & Pratt, M. W. (2001). Adolescents' stories of decision-making in more or less authoritative families: Representing the voices of parents in narrative. *Journal of Adolescent Research*, 16, 243-268.
129. Mead, G. H. (1934). Fragments on ethics. In C. W. Morris (Ed.), *Mind, self and society: From the standpoint of a social behaviorist* (pp. 379-389). Chicago: University of Chicago Press.
130. media events: A cognitive-neoassociation analysis. *Psychological Bulletin*, 95, 410-427.
131. Mills, R. & Grusec, J. (1989). Cognitive, affective, and behavioral consequences of praising altruism. *Merrill-Palmer Quarterly*, 35, 299-326.
132. Pancer, S. M. & Pratt, M. (1999). Social and family determinants of community service involvement in Canadian youth. In M. Yates & J. Youniss (Eds.), *Community service and civic engagement in youth: International perspectives* (pp. 32-55). Cambridge: Cambridge University Press.

133. Pancer, S. M., Pratt, M. W., & Hunsberger, B. (1998). Community and political involvement: What distinguishes the activists from the uninvolved? Poster presented at the Biennial Meetings of the Society for Research on Adolescence, San Diego, February.
134. Patterson, G. R. (1982). Coercive family process. Eugene, OR: Castalia.
135. Piliavin, J.A., Callero, P. L., & Evans, D. E. (1982). Addiction to altruism? Opponent-process theory and habitual blood donation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 43(6), 1200-1213.
136. responsibility. New York: Bantam Books.
137. Rest, J. (1986). Moral development: Advances in research and theory. New York: Praeger.
138. Rest, J.R. (1979). Development in Judging Moral Issues. Minneapolis, Minnesota: University of Minnesota Press.
139. Rest, J.R., Narvaez, D., Bebeau, M.J. & Thoma, S.J. (1999). Postconventional moral thinking. A Neo-Kohlbergian approach. Mahwah, NJ: Erlbaum.
140. Rushton, J., Brainerd, C., & Pressley, M. (1983). Behavioral development and construct validity: The principle of aggregation. *Psychological Bulletin*, 94, 18-38.
141. Schwartz, S. H. (1970). Elicitation of moral obligation and self-sacrificing behavior: An experimental study of volunteering to be a bone marrow donor. *Journal of Personality and Social Psychology*, 15(4), 283-293.
142. Simmons, R. G. (1991). Altruism and sociology. *Sociological Quarterly*, 32(1), 1-22.
143. Sorrentino (eds.) Altruism and helping behavior: Social, personality, and developmental perspectives. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates.
144. Staub, E. (1978). Positive social behavior and morality: Social and personal influences. Vol. 1. New York: Academic Press.
145. Thomas R. Murray. Education, Contributions to study of, No.69. Westport, Conn. 1997.
146. Verducci S. A Moral Method? Thoughts on cultivating empathy through Method acting // *Journal of Moral Education*, Vol.29, No.1, 2000.
147. Walker L.J.et al. Parent and Peer Context for Children's Moral Development // *Child Development*, July/August. Vol. 71. №4, 2000.
148. Walker, L.J. (1983). Sources of cognitive conflict for stage transition in moral development. *Developmental Psychology* 19, 103-110.
149. W. van Haaften, T. Wren, & A. Tellings (Eds.). (1999). Moral sensibilities and the education, Volume II: The schoolchild. Bemmeler (London, Paris): Concordeo.

150. Wren T.E. The Moral Domain: Essays in the ongoing discussion between philosophy and social science // Ed by. Wren T.E. in coop Edelstein W. Cambridge Press, 1987, 414 pp.

151. Wuthnow, R. (1993). Altruism and sociological theory. *Social Service Review*, 67(3), 344-357.

152. Zahn-Waxler C. & Hastings P. D. Development of empathy: Adaptive and maladaptive patterns. // *Moral sensibilities and education I: The preschool child*/ Wouter van Haaften, Thomas Wren, Agnes Telling (Eds), 1999.

153. Zahn-Waxler, C., Radke-Yarrow, M., Wagner, E., & Chapman, M. (1992). Development of concern for others. *Developmental Psychology*, 28, 126-136.